

ПАШНЯ

ИЮНЬ 2023

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

Практика

Анастасия Володина: «Я автор, который очень сильно укоренен в действительности»

Мария Фадеева

План, спонтанность, спонтанный план

Читаем летом: книжные рекомендации мастеров CWS

Доска почета

Роман Татьяны Млынчик «Ловля молний на живца»

Конкурс

Мастерская «Как писать фантастику: летний интенсив»

Стипендии CWS

Мастерская «Литмастерство: интенсив»

Мастерская «Пишем роман: от идеи до редакции»

Стипендии CWS

Мастерская «Сильный текст: как писать об эмоциях»

Стипендии CWS

Онлайн-курс Анны Старобинец «Фэнтези, хоррор, фантастика: придумать и написать»

Стипендии CWS

Онлайн-курс Бориса Павловича и Анны Рябчиковой «Сторителлинг»

Стипендии CWS

Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»

Стипендии CWS

Онлайн-курс Марины Степновой «Проза. Язык и стиль»

Стипендии CWS

Проза

Homcoming

Дарья Абрамова

А потом погаснет свет

Саша Филатова

Великан

Сания Сыздыкова

Вишневый сад

Светлана Румянцева

Волна за волной

Надежда Филимоненкова

Воображение

Виктория Сигорова

Двоечница

Дарья Андреева

Дед Павел. Трагедия звездного скитальца

Марат Сабитов

Живодерка

Дарья Андреева

Краткая история жизни хохотушки Евы

Мария Лаврентьева

Лангыши

Кристина Быковская

Лето — это маленькая жизнь

Алевтина Усенко

Медведь

Мария Фадеева

Миндаль и можжевельник

Дарья Блинова

Мулу-баббар

Светлана Ачкасова

На сковороде

Зоя Маслова

Настольное преступление

Полина Щербак

Не грейфь, геолог!

Анна Ханен

Отпуск

Алена Алькова

Пассажир

Яна Соловьёва

Плач Ярославны. Анамнез. Анализ.

Виктория Кукушкина

Похождения Печенегина

Александра Костяева

Просто посидим

Елена Сагчикова

Рождественская Звёздочка

Елена Антонова

Свободное место

Анастасия Молчанова

Спокойная ночь

Нина Симон

Сцена

Анна Лосева

Точка сборки

Елена Кулигина

Туда. Поближе

Ашот Оганесян

Ты — куриатка!

Дарима Жапова

Чудо

Софья Филатова

Электрификация

Ксения Ерофеева

Анастасия Володина: «Я автор, который очень сильно укоренен в действительности»

Мария Фадеева

Анастасия Володина — филолог, литературовед, кандидат наук, прозаик. В 2020 году рукопись ее дебютного романа «Часть картины» вышла в финал премии «Лицей», в 2021 попала в длинный список международной премии интеллектуальной литературы имени Зинovieва. Однако увидел свет роман только в 2022 — вместе во второй книгой «Протагонист». Мы поговорили с Анастасией Володиной о ее текстах, читательских интересах и воспоминаниях как основе для книг.

В прошлом году у вас вышли сразу два романа, причем не в порядке написания. Как так получилось?

— У меня вышло параллельно два романа. Один из них мой дебютный, «Часть картины», вышел в сервисе Строки изначально в электронном формате, в этом году он появился уже в аудио и в бумажном варианте. «Протагонист» сразу вышел в бумаге в Редакции Елены Шубиной. Так получилось, что мой дебютный роман подзастрял, я сама не очень понимала, куда его отдавать, и активно его кому-то не предлагала, кроме конкретного издательства, которое его не взяло. Когда я уже знала, что «Протагонист» точно будет выходить в РЕШ, я услышала об опен колле от Строк и просто отправила рукопись «Картины». Мне очень быстро ответили и сказали, что готовы взять мой роман, и этот вариант устроил оба издательства.

Как к вам пришли идеи этих книг?

— Оба романа были вдохновлены реальными ситуациями или случаями, которые могли бы произойти. Роман «Часть картины» начался с новости о том, что в центре города было предотвращено трагическое событие. Начало «Протагонисту» положила новость о реальной трагедии, — студент, обвинив администрацию университета, покончил с собой.

Как вписать в роман реальные события? Какие на этом пути автора могут поджидать трудности?

— Я в принципе автор, который очень сильно укоренен в действительности, поэтому истории в моих текстах происходят в современности. Мне проще писать, когда что-то уже было или могло бы произойти, но это что-то реальное. Я как раз вижу здесь мало ограничений по использованию реального материала, потому что ты просто берешь и, условно, пишешь портрет действительности. С другой стороны, опасность, которая здесь есть, это понимание того, что с реальными событиями тоже нужно работать. Их нужно олитературивать, потому что жизнь странна, абсурдна. Иногда бывают такие совпадения, в которые ты ни за что не поверишь, а они на самом деле были. И вот в книге приходится проводить какие-то дополнительные параллели и связи, чтобы те или иные моменты выглядели более достоверно. То есть, жизнь иногда более нереалистична, чем то, что нам требуется в тексте.

Есть ли в книгах моменты, где вы обращались к своим воспоминаниям?

— В обеих моих книгах, так или иначе, есть какие-то личные воспоминания. Если мы говорим про «Часть картины», то там есть мой фон: героиня одного со мной года рождения, она родом из тех же мест, откуда и я, и безусловно, это помогло лучше её прописать. В «Протагонисте» девять героев, и в истории почти каждого из них присутствуют мои собственные воспоминания, а в самих героях — одна из моих профессиональных или личных ипостасий. Будь то преподаватель, студентка, только въехавшая в общежитие, или человек, который чувствует себя не очень на своём месте.

Чем полезны воспоминания для текста, даже если пишешь не автобиографию, а художественный текст?

— Воспоминания полезны тем, что текст без них может превратиться в статью из Википедии или что-то вроде, то есть в набор общих фактов, общих данных. Если вы провели ресерч — посмотрели чужие видео, прочитали чужие книги, но у вас не случилось личной *сцепки с событиями*, то это будет чувствоваться в художественном тексте. Хорошо, если у вас был схожий опыт и реальное столкновение с событиями в подобной обстановке, с похожими людьми. Это сразу индивидуализирует вашу историю и за счёт этого делает ее более живой.

Роман «Часть картины» написан от третьего лица, «Протагонист» — от первого, причем лицо это меняется. Как вам было работать сложнее/интереснее? Как вообще автору выбрать, с какой точки зрения рассказывать историю?

— В плане выбора точки зрения все очень индивидуально. Мне, наверное, органичнее все-таки работать с первым лицом. Потому что для меня написание — это все же некоторая форма актерства, и когда пишешь от первого лица, ты лучше вживаешься в эту самую роль. Но с другой стороны, если хочется создать эффект такого *над-мирного* присутствия, то, может быть, третье лицо будет уместней. Тут диктует текст, а не автор. Для некоторых форм подходит написание именно от первого лица, и бывает, что читаешь текст и думаешь, ну почему не в первом. Другие тексты наоборот, хочется переделать из первого в третье. Мне кажется, это диктуется и жанром, и темой, и индивидуальными потребностями писателя тоже.

«Протагониста» называют и психологическим триллером, и детективом, и университетским романом, а само название вообще отсылает к древнегреческому театру. Как вы для себя определяете жанр книги?

— «Протагонисту» я придумала жанр — *академическая трагедия*. Я все время его отмечаю, приходится, правда, пояснять, что это такое. Мне нравится присутствие здесь слова *трагедия*, потому что оно оправдывает небольшой объём романа. Это роман такого драматургического плана и масштаба, не огромная махина на сотни страниц, у меня их там чуть больше 300. И это уместно, если посмотреть, например, на какой-нибудь сборник трагедий Эсхила или Еврипида. И *академическая*, а не университетская, потому что у нас все-таки есть жанр университетского романа, за ним закреплены некоторые особенности, и мой роман не очень под это подходит. Когда меня называют автором триллера или детектива, безусловно, это тоже не совсем правильно. Потому что если это детектив, то в моем романе нет убийцы, мы не сможем его найти. Если это триллер, то будет не так уж страшно. Книгу можно назвать триллером только в том смысле, что я нагнетаю саспенс и местами делаю это достаточно активно. Буквально сегодня, у нас сейчас 22 мая, мой роман вошел в топ 100 Лайвлиба в жанре триллера, и мне кажется, если его сейчас придут читать любители

Стивена Кинга, они очень сильно разочаруются. Академическая трагедия, вот мой жанр.

Я верю в разделение на авторов с романым дыханием и дыханием рассказчика

«Часть картины» — книга о современной школе, где так непросто молодым учителям. Это тоже детективная история и тоже психологическая. Расскажите, как вы работаете с саспенсом.

— Мне нравится саспенс именно психологический, как в хорошем фильме. Хороший хоррор не будет пугать тебя выскакиванием из угла, он скорее будет работать именно на уровне ощущений. То есть, это работа с тревогой, скорее с какими-то нашими подсознательными страхами. Вот ты чувствуешь, что сейчас что-то будет, что-то будет, и вот оно, хоп, и действительно происходит. Или хоп, тебя здесь обманули, и оно не произошло. Для меня саспенс это в целом про уровень ощущений и психологического дискомфорта. Такое вытягивание и читателя, и автора, и героя из зоны комфорта в пространство неизвестного.

Нужно ли, на ваш взгляд, при выборе темы ориентироваться на интересы читателя? И как понять, что личная для автора тема будет интересна другим?

— Про интересы читателя — это опасная штука, все зависит от того, что именно вы пишете. Если вы пишете в жанре, то учитывать интересы читателя безусловно стоит, потому что это расчет на массовую аудиторию. Если вы пишете как пишется, то я боюсь, что ориентация на читателя может принести вам больше вреда, чем пользы. Себе-то сложно угодить, а тут нужно угодить ещё какому-то абстрактному, непонятному читателю. Писать

заранее с оглядкой на кого-то мне, например, сложно, я обычно не представляю, кто мой читатель. Единственное, что я действительно делаю в своих текстах, это даю какую-то зацепку, что-то вроде интриги. Надеюсь, что для кого-то этого будет достаточно, чтобы начать и захотеть продолжить читать этот текст. Я сама такой читатель, я хочу, чтобы меня в текст втащили. Не обязательно каким-то внезапным сюжетным поворотом, это может быть и на уровне языка, и на уровне того же самого саспенса. Но если говорить про какого-то абстрактного читателя, то мой первый читатель — это я сама. И если мне этот текст нравится, я предполагаю, что найдётся количество людей, которым тоже будет интересно и захочется продолжить жить с этим текстом.

Как начинающему автору подступить к большой форме? Скоро в CWS начнется романная мастерская — как найти смелость начать работу над своей идеей?

— Я верю в это разделение на авторов с романым дыханием и дыханием рассказчика. Я, например, явно автор, которому всегда тяжело и тесно в рассказе. Более того, зачастую мне страшно писать рассказы, потому что я понимаю, что начинаю текст, который надо заканчивать довольно скоро и быстро. Я не успеваю в него погрузиться, продумать его, а уже он как-то кончается. Тут вопрос задумки, вопрос работоспособности, вопрос дисциплины и, конечно, умение долго работать над чем-то одним. Но, опять же, в плане романа всегда есть ряд каких-то лазеек. Можно, например, писать как Даша Бобылева, или как Саша Шалашова, у нее недавно вышел роман «Салюты на той стороне». То есть, можно писать роман в рассказах, это сейчас довольно популярный жанр, когда разные рассказы каким-то образом цепляются друг к другу и создают общую картину. И если страшно писать сразу что-то большое, появляется *страх белого листа*, то можно себе эту задачу психологически облегчить, сказать: вот я сейчас напишу одну главу, или главу как один рассказ. Всегда сложно начинать, продолжить намного проще. Чем больше написано, тем легче пишется дальше.

Любите ли вы своих героев? Нужно ли автору быть с ними эмоционально связанными или стараться относиться как наблюдатель, если такая позиция возможна?

— Да, я своих героев люблю, ненавижу, вступаю с ними в какие-то взаимоотношения, живу с ними, общаюсь, вижу их перед собой, засыпаю с ними, просыпаюсь с ними. Поэтому для меня герои — это такие вполне реальные фигуры. Иногда даже хочется привести кого-нибудь в пример, «а вот помнишь, как у такого-то случилось то-то», а потом понимаешь, что человек не читал мой роман, и речь идёт не о каком-то нашем общем знакомом о моём персонаже. А я о нём думаю как о живом человеке, с которым все это реально произошло. У меня очень эмоциональные отношения с моими героями, и я всегда реагирую на то, что о них говорят. Когда ругают персонажей того же «Протагониста», я всегда воспринимаю это лично. И конечно, это главная проблема, когда ты пишешь о себе. Я стараюсь именно о себе не писать. Когда нужно разделить себя как человека и себя как героя, нужна способность смотреть на себя со стороны. Это некоторый тип диссоциации, когда человек, условно, умеет выходить из своего тела и наблюдать за ситуацией со стороны, видеть себя, в том числе, — в не самом приглядном свете. На мой взгляд, автор должен быть безжалостен, но не в значении *жесток*, а в значении *не заниматься цензурой* по отношению к себе или к своим персонажам.

Расскажите про вашу следующую книгу – уже работаете над чем-то?

— Про следующую книгу ничего не могу рассказывать. У меня есть текст, над которым я работаю, но это, к сожалению, все, что я имею право сказать.

Что вы сами любите читать?

— Сейчас я очень активно читаю молодых русскоязычных авторов, нас стало так много, что всех не успеваешь охватить. Я поняла, что в принципе последние пару лет у меня проблемы с чтением зарубежной литературы как раз потому, что у нас очень резко стал отличаться контекст, появляется ощущение, что ты смотришь какую-то передачу про вообще другой мир. Поэтому я сейчас больше читаю нашу литературу, причём как современную, так и, например, столетней давности. Мне стало очень интересно, как люди переживали исторические события в двадцатые годы XX века, и сейчас ощущается намного больше пересечений, чем когда ты читал те же самые тексты в школе. Охотно читаю русскоязычных авторов, то, что издаёт Редакция Елены Шубиной и Альпина. У меня много друзей среди них, если перечислять фамилии, то это Ислам Ханипаев, Иван Шипнигов, Дашу Бобылеву я уже называла. Недавно в Альпине вышел совершенно блестящий роман Ромы Декабрева. Такой модернистский, сложный, одновременно очень синефильский и философский текст, в котором можно копать бесконечно и с каждым прочтением находить какие-то новые смыслы. Меня интересует и радует то, что сейчас пишут мои ровесники, в какой-то степени, — это моё отражение, и отражение поколения в целом.

План, спонтанность, спонтанный план

Когда находишься в начале писательского пути, непросто организовать работу над своим текстом. В издательстве «Манн, Иванов и Фербер» вышла книга Джеффа Сомерса «Нам понравилась ваша рукопись». Это пособие дает необычный подход к писательскому мастерству, известный автор научной фантастики с юмором рассказывает о том, как пройти весь путь от зарождения идеи до публикации и продажи своей книги.

Представляем фрагмент книги, рассказывающий о том, нужно ли составлять план, работая над текстом.

ПЛАН, СПОНТАННОСТЬ, СПОНТАННЫЙ ПЛАН И ЧТО ЕЩЕ НУЖНО, ЧТОБЫ ДОВЕСТИ ДЕЛО ДО КОНЦА

С планом или без?

Каждому писателю что-то дается легко, а что-то нет. Подобно тому как у профессиональных спортсменов есть сильные

и слабые места, каждый автор хорош в некоторых аспектах своего ремесла, в то время как другие задачи требуют от него больше сознательных усилий и труда. Возможно, вы из тех, у кого куча идей, но вам сложно организовать их в последовательное и связанное повествование длиной в 80 000 слов. Или вы мастер эффектных зачинов, но быстро теряете запал и еще ни разу не добрались до конца второй главы. Кому-то хорошо даются диалоги, но плохо — проработка персонажей. Как бы то ни было, у каждого есть что-то, что выходит само собой, а над всем остальным нужно потрудиться.

Все это касается придумывания и планирования сюжета. Авторы, в зависимости от естественных склонностей, делятся на Планировщиков и Выдумщиков. Если вы не знаете, что это такое, пристегните ремни: нам предстоит увлекательное путешествие длиной в 300 слов (Если вы знаете, что это такое, и начинаете задаваться вопросом «зачем купили эту книгу?», напомним: обмен и возврату она не подлежит.).

ПЛАНИРОВЩИКИ И ВЫДУМЩИКИ

Дам вам простейшее определение: сюжет — это ряд событий, происходящих с вашими

персонажами. Он может родиться у вас по-разному, но основных способов всего два.

Спонтанный способ — это когда вы придумываете на ходу: начинаете писать, имея некое представление о героях или замысел, и дальше выстраиваете сюжет по наитию. А когда вы заходите в тупик, то ищете вдохновение и способ оттуда выбраться. Автор, который пишет спонтанно, — это Выдумщик.

По плану — это когда вы продумываете сюжет до того, как начать писать. Можно составить старый добрый поглавник, нарисовать таблицу или схему, расписать сцены на миллионах карточек или использовать специальные компьютерные программы. Какими бы материалами и инструментами вы ни пользовались, суть в том, что вам заранее известно, как будут развиваться события в вашей книге. Вы знаете это, еще не написав ни слова. Автор, который все продумывает заранее, — Планировщик.

Если вы никогда не задумывались, кто вы, Выдумщик или Планировщик, стоит вам поразмыслить — и вы наверняка без труда отнесете себя к одной из двух категорий. Планировщику сама мысль о том, чтобы написать роман без схемы, кажется безумной. А если Выдумщик начнет работать над книгой, заранее зная сюжет, он почувствует, что пишет чужой роман. На литературных конференциях два противоборствующих лагеря часто устраивают стычки (*Пока что вы прочитали всего 197 слов. В этом, без всяких сомнений, заключается существенная трудность, когда вы используете статистику текстового редактора как писательский инструмент: проблем она больше создает, чем решает. В тот самый момент, когда вы придумываете, что проект или какая-то его отдельная часть должны содержать конкретное количество слов, вы либо лжете самому себе, либо обрекаете себя на то, чтобы бесконечно доливать туда воду, что, конечно, только потратит время читателя. В идеальном мире все написанное будет ровно такой длины, какой ему и следует быть, чтобы реализовать художественные и экономические цели, которые преследует этот текст, но не более того. А вот теперь 300 слов.*).

Страшная тайна, которую вам никто никогда не откроет: оба подхода эффективны, все зависит лишь от обстоятельств. У каждого из них есть преимущества и недостатки. Планировщики, например, заранее знают весь сюжет, и это круто. Они могут добавить различные детали, которые усилят впечатление читателя от сюжетных поворотов и позволят глубже понять характер персонажей. Но при этом у Планировщиков меньше шансов найти жемчужину и гораздо выше риск, что собственная история им наскучит. Выдумщики в полной мере ощущают весь восторг *творчества*: стоит им разойтись, и сюжет закручивает их в вихре воображения. Выдумщик часто сам себя удивляет неожиданными идеями. Однако, когда он на трезвую голову перечитывает написанное, сюжетные повороты часто перестают казаться ему такими уж гениальными, а иногда больше напоминают бессвязный бред.

Неочевидный совет

Если вы не можете вспомнить, откуда у вас взялся замысел романа, или вам кажется, что все это пишете будто не вы, а сверхъестественная сила, для которой вы лишь проводник, не волнуйтесь (*Например, я совершенно не помню, как написал несколько романов, которые хранятся у меня на жестком диске; мало того, я даже примерно не смогу рассказать, о чем они. Но любого, кто хоть немного со мной знаком, это вряд ли удивит: среди друзей я известен как человек, чья память существует только в теории. Также у меня весьма своеобразные отношения со временем, отчего меня считают кем-то вроде Снеговика Фрости литературного мира: каждое утро я просыпаюсь, кричу: «Я родился!» — а дальше, чтобы вспомнить свое имя и прочие обстоятельства жизни, вынужден читать татуировки на своем теле, как в нолановском «Помни». Моей жене все это не нравится. Мои друзья, агент и приятели среди писателей злоупотребляют этой моей особенностью, заставляя меня угощать их выпивкой снова и снова.*). Многие авторы переживают нечто подобное и не могут объяснить, как им пришла та или иная идея или как они проделали тот или иной литературный трюк.

СПОНТАННОСТЬ + ПЛАНИРОВАНИЕ

Когда я впервые выступил с презентацией «Снимай штаны и пиши! Планирование сюжета: Планировщики и Выдумщики» (дело было в 2014 году на ежегодной конференции журнала «Писательский дайджест»), никто в аудитории еще не слышал ни о каких *Планировщиках, Выдумщиках* и сочетании этих двух подходов, так что я считал себя гением (Если вы не были на конференциях журнала «Писательский дайджест» и не слышали (а главное, не видели) меня во всей моей толстопузой красе, можно купить аудиозапись онлайн (www.writersdigestshop.com/take-your-pants-off-and-write-audio-download) или прочитать статью, в которой я кратко изложил презентацию для «Писательского дайджеста» (URL: www.writersdigestshop.com/writers-digest-magazine-may-june-2016-digital-edition). Вы также можете купить мне бурбон и пачку чипсов, и я с радостью приду к вам в гости и выступлю перед вами лично. Впрочем, не советую давать мне алкоголь, прежде чем я закончу. Это не уберезет вас от того, что я буду в легком подпитии во время выступления, но с бурбоном я могу вырубиться прямо посреди вашей гостиной.). Но в последние годы все только и говорят, что о планировании, спонтанном сочинении и «спонтанном планировании», что может означать одно из двух: 1) я придумал эти термины, но забыл зарегистрировать торговую марку и потерял целое состояние на продаже лицензий; 2) их придумал не я.

Итак, *спонтанный план* — гибридный подход к планированию сюжета, в рамках которого мы признаем, что у планирования и спонтанности есть свои сильные стороны и право на существование, и при необходимости можем переключаться между этими двумя методами. Вы начинаете с того, который вам ближе, который, так сказать, соответствует вашей писательской ДНК, — и работаете до тех пор, пока все получается. Когда же начинаются проблемы, вместо того чтобы продолжать стегать дохлую лошадь (то есть использовать подход, который больше не работает), вы меняете тактику.

Неочевидный совет

На самом деле это лучший урок в мире: придерживайтесь какого-либо метода лишь до тех пор, пока он работает. Если вы пишете материал и вам он нравится, нет смысла пробовать экзотические подходы и применять новые теории литературной продуктивности. И наоборот: если вы только что сожгли 5000 черновиков своего неудавшегося романа, возможно, пришло время попробовать другой метод.

Допустим, по природе вы Планировщик и составили идеально продуманный, сложный план сюжета, где все сходится, как части головоломки. Вы беретесь за работу, и все идет как по маслу... до поры до времени. Вы вдруг чувствуете, что из сюжета уходит весь драйв. То, что казалось прекрасным в виде плана, на этапе реализации вдруг становится «деревянным» и надуманным, и вам больше не хочется работать над этой историей. Тогда вам нужно вернуться к тому моменту в книге, когда она перестала вам нравиться, и включить Выдумщика. Подбросьте самому себе гранату креативности: ваш Выдумщик непременно выдумает что-нибудь, выведет на сцену Сумасшедшего Ивана. Отложите свои аккуратные заметки, сойдите с дороги, которую мысленно проложили своему роману, и просто наблюдайте, что произойдет.

Порой такой подход творит чудеса. История оживает и начинает играть новыми красками, а сюжет поворачивает в неожиданном направлении. Бывает, что преодолеть писательский блок ¹ с помощью этого метода не получается, но мозг все-таки отвлекается и показывает вам, сколько побочных тропинок ответвляется от той, основной, которую вы себе наметили, — а вы даже не подозревали, что они там есть. Сам этот факт вновь зажигает в вас творческий огонь. Кроме того, появляется шанс взглянуть на сюжет под другим углом, а так легче увидеть неувязки и дыры в нем, которые и стали причиной неприятностей.

А потом (и в этом весь секрет), когда вы почувствуете, что снова в своей стихии, возвращайтесь к привычному методу и *снова становитесь Планировщиком*. Этот процесс можно повторять много раз. Пишите в своем естественном режиме (спонтанно или по плану) и переключайтесь на другой, если дело застопорится, а когда процесс снова сдвинется с мертвой точки, *возвращайтесь* к первоначальному методу.

Если вы, как я, Выдумщик ², книга для вас всегда вырастает из маленького зернышка. Это может быть что угодно: визуальный образ, персонаж, диалог всего из нескольких строчек, фрагмент сюжета, а иногда даже его кульминация или ключевая сцена ближе к концу. Вы берете свое зернышко и просто начинаете писать, удивляя самого себя.

Такой подход — «там, куда мы отправляемся, дороги нам не понадобятся» — очень часто заводит вас в тупик; готов засвидетельствовать это на личном опыте. Однажды Выдумщик просыпается и осознает, что написал роман в 345 000 слов, но понятия не имеет, о чем он. После он отчаивается и все удаляет, более чем уверенный, что ему никогда не распутать этот клубок забытых второстепенных персонажей и повисших побочных сюжетных линий. К тому же целая глава книги, похоже, была написана в пустыне после того, как автор впервые попробовал пейотль.

Но тут самое время включить *Планировщика*, который скажет: «Минуточку!» Лишь потому, что вы уже кучу всего

напридумывали и заблудились сами в своих словах, необязательно и дальше продолжать в том же духе! Примените к своей книге-катастрофе хотя бы базовое планирование — и увидите, что получится. Вернитесь к началу. Перечитайте незаконченное произведение, по ходу составляя что-то вроде схемы сюжета. Другими словами, выстройте структуру уже готового романа — и постепенно клубок начнет распутываться, а вам откроются пути выхода из этой неразберихи. А потом, подобно тому как Планировщик, побыв недолго Выдумщиком и решив свою проблему, снова становится собой, попишите немного в соответствии с планом, пока не увидите выход из положения, и снова начинайте сочинять по наитию. Пока снова не запутаетесь.

1. А есть ли вообще такая вещь, как писательский блок?

И да и нет. Бывают ли в жизни каждого писателя моменты, когда непонятно, как двигаться вперед, когда не хватает силы воли сесть и записать или структурировать свои мысли? Конечно да. Но на самом ли деле эта ситуация так разрушительна, как описывается в фильмах или рассказах некоторых ребят, склонных к драме? Конечно нет. История может забуксовать у любого, но есть куча способов снова ее запустить. Мне лучше всего помогает алкоголь, но у вас могут быть свои методы. Подробнее о писательском блоке мы поговорим в главе 10.[↑]

2. Я — Выдумщик, потому что планирование сюжета подозрительно смахивает на Настоящую Работу. Я предпочитаю выпить с самого утра, оседлать своего старого доброго конька креативности и скакать на нем, пока не встречу лицом с веткой, а вот протирать штаны, заранее расписывая все детали, — это не по мне. Впрочем, я прославился тем, что предпочитаю работать вовсе без штанов. Ну вот, я уже жалею, что написал об этом, поскольку только что почувствовал колебания в Силе, которые могут означать, например, что несколько тысяч человек только что побежали сдавать эту книгу обратно в магазин.[↑]

Читаем летом: книжные рекомендации мастеров CWS

Лето — лучшее время для спокойного, размеренного чтения. Мы собрали книжные рекомендации мастеров Creative Writing School, чтобы вы были готовы к летнему отдыху.

Ханья Янагихара «До самого рая»

Майя Кучерская,

писатель

Часть лета можно посвятить многостраничному роману Янагихары «До самого рая», блистательно переведенному преподавателями CWS Александрой Борисенко, Виктором Сонькиным, а также Анастасией Завозовой. Профессионалы действительно превосходно исполнили свою работу. Как и Янагихара, которая сочинила еще один образцовый текст для массового потребления, учебник по искусству сочинять бестселлеры. И вот он, рецепт от Ханьи Янагихары. Описывайте о-очень состоятельных людей, внутреннюю жизнь дворца на условной Рублевке, полную жутких страстей и невероятных драм, — поглядеть, как плачут богатые, для многих интересно. Заставьте героев почаще нарушать границы, сословные, например, пусть принц влюбится в нищего. Введите в круг персонажей авантюриста, читателю будет любопытно, какой новый трюк он изобретет. Не забудьте для контраста описать и смерть, а лучше не одну, медленное угасание. Жизнь как

проигрыш, — читатели любят неудачников и, сокрушаясь о лежащих на смертном одре, радуются, что сами еще живы, феномен, описанный Львом Толстым, но ни-ни, не пытайтесь подражать Толстому. Поменьше психологической глубины, это архаика, побольше действия и разговоров. И обязательно подайте на стол чего-нибудь обжаренного, с нежной хрустящей корочкой, и красивый шоколадный торт, вообще почаще описывайте кушанья, от которых у читателя потекут слюнки (в каждом из нас сидит или недокормленный ребенок, или невротик на диете). Экзотическое, язык проглотишь, блюдо — вообще довольно точная метафора и этого романа Янагихары. Сюжетные линии можно обрывать на полуслове, пусть читатель поломает голову и останется заинтригован. Ну, и не забудьте про насилие, в данном случае это насилие государства над человеком. Смертельная опасность, угрожающая героям, тоже придется ко двору. В который, если вам удастся повторить описанные трюки, читатели повалят валом.

Михаил Турбин «Выше ноги от земли»

Марина Степнова,
писатель

Советую обязательно прочитать роман Михаила Турбина «Выше ноги от земли». Это роман не для того, чтобы дремать на пляже. А для того, чтобы понять, что такое вина. Чего стоит любовь. Как трудно быть врачом. Родителем. Просто человеком. Тяжесть поднятых вопросов искупается интересным, напряженным сюжетом и прекрасным языком. От романа не оторваться. Именно поэтому я советую читать его летом, в отпуске. Чтоб ничего не отвлекало от хорошей книги.

Александр Чудаков «Ложится мгла на старые ступени»

Марина

**Вишневецкая, писатель,
сценарист**

Ваше книжное лето наверняка окажется особенным, если вы возьмете в него роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», задуманный автором в восемнадцатилетнем возрасте, а изданный уже в конце жизни — роман необычный и необыкновенный, по моему глубокому убеждению, главный русский роман двадцать первого века. С такой оценкой, уверена, согласятся многие. Десять членов жюри «Русского Букера» (да-да, десять, и я в их числе) присудили роману в 2011 году «Букер десятилетия». Роман неоднократно переиздавался, в том числе в сериях «Библиотека всемирной литературы» («Эксмо») и «Русская литература. Большие книги» («Азбука»). Кто-то называет эту книгу русской робинзонадой, кто-то — романом воспитания и школой выживания, кто-то — идеальным соединением автобиографической и художественной прозы, филологической прозы и прозы философской. Но ближе всех к разгадке тайны и чуда этой книги приблизилась, как мне кажется, жена Александра Павловича Мариэтта Омаровна Чудакова: «Это одна из тех редких книг, в которой — Россия как таковая». Это одна из тех книг, добавлю я от себя, которая строит мост из прошлого в будущее. Книга о силе человеческого духа, о том лучшем из давнего и недавнего прошлого, что мы еще можем взять с собой — чтобы и сегодня, несмотря ни на что, этот мост устоял.

Саша

**Николаенко
«Муравьиный бог»**

**Елена Холмогорова,
писатель, редактор**

Детство, лето, бабушка, дача — ключевые слова, которые могут описать внешнюю канву книги. Но это оказывается обманкой. Возле каждого из слов можно поставить его противоположность. Это чтение не для садовой скамейки, не для отдыха, не для тех, кто ищет в книгах ответы. Это трудное чтение: текст-боль, но рассказывающий о чем-то таком важном, без чего внутренний мир человека не может быть по-настоящему глубок. Завораживающий язык ритмизованной прозы, поразительная слитность света и тьмы, жизни и смерти делают книгу ни на что в современной литературе не похожей.

**Дарья Бобылева
«Вьюрки»**

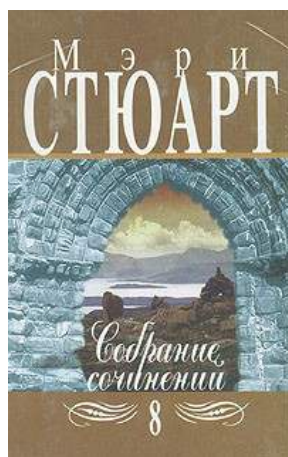
Анастасия Володина, писатель

Однозначно советую взять с собой в лето Дарью Бобылеву, её роман в рассказах «Вьюрки». Это дачный хоррор, история о том, как СНТ оказался

отрезанным от внешнего мира. В нём, вместо дачников и рядом с ними, появляются загадочные существа — духи домовых, леших, оборотней, — и начинают завоевывать все пространство. За такой довольно жанровой основой тут прячется социальный подтекст. Это о том, как мы вообще видим другого. Роман действительно здорово, увлекательно, интересно читать, — где-то он пугает, где-то смешит. И совершенно замечательно выписаны персонажи, во многих можно легко узнать своих соседей по дачам, по домам. Кажется, это идеальное чтение, именно дачное или летнее, вот в каком-то частном доме.

Мэри Стюарт «Трилогия о Мерлине»

Екатерина Федорчук, писатель

Мой выбор — Мэри Стюарт, Трилогия о Мерлине. В эту серию входит три романа: «Хрустальный грот», «Полюе холмы» и «Последнее волшебство». Нам они доступны в замечательном переводе Инны Берштейн. В этих книгах мы найдем и легкий слог, и легкое волшебство, и увлекательную реконструкцию исторических событий, происходящих в Британии в V в. н.э., и харизматичного главного героя, которой свою жизнь посвящает служению королю Артуру и народу

Британии. Конечно, всем нам знаком исходный сюжет о мече в камне, зимнем короле, круглом столе, его рыцарях, колдунах и феях. Но в художественном переложении Мэри Стюарт от исходного мифа остались только какие-то черты: имена, смутно знакомые обстоятельства. В центре внимания писателя нечто иное — душа человека, который смотрит на мир с любовью, и любовь его долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего... Средневековая легенда превращается в религиозное иносказание. И еще это очень красиво написано...

Виктория Цой «Когда я буду морем»

Наталья Ким, писатель

Хочу представить вам «книгу на лето» — роман Виктории Цой «Когда я буду морем» (Издательство «Островная библиотека», 2022). Не потому, что у нас обеих с Викторией корейские фамилии (она-то настоящая кореянка, а я седьмая вода на киселе) и не потому, что она училась у нас в CWS, а я была первым редактором этой книги — это произведение пока первое и единственное в своем роде, никто и никогда доселе в художественной форме не рассказывал о судьбе сахалинских корейцев. Виктория Цой родилась в Южно-Сахалинске, по образованию инженер-экономист, трудится таможенным декларантом, её пожилые родители переехали жить в Корею по специальной программе репатриации и воссоединения семей. Японцы вывезли на Сахалин десятки тысяч корейцев, а когда после войны остров был освобожден советской армией, у оставшихся корейцев долгое время не было гражданства и паспортов, многие из них так и не смогли вернуться домой и увидеться со своими родными, с которыми они были насильно разлучены. И вот, наконец, кто-то все-таки дождался этой возможности, но возвращение

оказалось не таким, о котором они мечтали — снова с болью разорваны кровные узы с родными на Сахалине, и старики в одиночестве вынуждены доживать свои дни в Корее. В своей книге Виктория Цой описывает историю своей собственной семьи, начиная с 30-х годов по наше время, жизнь четырех поколений проходит перед нашими глазами, прошлое переплетается с настоящим, сломленные судьбы, но несломленные души людей — все это описано прекрасным русским языком, читатель погружен в совершенно незнакомый мир, корейскую этнику, образ жизни, яркие детали быта, языка и традиций. Роман «Когда я буду морем» выдвинут на Общероссийскую литературную Премию «Дальний Восток» им. В. К. Арсеньева в номинации «Длинная проза», а Виктория Цой пишет продолжение романа.

Марго Гримм

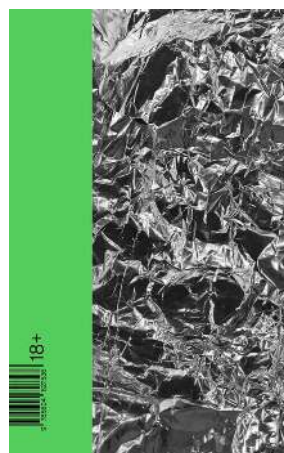

«Вторжение»

Саша Степанова, писатель, редактор

Дебютный сборник выпускницы CWS вышел в издательстве «Альпина.Проза» и состоит из рассказов и повести. Несмотря на разножанровость, рассказы надежно скрепляются узнаваемым авторским голосом и темой — тем самым вторжением, трактовать которое каждому предстоит по своему. На поверхности же лежит вторжение травмы, а ею может стать и буквально потеря здоровья, и беременность, и отношения с мамой, и первая настоящая любовь. Но не травмой единой, а бытовой наблюдательностью берут эти тексты — Марго замечательно удается писать про

жизнь, и нынешние тридцатилетние в чем-то, но себя узнают — и зададут свои вопросы.

Илья Мамаев-Найлз «Год порно»

Ольга Птицева, писатель

Советую «Год порно» Ильи Мамаева-Найлза. Удивительная книга, правда. Живая, искренняя, с узнаваемым голосом автора-приятеля-соседа-вон-того-парня-из-кафе. Для меня она про уязвимость, молодость и поиск. В ней лето, безденежье, подработки, неловкие попытки в отношения, совершенно взрослые проблемы, но все еще немного подростковые поиски себя. А еще неожиданная сюжетная арка с утками, прочитайте и поймете, о чем я.

Маргерит Дюрас «Лошадки»

Тарквинии»

Анна Линская, писатель

Я бы посоветовала взять с собой Маргерит Дюрас, «Лошадки Тарквинии», если вы не прочитали ее прошлым летом. Лошадок

просто необходимо читать на жаре, в полдень, где-то у большой воды в тени. Это книга, в которой ничего не происходит, я люблю такие, книга про бесконечное ожидание под палящим солнцем, природу брака и предательства. Про то, что от жизни не получится спрятаться, со всей ее красотой и со всем уродством.

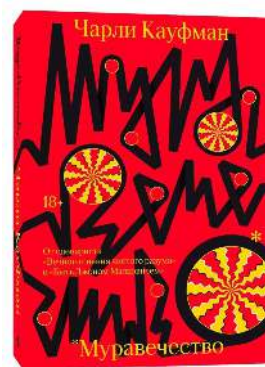
Клементина Бове «Королевишны #3Колбаски»

Мария Скаф, переводчик

Рекомендую «Королевишны #3колбаски», издательство «Самокат». Пусть никого не смущает, что это как будто бы подростковая проза, и вроде бы мы тут все взрослые. Это абсолютно вневременная проза. Самое светлое, самое смешное, самое доброе и очень, очень умное чтение, которое пролетает очень быстро, к сожалению (хотелось бы, чтобы оно длилось гораздо дольше). И оставляет только радость, ну и, может быть, чуть-чуть светлой грусти. Это про дружбу, про любовь к себе, про любовь к миру вокруг, к жизни как таковой. Про то, что любить жизнь — это усилие, которое имеет смысл совершать ежедневно. И это просто лучшие 3 часа чтения в вашей жизни, гарантировано.

Денис Банников, писатель

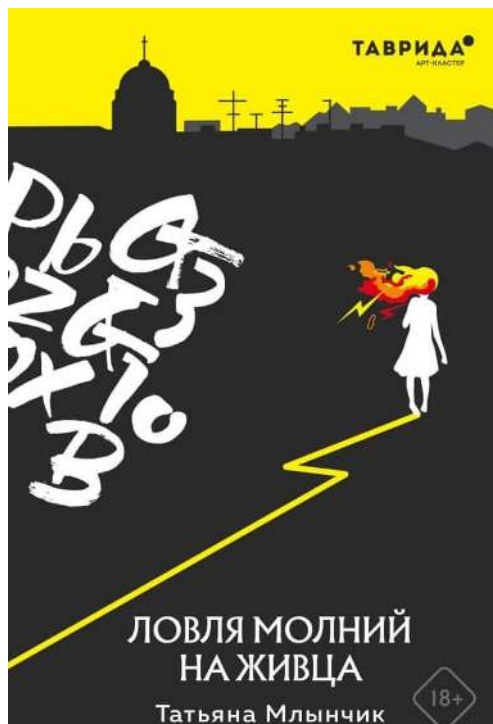
Я бы с собой в отпуск порекомендовал взять книгу Чарли Кауфмана «Муравечество».

Чарли Кауфман — это культовый американский сценарист, лауреат премии Оскар. Написал сценарий к таким фильмам, как «Быть Джоном Малковичем», «Адаптация», «Вечное сияние чистого разума», и он режиссёр в том числе. А вот роман у него единственный, зато какой — настоящий, постмодернистский, большой американский роман как самостоятельная форма. При этом написанный не Донной Тартт, не Джонатаном Франzenом, не Ричардом Руссо, а Чарли Кауфманом. Он ближе по своей метафизике к Пинчону или Дэвиду Фостеру Уоллесу. Это история мнительного, не особо состоявшегося ученого-кинокритика, который обладает энциклопедическими знаниями. Натякается на странного человека и смотрит фильм, который длится несколько месяцев, пытаясь написать на него кинокритику. Роман ни на что не похож, он вызывающий, провокационный, шероховатый, непомерно умный, гомерически смешной. Если бы такой роман принёс любому редактору любого издательства и положил на стол молодой писатель, те покачали бы головой. И даже если бы приняли, сократили вдвое, а то и процентов на 70. Но наше счастье, что этот роман вышел таким, каким он вышел, его нужно любить таким, какой он есть. Это уникальная в своём роде книга. Неважно, пропитываетесь ли вы симпатии главному герою, или наоборот, остроколючей антипатией, он попросту по-детективному увлекает, цепляет. Это такая книга, которая подстраивается под вас, она не совпадает с вашим настроением, каким бы оно ни было. Зато если ваш отдых — это два дня, вы прочитаете её за два дня, если ваш отдых — месяц, вы растянете удовольствие на месяц. В этом романе ровно столько литературы, сколько будет нужно в вашем отпуске.

Чарли Кауфмана «Муравечество»

Роман Татьяны Млынчик «Ловля молний на живца»

В издательстве «Эксмо» вышла дебютная книга выпускницы Creative Writing School Татьяны Млынчик. Роман «Ловля молний на живца» — это история о шестнадцатилетней девушке, которая обнаруживает в своем теле странное свойство: в нем в невероятных количествах накапливается электрическое напряжение. Мы поговорили с Татьяной Млынчик об идее книги, литературных жанрах, питерских тусовках и новом поколении читателей. А также предлагаем прочитать фрагмент книги, выбранный автором.

эпох мне хочется исследовать в большой форме. Кроме того, я работаю в сфере электроэнергетики и сильно увлечена ее аспектами. В романе я объединила одно с другим, это был своеобразный вызов самой себе. Как-то вечером я читала один из своих подростковых дневников и обнаружила там описание довольно безумного дня: прогул школы, пьянка, скандал, море эмоций. Подняла глаза от бумаги и осознала, что именно этот эпизод надо брать для начала первой главы.

Вы используете в романе фантастическое допущение. Почему важно было рассказать историю именно таким образом?

О чем ваша книга и как пришла идея?

— Мой роман «Ловля молний на живца» — это текст о взрослении и самопознании. Контекст: начало 2000-ых в Петербурге и тайны электроэнергетики. Идея пришла после того, как однажды я написала рассказ о своей юности под названием «Медицинский двор»: я поняла, что именно тему взросления на стыке

— Мне хотелось соединить историю взросления и любимейшую мной электроэнергетику: допущение стало способом это сделать. Не люблю бессюжетную прозу и стремилась создать прежде всего увлекательную историю.

Вашу книгу хочется отнести то к young adults, то к автофикшн. Как вы сами определяете свой роман, и нужны ли автору такие дефиниции, или они нужны издателю, чтобы потом понимать, на какую полку в книжном магазине ставить издание?

— С одной стороны, полагаю, что любая грубая атрибуция упрощает и обкрадывает литературу. С другой, как человек, который сам ежемесячно пишет рецензии на новые книги, понимаю, что именно привязки к жанрам и поиск, между кем и кем, на какую полку лучше всего встанет каждый конкретный роман, помогает читателям сориентироваться. Я свою книгу называю романом взросления с электрической подоплекой.

«Ловля молний на живца» в чем-то похожа, например, на «Конец света, моя любовь». Кажется, что целое поколение писателей пытается осмыслить свое детство и юность. Видите ли вы такую тенденцию?

— Безусловно, вижу. Из-за пресловутого слова эпох, на котором мы выросли, у многих

имеются странные, подчас безумные жизненные обстоятельства, под влиянием которых мы формировались в супернестабильное время. Мне кажется важным, что эти истории очень разные — ведь людей после распада Советского Союза разбросало словно взрывом, после которого кто-то очнулся на дне воронки, кто-то на вершине горы, а кто-то не очнулся вовсе. Теперь писатели нового поколения пытаются осмыслить самих себя, и это обогащает литературу множеством подчас враждующих друг с другом оптик.

В книге замечательно создается атмосфера питерских тусовок — все то, по чему сейчас, пожалуй, скучает взрослеющее поколение. Это опыт вашей юности помог создать такой эффект погружения?

— Конечно же, да. Недавно шла по Малой Садовой по каким-то рабочим делам, и мне захотелось присесть на подоконник, где мы проводили целые дни в начале 2000-ых. Просто сесть, как тогда, может, даже открыть бутылку пива, ждать, что от Невского вот-вот пойдет навстречу кто-то из друзей. Тогда было яркое время, я рада, что оно останется в моей книге — ведь пиво на улице нынче пить запрещено.

Одни писатели говорят, что не нужно писать о себе (например, Марина Степнова), другие наоборот утверждают, что лучшие тексты получаются, когда мы пишем «из себя» и о себе. На ваш взгляд, насколько автору нужно использовать свой опыт и как фильтровать долю искренности?

— Мне кажется, что в искусстве можно вообще все. Пиши из себя, про себя, из кофейного стаканчика, пса, пиши про пыльного дядьку из метро, про психа-коллегу, про маму, выдуманную или настоящую, или накопитель электроэнергии. Главное — как ты это делаешь. Можно запороть шикарный материал, описав его так душно, что читатель

не продвинется дальше первой страницы, а можно быть Дмитрием Горчевым и описывать свою поездку в трамвае так, что читатель сядет в трамвай до Купчино только затем, чтобы попытаться почувствовать то, что ты описал. Насчет искренности я думаю, что все, находящееся в тексте, должно работать на замысел. Если использую документальный или автобиографический материал, стараюсь спрашивать себя — зачем тут этот эпизод, он правда нужен для сюжета или я тут занимаюсь самолюбованием? Литература все-таки имеет герметичную логику, несет доводы в самой себе.

Как случилась ваша встреча с издательством?

— Путь был непростым: в первый год я получила несколько отказов и призыв переделать текст в детский формат. Но я не опускала руки, продолжала редактировать рукопись и, в конце концов, прошла с ней на форум «Таврида», где ежегодно проводился конкурс от ряда издательств. Там стала победительницей программы издательства МИФ. Проза. Победительницей стала, но в издательстве тоже стали просить убрать из текста все, что попадает под запрет возрастной маркировки 14+, то есть сигареты, алкоголь и наркотики. Я слабо себе представляю, во что превратился бы мой текст о подростках начала 2000-ых, сядь я перерабатывать его в таком ключе — в нечто из разряда детективов серии «Черный котенок»? Я подумала и отказалась, хотя понимала, что это риск, ведь я была дебютанткой — возможно, других предложений у меня не будет. Но ощущение, что, если пойду на это, предам свой замысел и себя саму, победило. А потом роман взяли на рассмотрение другие издательства, и в итоге книга вышла в одной из редакций ЭКСМО.

Вы учились в мастерской автофикшн. Был ли полезен этот курс?

— Книгу я закончила задолго до прохождения курса «Автофикшн», и когда я училась на нем, она уже готовилась к изданию. Но курс стал для меня важным подспорьем. На нем я написала рассказ о бесплодии «Ксения Петербургская позвонит». Эта сложная и очень личная тема, к которой мне было не подойти до курса. На нем Ольга Брейнингер не только помогла начать все это исследовать, но и заставила отказаться от иронии и отстранения, которыми я грешила для самозащиты. В итоге рассказ родился, и его напечатали в «Дружбе народов». Как и в случае с первым романом, который вышел из рассказа, второй роман я тоже начала задумывать, отталкиваясь от «Ксении Петербургской». Сегодня я уже закончила работу над черновиком и к лету надеюсь показать его издателям. Поэтому да, курс, безусловно, помог.

Ваш совет авторам, которые сейчас работают над своим первым текстом.

— Пишите, терпите и верьте в себя.

Ловля молний на живца. Фрагмент

— Тебя прямо ими и задушить? — Мама держала в руках пару черных колготок, висевших, словно грустные заячьи уши. Эти плотные колготки в катышках были поддеты для тепла под Машины джинсы сегодня утром, когда она уходила в школу. Теперь она вошла домой, едва успела стянуть с ног большие синие кеды и прошлепать мокрыми носками на кухню глотнуть сока (голова трещала от утренней водки), как оказалась в отеческом чистилище.

— Мы были в школе. — Мама брезгливо кинула колготки на стол. Одна нога угодила в папину пепельницу. — Нам выдали шмотки, которые принесла и сложила директору на стол мама некоего Влада. Твои шмотки, Маша!

Говорят, вы устроили у них дома притон. Опять носишь эту дрянь! — Мама царапнула пальцем по Машиному лицу и задела шарик в ее губе. Больно. Вынимать сережку было поздно.

Она стояла перед родителями и крутила в голове набор несусветных отмазок. Сказать, колготки не ее, начать орать в ответ, сказать, чужие колготки, Юлькины, сказать, дала свои вещи другой девочке... Лоб будто скребли изнутри ложкой, силясь собрать с черепа остатки мозгов. Она заговорила:

— Утром гуляли с ребятами на Дворцовой... Первые два урока отменили. Хлынул дождь. Влад предложил переждать у них на Миллионной.

Маша говорила отрывисто и смотрела на свои носки. Голубые разводы краски от кед на белой ткани походили на мамины акварельные упражнения. Она ждала, что мама прервет поток вранья своим криком, швырнет что-то на пол или в саму Машу, но этого не произошло. Все-таки им ничего не известно.

— Пока шли, я поскользнулась и грохнулась в лужу. Вымочила штаны. В комнате его сестренки сняла колготки, чтобы на батарее посушить. Мы музыку слушали. Мальчики решили выпить пива. А потом вернулась с работы мама Влада. Разоралась, что Влад прогуливает. И на нас с Ваней... Мы убежали в школу. Колготки остались там, дома.

Мама смотрела, не моргая. Папа хмуро пялился в ленту сигаретного дыма.

— Есть уверенность, что ты по-человечески готовишься к поступлению в Политех? — вступил он, наконец, в разговор.

Маша молчала.

— Маша, это не девятый и не десятый, — сказала мама уже своим обычным голосом. —

У тебя на этой неделе первая олимпиада. Другие сидят и пашут. А она шляется по чужим квартирам... Я ведь этого мальчика даже не знаю. Из какого он класса?

— Из «Б», — Маша взяла в руки ступку для специй и завозюкала по дну тяжелым пестиком, — мне реально не повезло. У Влада проблемы в школе... Не надо было с ними идти...

— Забирай колготки. — Мама указала подбородком в сторону пепельницы. — И вытащи, эту фигню из губы.

Маша подобрала свою вещь и отправилась в комнату. Плотно затворила дверь и первым делом стянула мерзкую, напоминавшую о сегодняшнем грандиозном позоре, одежду. Конечно, никакого падения в лужу не было. Утром Маша узнала, что у Шалтая, парня с Малой Садовой, на которого она запала пару месяцев назад, появилась телка. Это известие сразу пришибло ее, и захотелось выпить. Даже не захотелось, а было надо. Пошла к Владу. В пятикомнатной, недавно расселенной коммуналке на Миллионной улице, где вовсю шел ремонт, началась злая тусовка с Ванечкой, распитием литра водки под музыку с компа, курением «Таволги» прямо в комнате.

Ванечка перекрикивал панк-рок:

— Дался тебе этот Шалтай? Никогда его не понимал. Мрачный черт. В путяге учиться...

Ванечка был Машиним однокашником и, пожалуй, единственным близким другом. Когда бутылка «Охты» была раздавлена, возникла олигофреническая затея: «А давайте, чтобы протрезветь, примем холодный душ». Бессвязный бред. Разделись до нижнего белья: Маша — до трусов с лифчиком, Влад и Ванечка — просто до трусов, затем все залезли в старинную чугунную ванну. Тут-то в замке и заколупался ключ. Как ошпаренные, выскочили из ванны и, оставляя за собой лужи, кинулись в комнату натягивать шмотки. В это время мама Влада вошла в квартиру и начала голосить. Ванечка никак не мог найти одежду и принялся открывать шкафы. В карусели

пьяного безумия ему попала полка с одежкой младшей сестры Влада, и он стал хватать крошечные кофточки, шапочки, мама Влада выдирает их из его рук и несвойственно для взрослой тетки крыла ребят матом. Маша быстро оделась и вышмыгнула в прихожую. Ванечка нашел какие-то широкие штаны и первый попавшийся свитер, тоже выбежал, они впрыгнули в кеды, Влад крикнул: «Сваливайте!», и они, схватив рюкзаки, скатились вниз по лестнице, мчались по Миллионной, а когда увидели, что погони нет, встали, закурили и побрели в школу. Очень хотелось пить.

В гардеробе Маша стянула куртку и увидела, что впопыхах напялила кофту задом наперед. Спряталась за вешалками и, пока переодевалась, несколько раз больно ударила током сама себя. Потом в столовой, выпила три стакана компота подряд и отправилась на химию. Ее тошнило от водки, но к пятому уроку это прошло. О том, что мама Влада пришла в школу и рассказала обо всем увиденном завучу, который тут же вызвал Машиных и Ваничкиных родителей, она не подозревала. Сейчас хотелось забыть эту жуткую грязь. Чтобы не думать о том, какие выводы из пересказа сцены сделают учителя, Маша достала методички и принялась взаправду готовиться к олимпиаде. Хотя и было понятно, что по олимпиадам ей не поступить: это будет лишь репетиция. Скоро мама позвала ужинать.

Пока ели, папа рассказал о бестопливном генераторе Джона Серла, и Маша пообещала себе на завтра железно пойти на лекцию в Политех. Тем более, в расписании стояла лекция профессора Кьяницы. Маша обожала этого наглого мудреца с первого визита в Политех. Тогда миниатюрный человек в пушистом свитере вскочил в аудиторию, как мяч, и изобразил на доске знак вопроса.

— Думали, намалюю какой-нибудь хитрый график? — спросил он, обращаясь не столько к трем десяткам сидевших на трибунах удивленных абитуриентов, сколько к воздуху сводчатой старинной аудитории. Ему не ответили.

— Или накатаю формул до потолка, как умница Уилл Хантинг, и объясню по ним устройство вселенной? Видите это? — Он ткнул пальцем в белую пластиковую розетку под доской, а потом достал из-под волосатого свитера мобильник, взял со стола провод со штепселем и воткнул в сеть. — Каждый из вас делает так по два раза в сутки. Мы сидим на электрическом токе, как на героине!

Он вышел вперед и посмотрел на студентов, вцепившись кукольными ручонками в столешницу у себя за спиной.

— Думаете, его дали нам для этого? Чтобы заряжать погремушки, которые обращают нас в зомби? Нет? А для чего тогда? — Он откинул седую голову назад. — Может, чтобы казнить людей в тюрьмах, как у Ильфа и Петрова? Девушки скажут: бить злодеев электрошокером! Или, предположим, прикупить электрозабор для собаки на даче, чтобы не убежала? Или...реанимация, поддержание жизни в больнице, богоугодное дело, так ведь? Для этого? Есть версии? Стройка? Нет?!

Соседи Маши по партам ловили каждое его слово.

— Правда состоит в том, что ни я, а я здесь сорок лет, ни еще хоть один ученый в мире до сих пор так и не поняли, что же такое электричество! Зачем его спустили вниз. Я говорю «спустили», потому что его выдали нам как стопку белья в плацкарте. И разобраться, где у этого пододеяльника изнанка, какие клопы в нем прыгают, нам с вами предстоит в ближайшие пять лет. Смотрю на вас, зелень, и думаю: в их-то потоке и сидит тот, кто раскусит тайну, над которой мир бьется с тех времен, когда Никола Tesla сбрил свои усы.

Маша сразу примкнула к братии фанатов эксцентричного профессора. Он стал единственным привлекательным фактором будущей учебы, на которую с щенячьим энтузиазмом смотрели все вокруг, кроме самой Маши.

На следующий день после уроков она успела спуститься в метро «Невский проспект», но получила сообщение от Юльки о том, что Шалтай на Садовой. Один, без бабы. Она сделала шаг назад от дверей электрички, опустила на скамейку. С пять минут смотрела на плывшую мимо массу людей, а потом вскочила и зашагала к выходу в город. Стояла последняя весна ее детства, и жизнь была гораздо хитрее, чем законы физики. В конце концов, профессор Кьяница сидит в Политехе уже сто лет. А Шалтай может исчезнуть в любой миг. Она даже не знала его настоящего имени, как не знала имен многих ребят. Да и какие имена, когда есть Тоший, Дырявый, ЧиЧи, Жижа, Мех? Ведь так интереснее. А интересным на Малой Садовой, в начале двухтысячных превращенной в пешеходную зону со скамейками и причудливым шаром-фонтаном, где во дворах и в окнах легендарного магазина «Парнас» в начале двадцатого века днем и ночью терлась альтернативная молодежь Петербурга, было все: широкие штаны, стихи Лехи Никонова, пирсинг, скейтборды, музыка.

На улице пахло апрелем, и в одном из дворов на детской площадке как обычно гулял весь зоопарк их тусовки. Пили портвейн «Алушта» и обсуждали пост-рок, сидя на поребриках. Маша принялась здороваться. Шалтай тоже тусовался здесь, она еще из арки заметила его красную кепку. Маша только столкнулась с ним взглядом и сразу наклонилась к зажигалке: слишком хороши были эти кофейные глаза. Говорили, что он работает на ночном мусорном грузовике, чтобы оплачивать учебу в техникуме. Он был помешан на ню-метале, независим и груб. Машу не замечал. А она наблюдала за его диковатостью, злой гордыней в черных волосах, так отличавшей его от других парней, нелепых и несобранных, а увидев однажды, как он взрослым метким жестом сыпанул мелочь местному бомжу Робинзону, Маша влюбилась окончательно.

Сегодня он топтался во дворе один. Может, врут все про его девчонку? Поправил прядь волос на лбу. Его кеды были в порядке. По кедам можно легко понять, что перед тобой за тип. Скейтовый «Электрик» — как раз для

Маши. Она попросила плеснуть ей портвейна. Выпила один стаканчик. Потом еще один. Во рту стало пряно. Захотелось добавить туда дыма. Закурила. К ней подсел Влад, и они принялись обсуждать утреннее отключение электричества в школе. Похоже, переклинило проводку и в классах замигал свет. Их учительница Галиша застыла с открытым атласом в руках и молча уставилась на потолок, где как цикады гудели длинные, похожие на мечи джедаев, люминесцентные лампы. Когда Маша вместе с другими вышла из класса и во тьме зачаровано наблюдала водопад искр, лившийся из щитка в рекреации, ее схватил за руку Ванечка. И пока школа ждала возвращения света, они целовались за вечно отключенным лифтом. С Ванечкой так было всегда. Ванечка был привычный как матрац на даче. Занятно: один и тот же человек — тот же запах, те же шершавые губы, та же белая футболка. Но стоит неведомому реле внутри отойти, и былых разрядов больше нет, убежали навсегда. Прозвенел звонок, она вынула его руку из своих штанов, они глупо разоржались и побрели каждый на свой сорванный урок через толпы визжавших как щенки третьеклашек с лазерными указками.

Маша вспомнила эту руку на своем теле и уставилась на собственную ладонь. Розоватая кожа и парочка формул для алгебры, начирканных красной гелевой ручкой. Было в этой руке кое-что странное. От изучения ладоней ее оторвал появившийся в поле зрения черный кед «Электрик». Он носком врезался в ее кед, ярко-оранжевый, замшевый.

— «Борланды»? — Он кивнул на кеды. — Как у барабанщика «Дефтоунс». Где ты такие достала?

— На углу с Невским большой, «Адик», — ответила Маша и потянула носок на себя, делая вид, что любит. На самом деле ее сердце стучало на кончике этого носка, как огонек святого Эльма на мачте корабля в грозу.

— Это сумасшедший стиль. Я думал, у нас их не бывает. Разве что на сэкондах. Мажорка, что ли? — И он отступил от ее носка.

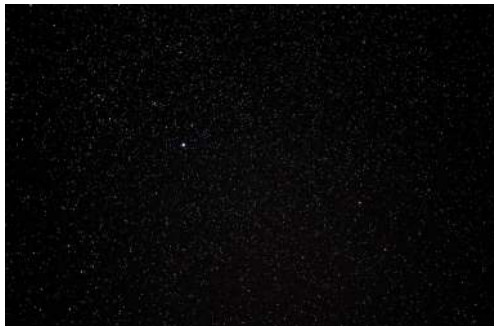

— Копилку разбила, — бросила Маша в ответ. На самом деле папа на прошлой неделе выдал ей деньги на новые кеды. Но сказать об этом было стыдно. Быть богатым стыдно. И благополучным тоже. Стыдно и скучно. С этими мажорами сразу все ясно. Маше не хотелось, чтобы ему про нее что-то было ясно. Он наклонился. Так близко, что она увидела круглую сережку в мочке его уха и учуяла запах пива и еще чего-то, вроде березового сока. Бесцеремонно обогнул ее и затушил окурок о край урны прямо рядом с ее алевшими в вечернем солнце волосами. А потом отошел к стайке парней. У нее в ушах стучала кровь, казалось, ее тело просвечивает, как пляжная пластиковая сумка сорокалетней тетки, только вместо лосьона и трусов все вокруг видят у нее внутри нелепое намерение потащиться за Шалтаем и вписаться в беседу про гитары и комбики, в которых она ничего не смыслит. Мысль о комбиках навела на воспоминание о колдовских приборах в лаборатории Политеха. Удачу, которую ей посулила секретная примета. Она отклеила себя от скамейки и, перебросив копну волос с одного плеча на другое, незаметно пристроилась к кружку, где пускал клубы дыма и разглагольствовал о музыке он.

Однажды, еще до новогодних каникул, Машин папа, который время от времени читал лекции в Политехе, подбросил ее на машине. Она притащилась в лабораторию на час раньше начала занятия и бродила среди наваленной здесь электрической снеди; амперметров, ретомов, вольтметров, других спящих исполинов для низковольтных и высоковольтных испытаний. Приборы напоминали блоки разобранного космического корабля и валялись тут со времен, когда профессор Кьяница только начал свои философские поиски. Вдруг в

аудиторию завалилась стайка старшекурсников. Долговязая девица с конским хвостом брезгливо покосилась на Машу, она поспешила ретироваться в дальний угол и провела пальцами по пыльному экранчику миллиамперметра, чтобы занять руки и спрятаться от оценивавших взглядов.

— И этот дебил будет мне доказывать, что закон Кулона — херня, не имеющая под собой никакого теоретического обоснования, — басил один из студентов, грузный кудрявый кавказец. Маша украдкой покосилась на них, но тот обдал ее взглядом, полным такого нескрываемого энтомологического интереса, что она покорно опустила глаза. Тут-то и заметила, что стрелка под стеклом амперметра следует за ее пальцем. Отняла руку, стрелка упала на ноль. Приподняла прибор. В стороны полетели клоки пыли. Провода не наблюдалось, амперметр был не подключен к сети. Маша подошла к другому прибору, зеленому вольтметру. Тронула его. Магия повторилась! Она вдруг оказалась в том эфемерном состоянии, когда от удивления можешь рассказывать о приключившемся с тобой чуде хоть продавщице в магазине, и на грани того, чтобы, отбросив стеснение, обратиться за объяснением к студентам, но их позвали, и они гуськом вышли из лаборатории. Профессору Кьянице сказать побоялась. Потому что он ведь вытащит на трибуну перед группой и устроит суд Линча, а потом ее не примут на факультет ни за какие коврижки. Она стала водить пальцами по приборам каждый свои визит в Политех и по живучести стрелок определять, удачные сложатся выходные или нет. Удачей в Машинном универсуме последние недели числилась случайная встреча с Шалтаем. Накануне дней, когда ее жизнь навсегда переменялась, стрелки всех приборов радостно прыгали.

Мастерская «Как писать фантастику: летний интенсив»

Стипендии CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую «Как писать фантастику: летний интенсив». Представляем текст победителя конкурса.

Конкурсное задание

Вам нужно написать небольшой этюд. Один из любимых сюжетов современной фантастики — это временная петля. Попробуйте соединить что-то из личного опыта с феноменом временной петли. Например: представьте себе, что ваша героиня вновь переживает какой-то момент жизни. Какой это будет момент? Где он будет начинаться? Как выбраться из созданной вами временной петли? Опишите момент, когда ваша героиня обнаруживает себя в этой петле. Максимальный объем работы — 2 000 знаков с пробелами.

Артем Смирнов

Я лежал в кровати и крепко жмурил глаза. Хотел увидеть звёзды. Белые такие точки. Когда закрываешь глаза и сжимаешь веки, как будто тебе больно или кисло, их становится видно. Я называл их звёздочками, но не понимал, почему они белые, а остальное такое не белое. Всегда было интересно: если всё

исчезнет, то какого это будет цвета? Какого цвета пустота? Белая или чёрная? Или, может, там и цвета тоже не будет?

Я у родителей не спрашивал. Боялся, что взрослые такого не знают и что вообще о таком не думают. Но я не боялся взрослеть, потому что не знал, как там. Меня манили тайны. Свои, выдуманные. Они бы назвали их ненастоящими, но я-то их видел.

В детстве каждый день новый, каждое утро всё заново и всё по-разному. А взрослые так не умеют. Ты взрослеешь, когда каждое утро одинаковое. Мы застынем в непонимании и удивлении, а они ответят — энергоэффективно. А можно ли быть взрослым ребёнком? Или ребёнковым взрослым?

Каждый день я засыпал, глядя на собственные звёзды, а мама гладила мне живот, чтобы я не плакал. Я любил плакать. Скорее умел, чем любил. Но любил. И плакал. Когда мама перестала гладить живот, а в словарном запасе появилась энергоэффективность, я перестал обращать внимание на звёзды, больше не жмурил глаза, но вопросы никуда не ушли.

Я лежал в кровати и крепко жмурил глаза. Было больно и кисло. Пустота осталась. Только звёзд не видно. Что-то не спится.

Конкурс

Мастерская «Литмастерство: интенсив»

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую «Литмастерство: интенсив» Дениса Банникова и Анны Линской. Представляем текст победителя конкурса.

Конкурсное задание

Написать небольшой этюд. Считается, что три самых сложных задачи, с которыми может столкнуться писатель: постельная сцена, спортивный эпизод и прием пищи. В своем этюде решите одну из них. Максимальный объем работы — 2 000 знаков с пробелами.

Рут Фогель. По чесноку

Кинематографичное одиночество рисуют тишиной: по звуковой дорожке бежит белый шум, а за ним развешены декорации, щипающие зрителя за сердце. Не верьте фильмам. Тишина — это никак не действующее лицо, тишина — это только фон, на который накладываются события. Видели, как едят в фильмах одинокие люди?

В честном кино всё начинается с утреннему усталого шарканья на кухню: *схлипш-схлипш*. Потом включается вода, толстая струя бьётся о верхнюю тарелку в куче, пока руки выбирают посуду два-в-одном: приготовить и поесть. Пузатая бутылка делает жалкий вдох — *флють!* — остатки моющего

средства выпрыгивают на губку со стыдным звуком выходящих газов. С провинившимся звоном вызволяется со дна раковины маслянистая сковородка. Пара движений фокусника — и готово. Вода выключается.

Мокрое дно с шипением прислоняется к электрической конфорке; скоро масло начнёт скрежетать с другой стороны. Девичьи пальцы подхватывают бело-коричневое яйцо из пластиковой упаковки и стучат им по краю сковороды. С глухим звуком скорлупа поддаётся. Вместо аккуратной глазуньи снова выйдет сопливая мазня неинстаграмного вида, пригоревшая и недожаренная одновременно.

Девушка (будем звать её Т.) стоит над жаревом в трусах и футболке, наманикюренным пальцем чешет гнездо грязных волос. *Джунь!* Это две чистые вилки столкнулись лбами. Сегодня поработает та, что поменьше. Обменявшись грустными взглядами с грязными тарелками, Т. ест стоя, не отходя от плиты. Пока Т. набивает рот и не жуя глотает, зубцы вилки царапают антипригарное покрытие, чтобы добыть ещё немного еды. Вспомнив вдруг сковородкину цену, Т. ужасается и решает доесть руками. Масло подныривает под ногти, а Т. пихает белый скользкий ломоть в рот. Куски яичницы танцуют во рту; они забиваются между резцов и прячутся за десной у верхней губы. «Интересно, заметят ли на работе, если я ещё зубчик чеснока заточу?» — думает Т., вытирая масляные пальцы о футболку. Экран медленно темнеет.

В фильме подпишут «скрэмбл», но мы-то знаем, что это была болтунья.

Мастерская «Пишем роман: от идеи до редактуры»

Стипендия CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую «Пишем роман: от идеи до редактуры». Представляем текст победителя конкурса.

Конкурсное задание

Задание состоит из двух частей:

1. Синописис — описание в свободной форме будущего романа, либо повести, либо романа в рассказах.

2. Образец прозы — фрагмент текста, над которым предполагается работать дальше.

вместе они соединяются, как нити одного ковра, и образуют причудливый узор. И вдруг оказывается, что девушка из одной истории, которая сбежала из семьи, не желая следовать традициям и выходить замуж, предстает перед нами с другим именем уже в новом рассказе. В нем она решает поступить иначе и получает уже свой уникальный вариант развития событий.

Название сборнику историй дала повесть «Кадры из жизни не Ивана», которая закольцовывает все истории. Она о дагестанском мальчике, стеснявшемся своего имени. Желая быть принятым маленькой русской девочкой, он назвался Иваном — единственным известным ему русским именем. Далекая история из детства становится точкой отсчета его ассимиляции уже в жизни взрослого мужчины, который стал писателем и ищет обратную дорогу к своим корням.

Сборник «Кадры из жизни не Ивана» — это истории о детских мечтах и юношеских разочарованиях. Истории о прощении и любви. Истории о внутренних терзаниях и желании выбрать свой собственный путь, несмотря на сковывающие вековые устои. Истории о том, что все мы на самом деле безумно похожи, даже если порой нам кажется, что мы друг другу чужды.

Белла Джалилова

Синописис

Сборник историй «Кадры из жизни не Ивана» состоит из рассказов и двух повестей. Все они объединены общей тематикой и местом действия — жизнь и быт людей на Северном Кавказе. Каждую историю можно читать как самостоятельное произведение, но

Отрывок из текста. Кадры из жизни не Ивана

— Как тебя зовут? — спросила меня белокурая девочка, с которой мы уже второй день играли в догонялки, но до сих пор не познакомились.

Я назвал ей свое имя. Ее большие голубые и почти прозрачные глаза чуть сомкнулись. Губы скривились, не доведя попытку произнести непонятные звуки до конца. Сорвался легкий вздох после которого последовал вопрос.

— А как это по-русски? Как тебя зовут на русском?

Я знал, что покраснел, но моя смуглая кожа никогда меня не выдавала. Не имея понятия о том, как мое имя звучало бы «на русском», я сказался Иваном. Это было имя, которое точно было русским.

— Иван.

— Ванька, значит, — сказала она и шлепнула меня звонко по руке. — Теперь твоя очередь водить.

Она убежала, хохоча на ходу и заливаясь оранжевым светом закатного летнего солнца. Я пустился ей вслед, смакуя свое новое имя.

Это был день, когда я стал Иваном.

Я родился темным зимним днем в ауле, где никто не имел точного адреса. В советских паспортах местных жителей просто значилось село Н. Видимо, предполагалось, что дарить ему названия улиц будет оскорблением для местных жителей, большинство из которых приходились друг другу родственниками разной степени дальности. Зачем рядовому Магомеду название улицы, на которой живет его четверюродный брат, если он может сразу указать на дом. В этом же ауле я жил свои первые восемнадцать лет до того дня, как отбыл в большой город за дипломом. Белокурая девочка, ставшая подельницей моих

игр на короткие две недели, была внучкой местного мулы, чей сын умудрился жениться на русской однокурснице и тем самым снизить авторитет отца в глазах односельчан на долгие годы. Девочка не появлялась до или после того лета, но ее приезд стал важной вехой, подарив мне первое чувство стыда — стыда за то, кто я есть. Как я выгляжу. Как меня зовут. На каком языке я говорю. И что я способен натворить.

Девочку звали Асей. Ее слегка кривая улыбка, лицо, сплошь покрытое веснушками и совершенно белая голова сильно отличались от того, что я привык видеть в нашем ауле, полном чернобровых детей. Она явилась как являются профессора, увлеченные жизнью зверей, за которыми они наблюдают. Вместе с такой же белокурой и покрытой веснушками матерью. Та бесконечно всем улыбалась, но держалась отстраненно. Казалось, что к муле приехала не невестка, а строгая комиссия из Москвы, которая проверяет, не слишком ли он усердствует в своих религиозных делах в ущерб советским гражданам, которым не полагалось иной веры, кроме атеизма.

Ася в отличие от матери местных не чуралась, но толком не понимала. У нас в ауле до сих пор многие не особо хорошо говорят на русском, слишком мало практики. Ася тут же приспособилась бегать к соседям, единственным, кто хоть как-то мог с ней общаться, и вдобавок каждый раз угощал то халвой, то вареньем. Там же она нашла и меня. Зыркнула дерзко, коснулась моей руки и сказала: «Давай дружить?» И мы начали дружить. Если так можно было назвать мое верноподданничество этой маленькой егозе, одарившей нас за две недели огромным количеством взбучек как от моих, так и от ее родных. То она таскала сметану из дома, чтобы подкормить бездомных котов; то рвала цветы с клумб местных кумушек; то пыталась усесться на барашка, отставшего от стада. Ей в голову приходил миллион неожиданных идей, и в каждом случае безусловно требовалась моя помощь. Очарованный ею и тем, что из всей местной детворы для своих игр она выбрала именно меня, я даже не думал ей перечить. Нужно отвлечь барана? Я здесь. Принести еще сметаны для котенка? Уже бегу, стараясь не разлить ее из блюдца. Ася лишь смеялась и придумывала нам новые приключения.

Мастерская «Сильный текст: как писать об эмоциях»

Стипендии CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую Майи Кучерской «Мастерская «Сильный текст: как писать об эмоциях»». Представляем работу победителя конкурса.

Конкурсное задание

Описать ветку сирени или велосипед дважды. Один раз так, чтобы описание рассмешило, второй раз — заставило плакать. Каждое описание должно уложиться в 300 знаков с пробелами.

Александра Баталенко

Ребята похватили своих железных ласточек, ну а мне досталось ЭТО. Среди пернатых он был бы старым общипанным страусом. Костлявый, с куцыми крыльями, при каждом движении издающий скрип и кудахтанье, как 90-летний дед. Едва взглянув, я ощутил смутное желание перевести его через дорогу.

Он ждал меня в гараже. Тот самый синий «Аист», на котором папа учил меня летать 30 лет назад. Вот она, вмятина от падения в малиновый куст. Следы лазурной краски, наспех подобранной отцом, чтоб унять мои слёзы. Прикрученные им шайбы под сиденьем. На руле картонная медаль: «Лучшей гонщице и дочке на свете».

Онлайн-курс Анны Старобинец «Фэнтези, хоррор, фантастика: придумать и написать»

Стипендии CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий для участия в онлайн-курса Анны Старобинец «Фэнтези, хоррор, фантастика: придумать и написать». Представляем работу победителя конкурса.

Конкурсное задание

Продолжить историю: «Сегодня я возвращался с работы поздно. Когда я подошел к своему дому, в окнах, к моему удивлению, горел свет. За светлой шторой гостиной я увидел странный силуэт. Я сразу понял, кто это...». Рассказ может быть фантастическим, детективным или в жанре хоррор. Объем работы не больше 2000 знаков с пробелами.

Екатерина Каргаманова

Сегодня я возвращался с работы поздно. Когда я подошел к своему дому, в окнах, к моему удивлению, горел свет. За светлой шторой гостиной я увидел странный силуэт. Я сразу понял, кто это. Начал думать, какое сегодня число. Неужели уже десятое? Нет, шестое. Странно. Ускорил шаг.

Лестница. Одышка проклятая... Сорок лет назад получали с Олей эту квартиру... Ни за что не хотели первый этаж... Почему?

Наконец, продышался. Полез было за ключом, а потом решил позвонить. Хорошо, когда кто-то встречает.

Топ-топ-топ — мелкие шажки остановились за дверью, щёлкнул замок. И вот он. Как всегда, борода растрепанным венником, брови косматые. Стоит, задрал нечесаную голову. Голос скрипучий, ворчливый:

— Ключи, что ли, потерял? Нет? Ноги вытирай.

Я спросил, скрывая радость:

— А ты чего сегодня? Десятого же обещал.

— Руки мой. Да сегодня Пал Семеныча день, из восьмой. А к нему сын приехал. Ну, как я при нем туда попрусь? Да и зачем? Сын же. Поэтому график поменялся. Суп будешь?

Я устало опустил на табуретку.

— Ты и суп сварил?

— Ну. Без мяса, конечно. Холодильник чего пустой?

— Да не хочется ничего.

— Не хочется... Ты это брось, вон февраль уж к концу катит, а там март. Весна! Я тебе паутину шваброй снимал, в гостиной над окном прям сеть целая. Следи за чистотой-то.

Я вяло пожал плечами. Раньше Оля чистила, мыла, а теперь... Зачем одному всё это?

Он влез на вторую табуретку, устроился, покачивая короткими ножками.

— На работе как?

— Как обычно. Пальто, номерки.

— Вот не зря же устроился? Не зря. Всё лучше, чем одному. Поясница как?

— Полегче.

— Ну! Пояс из собачьей шерсти — милое дело. Сейчас для Марь Васильны из двадцатой вяжу. Летом снова Жульку постригу. Ну, ты руки-то мой!

— Поешь со мной? — спросил я.

Он шмыгнул носом:

— Не, пойду. Дел много. Это раньше — живёшь себе в избе, тараканов гоняешь. А теперь, вон, всё на мне: три подъезда, пять этажей. Везде нужен. Так что давай. Теперь двадцатого зайду.

Он бодро кивнул, щёлкнул пальцами и исчез. Я, как всегда, не успел ни попрощаться, ни толком поблагодарить.

Онлайн-курс Бориса Павловича и Анны Рябчиковой «Сторителлинг»

Стипендии CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий для участия в онлайн-курсе Бориса Павловича и Анны Рябчиковой «Сторителлинг». Представляем текст победителя конкурса.

Конкурсное задание

Напишите рассказ на тему «И поэтому всё так произошло». В сюжете обязательно должен присутствовать парадокс.

Елена Бильчинская. Божий Промысл

В девяностых потянулись мы в церковь. В группе катехизации узнали, что о каждом из нас у Бога есть промысление — что-то вроде плана нашей жизни. Стали спорить, как нам этот план разгадать. Спросили у священника. Он ответил:

— Хватит вам заикливаться на грехах да гадать о Божьем Промысле. Вера без дел мертва. Идите и помогайте ближнему!

Создали мы группу помощи. Одевали и кормили бомжей, в подсобке варили еду, владелец ресторана привозил бульон, собирали деньги. Ходили в больницу, мыли стариков на прогнивших от мочи матрасах, лечили пролежни, меняли памперсы, кормили, утешали. В моей жизни появились радость и смысл, только вот из-за болей в суставах стало мне трудно ходить. Назначили меня координатором группы волонтеров, которые разносят еду инвалидам.

Как-то вечером звонит женщина.

— Хочу делать добрые дела, — говорит.

— Вот хорошо! — обрадовалась я. — А то у нас тут вчера один волонтер отправился рыбачить. Приходите завтра в полдень в церковь. Возьмете на кухне судки и отнесете Марии Петровне.

А на другой день звонит мне Мария Петровна, говорит, еду не принесли.

Набираю номер той женщины.

— Алло!

— Доброе утро! Вы почему не пришли к подопечной? — спрашиваю.

— Проспа-ала-а-а, — отвечает сквозь зевок.

— Как это? Почему проспали?

— Потому что на то была воля Божия.

— Что?!

— Что-что? Ведь все, что ни случается, случается по Его Промыслу, без которого ни птица с неба не упадет, ни волос с головы. Я проспала, потому что так было угодно Богу. Поэтому так получилось.

Хотела ее отругать, да вспомнила, что христианка должна быть смиренной, кроткой и терпеливой, и не пристало ей ближнего

осуждать. Бросила трубку, собрала еду, что была в холодильнике, поковыляла.

Добралась до квартиры, смотрю, а оттуда санитары выходят, Марию Петровну на носилках несут.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Плохо стало.

Прооперировали ее тут же. И слава Богу, была она еще с вечера натошак.

Да, есть о каждом человеке у Бога Промысл. Поэтому всё так и произошло: парень отправился рыбачить, тютя проспала, Мария Петровна жива осталась.

Онлайн-курс Майи Кучерской «Проза для продолжающих»

Стипендии CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий для участия в онлайн-курсе Майи Кучерской «Проза для продолжающих». Представляем текст победителя конкурса.

Конкурсное задание

Выбрать одно чувство — гнев, страх, радость, удивление — и написать рассказ, в котором герой это чувство очевидно испытывает. Объем работы не больше 3000 знаков с пробелами.

Наталья Бакирова. Сын

Из крематория Васька Полозов возвращался электричкой. Притулился в углу возле окна. Рядом с ним никто, конечно, не сел — дух от него шёл тяжёлый. Да и некому, в общем, было садиться, электричка из города ходила почти пустая: добрые-то люди на автобусах ездят, о машинах не говоря. А взял бы он автобусный билет, так не хватило бы на чекушку.

Глоток тяжело упал в желудок, зашипало глаза. Васька глянул в окно, за которым с железным перестуком уносились от него белые заснеженные сосёнки.

Сквозняк рвал на полосы ветхое вагонное тепло, но Васька не чувствовал холода. Эх, мамка-мамка! Что я без тебя буду? Кто мне теперь борщику горячего нальёт? Да и сама-то ты, мамка, что хорошего в жизни видела? Сосед, говорила, мусор тебе под забор кидал... Убью тварюгу, — выпятил челюсть Васька и снова глотнул из бутылки, — кишки на уши намотаю. Будет знать. У-уу, сука! Мамка ты, мамка... Помнишь, как за покупками перед школой ехать — так на электричку тоже мы шли? Шило в заднице, — говорила ты... Книжку мне читала...

Васька, и правда, ребёнком вертлявым рос, минуты не посидит. Поэтому Нина Игнатьевна книгу брала, читать в дороге. Специально ходила в библиотеку, просила, чтоб дали хорошую книгу, с приключениями. Да разве этого варнака книгой уймёшь? Знай вертится, будто шило у него в одном месте: то чая ему из термоса налей, то пирожок дай. Сказано: на обратный путь! Но Васька никогда до обратного пути дотерпеть не мог: я только один съем, мам! Да там ещё много останется!

И вот опять они едут вместе: Васька и мамка.

Он погладил через шершавую ткань хозяйственной сумки пузатый бок урны с прахом. Сделал ещё глоток — горячий жидкий шарик прокатился по пищеводу — и вскоре уснул, навалившись на стенку. Из угла рта потянулась липкая струйка.

Сумку его уже минут десять буравили водянистые близко посаженные глазки. Согнутая старушка, маленькая, худая, с крючковатым носом, перенеслась на скамью напротив, как лёгкий сухой лист. Зыркнула на алкаша этого — спит-поспит! Ну и сам виноват, что проспал своё барахлишко. А может, и не его это, может, кто другой забыл. Там, в сумке-то, добра, знать, не много — ну да нам всё сгодится. Вон, какой круглый бочок. Банка, может, с огурцами. Оно хорошо будет, огурчиков... И старушка, ухватив не своё, посеменила прочь.

Васька про сумку не вспомнил. Продрав глаза и вывалившись из вагона, нетвёрдо

зашагал вдоль невидимой силовой линии, которые чувят одни только пьяницы да перелётные птицы. Линия вела его к дому матери.

Борща у мамки поем... Мамка борща нальёт... Виделась уже и тарелка, как мать ставит её на стол: белая тарелка, ободок голубой по краю, скол на ободке. В тарелке борщ мясным духом исходит, пар от него. Хлеба ломоть. И лучок-репка, на четвертинки порезанный, — как он, Васька, любит.

Такой лучок у матери! — сладкий.

Онлайн-курс Марины Степновой «Проза. Язык и стиль»

Стипендии CWS

Весной 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий для участия в онлайн-курсе Марины Степновой «Проза. Язык и стиль». Представляем рассказ победителя конкурса.

Конкурсное задание

Написать рассказ на тему написать рассказ на тему «И это была такая радость!». Объем работы — не больше 3000 знаков с пробелами.

Ксения Вежбицкая. Лекарство для отца

— Папа!

Отец сидел, сторбившись. Сережка тряс его руку.

— Ну, пап!

Грубая рука поддалась и обессиленно повисла. Красные мутные глаза

с непониманием уставились на мальчика.

— Ммм... Ты... — Отец будто узнал Сережку и хотел что-то сказать, но не смог.

— Сережа, отойди от отца. — Мама снова расплакалась, давя рыдания в мокром платке. Они с сестрой сидели на диване. Мама плакала, а Вика, старшая сестра, смотрела в пол, сжав губы и скрестив руки.

Папы долго не было, и вот он пришел. Но почему-то никто, кроме Сережки, ему не обрадовался. Когда папа приходит поздно, мама сначала ругается, бывает, даже бьет отца кухонной тряпкой, а потом садится и плачет.

— Вжжж! Вжж! Готовимся к посадке! — Игрушечный вертолет взлетел и сел, но при посадке снова отвалилось колесо. Сережка принялся чинить. Зевнул.

— Так, все, иди спать. — Мама утерла слезы и позвала Сережку в детскую.

Мальчик побежал за ней.

— Мама, а где папа будет спать, мам?

Мама не отвечала.

— Мам!

— В коридоре на тряпке! — отрезала та.

— Почему, мам? У папы же есть своя кровать?

— Спи, сил уже моих нет. — Мама погасила свет и заперлась в родительской спальне.

Пришла Вика. Они спали в одной комнате.

— Вика, почему... Почему мама злая?

— Не злая она, спи.

— Злая. Она ругается. Ругается на папу. И вчера ругалась, и сегодня.

Вика снова уткнулась в телефон. От этого ее лицо начинало светиться. Наконец ответила:

— Папа заболел, вот мама и ругается.

Папа заболел! Когда Сережка болел, мама тоже ругалась, особенно если мальчик до этого не надел кофту или прыгал в лужи и промок. И тут Сережка понял: папе забыли дать лекарство! От догадки он даже сел в кровати. Потом выбрался из одеяла и хотел позвать маму, но вспомнил, что та не любит, когда ее будят.

— Папа, я тебя сейчас полечу! — Шлепая босыми ногами, Сережка побежал на кухню, где, забравшись на стульчик, достал коробку из-под обуви — аптечку.

При виде аптечки взгляд отца немного прояснел.

— Папа, выпей таблетку! — Сережка протянул отцу кружку, и тот взял ее. Потом улыбнулся. И Сережка улыбнулся.

— Ты не бойся, она не горькая!

К огромному удовольствию Сережки отец подвинул к себе аптечку, несколько пачек с таблетками выпали. Среди коробок отец нашел одну. Он долго ее открывал, а когда открыл, стал доставать из фольги круглые белые таблетки. Сережка смотрел.

— Н-не получается, Сережка, — сказал отец нечетко и развел руками.

— Я помогу тебе! — У Сережки пальчики маленькие, он доставал таблетки одну за одной, пока их не набралась горка. Отец все подбадривал:

— Еще, Сережка, мало!

Когда мальчик выдавил последнюю таблетку, ему показалось, что их очень много. Отец забрал все и прямо из ладони высыпал в рот. Запил водой, которую принес Сережка, откинулся на диване и закрыл глаза. Сережка испугался, что папа замерзнет во сне, и накрыл его большое тело колючим пледом.

Сережка еще немного посмотрел на отца. Он казался таким спокойным, даже спина совсем не поднималась от дыхания. Совсем-совсем. Сережка прислонился к ней ухом, но ничего не услышал. Наверное, отцовское сердце билось тише.

Радостный, Сережка побежал в детскую. Завтра он всем расскажет, как папу вылечил.

Homecoming

Дарья Абрамова

Едва самолет сел, и капитан корабля оповестил о прибытии, пассажиры принялись вскакивать со своих мест, как капли масла с горячей сковородки. Олег чуть заметно улыбнулся и отвернулся к иллюминатору. В Москве он не был десять лет, улетал тогда примерно в это же время, в июле. Стояла душающая жара, и последнее воспоминание о родном городе, то, которое он увез с собой в Лондон и к которому часто возвращался в первые годы учебы, было покрыто легким маревом, трепетом его молодого сердца и тоской по неслучившемуся. Сейчас столица приветствовала его холодным туманом, как дорогого гостя из-за границы встречают, приготовив национальное блюдо его родины.

Олег и впрямь за десять лет растерял немалую часть своей «русскости», даже язык ему изменял, и он порой не мог вспомнить русский аналог английского «to belong» или «to matter». Дождавшись, когда последние из очереди в проходе, наконец, выйдут, он встал, достал с полки аккуратно сложенный шерстяной пиджак, стряхнул с него невидимые пылинки, надел и не торопясь двинулся к выходу. «Have a good day, sir», попрощалась с ним стюардесса, и Олег не задумываясь ответил: «You too, thank you».

Он получил багаж и пошел к стоянке такси, исподтишка рассматривая людей вокруг. Москва и впрямь изменилась, приосанилась, смыла с себя яркую безвкусную раскраску, даже баннеры и витрины в аэропорту стали выглядеть иначе: выверенней, дороже. Но, выйдя на улицу, Олег со странным облегчением заметил — запах у города остался тем же, как у девицы, сменившей с возрастом гардероб на что-то классом повыше, но так и не расставшейся с любимым институтским парфюмом. Он

глубоко вдохнул сырого, пропитанного сигаретным дымом и бензином воздуха, и тело отозвалось юношеским возбуждением, будто задремавшим где-то в животе.

Такси летело по гладким дорогам. Олег изучал пейзаж за окном — торговые центры, бесчисленные хинкальные, заправки, дома с ровными рядами стеклопакетов, всё вроде осталось прежним, но выглядело удивительно новым, будто в городе сняли все фасады и поменяли их разом, в одну ночь. Через внезапные сорок минут (в его юности они бы ехали часа полтора), машина юркнула с шоссе во двор, в тень клёнов, совершив долгожданный прыжок в прошлое. Здесь всё было как раньше: тесно забитая парковка, клумбы с анютиными глазками у подъезда, несколько объявлений на металлической двери. Олег уже нащупал холод ключей в кармане портфеля, но дверь запищала и открылась, выпустив на улицу пару — мужчину и женщину, идущих за руку. Они придержали за собой дверь, и Олег, пробормотав какую-то благодарность, зашел в подъезд.

Родительская квартира была на третьем этаже, так что Олег проигнорировал новенький лифт и поднялся пешком. Только что увиденная женщина показалась ему знакомой. Он успел разглядеть немного — её темный ровный пробор, тонкие высокие брови, да, собственно, и всё, за более крупным спутником она была почти не видна. Он узнал даже не лицо, а жест, которым она поправила сумочку на плече, выходя. Олег подумал, что это могла быть Наташа, по возрасту вполне подходила. Но Наташа бы поздоровалась. Или тоже не узнала? Олег обернулся в поисках зеркала, будто желая проверить, сильно ли изменился он, но зеркала нигде не было. Голые незашторенные окна смотрели неприветливо,

стены опустели, всю мебель давно вывезли и продали, только потертый кожаный диван стоял в бывшем зале, развалив в стороны старомодные дутые подлокотники. Родители уже несколько лет жили на Кипре, и в Москву Олег приехал на встречу с покупателем их квартиры. Ночевать он собирался в гостинице, а сюда заехал просто посмотреть, не было ли чего забыто. Не снимая пиджака и не выпуская портфель из рук, он прошелся по двум комнатам, которые будто съезжились. Было сложно представить, что когда-то здесь уменьшалась вся их жизнь, сейчас разбросанная по разным странам.

Олег подошел к окну на кухне и во дворе снова увидел ту пару, что пустила его в подъезд. Они сидели на скамейке детской площадки и смотрели в телефоны. Олег прищурился, пытаясь разглядеть девушку, но зрения не хватало, к тому же он не видел Наташу с того самого июля, когда уехал. Ей тогда было двадцать, Олегу семнадцать. Она училась на инязе, по просьбе мамы Олега занималась с ним английским, готовила к поступлению в лондонскую академию. На первых занятиях Олег почти лежал на учебнике и, урывками поднимая глаза, видел перед собой только Наташину смуглую ладошку, гуляющую по странице. От встречи к встрече он осмеливался смотреть на Наташу всё дольше, разглядывал каждую линию лица — мягкий подбородок, веселый рот, глаза как у куклы, большие, серые, под черной прямой челкой. Иногда ему удавалось рассмешить Наташу, и тогда она заливалась почти детским хохотом, откидывала голову, открывая длинную золотистую шею.

Всю свою последнюю школьную весну Олег провел в блаженном, дремотном наваждении, в котором однажды Наташа садится с ним рядом, и он вдыхает её запах, свежий и яркий, а потом целует в шею или ниже, около ключицы, туда, где кожа наверняка горячая. Она поцеловала его первой, когда он, уже сдав все экзамены, пришел отдать учебники. Оставшиеся десять дней до отъезда Олег почти не ел и не спал. Эйфория носила его легкое тело по летней Москве, к Наташину дому утром и обратно вечером, пока её мама была на работе, и

иногда и по ночам — на бесшумные и бесстыдные свидания прямо в подъезде.

Потом Олег уехал. Подобно пьяному, сующему тяжёлую голову под кран с ледяной водой, в самолёте он удалял сбивающие дыхание Наташины сообщения.

После его отъезда они еще слали друг другу что-то, но нечасто. Однажды он понял, что последний раз Наташа писала несколько недель назад и, открыв чат, увидел, что забыл ответить. Пускаться в объяснения или извинения было неловко. На этом всё закончилось.

Стоя у голого окна, Олег смотрел, как к паре подходит женщина постарше, с коляской, в которой сидел ребенок, кажется, девочка чуть старше года. «Няня, — подумал он, — ну, или бабушка». Пара забрала ребенка и пошла обратно к подъезду. Повинуясь внезапному толчку где-то в груди, он прошел по скрипучему полу к двери, ручка портфеля заерзала во влажной ладони. Наспех пошурудил ключом в замке и ринулся вниз, перепрыгивая через ступеньки. На первом этаже он оказался, когда пара уже заходила в лифт. «Наташа» была теперь еле видна не только за мужем, но и за ребенком, которого держала на руках, но Олег все-таки заглянул ей прямо в глаза. Она смотрела сквозь него, лицо казалось серым в холодном свете. Двери лифта сразу же закрылись. Это была не Наташа и даже не похожая на неё девушка, просто невысокая брюнетка.

Уже спокойно Олег вышел на улицу. Здесь стемнело, и как театральный софит ярко горел желтый фонарь. Какие-то мелкие мотыльки бились о его прозрачную поверхность, мнимые светом, стремились в самый его источник, но оставались снаружи, в прохладном синем вечере. Олег постоял пару минут, вспоминая, как тогда, у Наташиного подъезда, они впервые поцеловались, и большего счастья никто из них не мог ни вообразить, ни пожелать. Какая стояла жара, как тяжело дышалось тем июлем в Москве. Потом достал телефон и заказал такси до гостиницы.

А потом погаснет свет

Саша Филатова

Мама приподняла Козьявку-Му, чтобы можно было самой дотянуться до звонка. Надо звонить два раза, чтоб сразу поняли — свои. Сначала залает собака Бася, громко, радостно. Зажжется свет, и послышится дедово шарканье. Щелчок замка, и Бася тут же выскочит в щель двери, с лаем и смехом набросится сначала на маму, потом на Козьявку-Му. Козьявка-Му не обижается — маму Бася знает гораздо дольше. За Басей из двери выльются свет и тепло, и уж потом дед, его морщинистые руки и улыбающиеся усы, и бабуля Зоя, круглая, как будто слепленная из комков рыхлого дрожжевого теста.

Так начнется Вечер. Первым делом, после обниманий, раздеваний и мытья рук, конечно, будут ужинать. Это бабули-Зоина часть. Стол уже заставлен закусками, но Козьявка-Му тут не в первый раз, поэтому очень постарается есть поменьше. В духовке у бабули Зои наверняка сидит курица с яблоками и картошкой. Или зажаренные коричневые котлетки в кастрюле с толстыми серебристыми стенками. Или вообще какой-нибудь диковинный пирог. Поэтому закуски Козьявка-Му будет выбирать очень тщательно. Два грибочка, из тех, что дед собрал в августе в Борках, а потом они стояли, соленые, в темном погребе и ждали, пока их вывалят в глубокую синюю тарелку с оранжевыми цветами по дну. Один, только один начесноченный жареный баклажан с белым и красным кружочками сверху: сырным и помидорным. Одну ложку салата с горошком и одну — с кукурузой. Одно фаршированное яичко. Но когда из духовки выйдет курица в окружении целых яблок, сочная и золотая, Козьявка-Му все равно, как всегда, почувствует, что безнадежно обьелась.

Хорошо, что потом будут танцы. По танцам всегда главный дед. Он сядет за черное

пианино и станет играть и петь. Сначала немножко грустные песни, когда нужно сидеть и слушать. Если под грустные танцевать — он обидится. Зато потом начнутся веселые. Вот под веселые еще как можно танцевать! И с мамой, и, еще лучше, с бабулей. А собака Бася будет бегать вокруг: она тоже хочет танцевать, но не умеет, только мешается. Если совсем повезет, то дед встанет из-за пианино, включит огромные колонки с желтыми сердцевинами, те, что стоят по бокам от компьютера, и будет запускать диски с разными певцами. Это у Козьявки-Му самое любимое. Певцы поют, Бася лает, мама с бабулей сидят на диване, хлопают и смеются, а Козьявка-Му с дедом танцуют танец рок-н-ролл, пока не упадут. Это главный танец у них.

Потом чай и разговоры. Эта часть скучная, хоть и с тортом, поэтому Козьявка-Му в ней участвовать не станет, только кусочек съест и тут же пойдет по делам. Дела такие: бросать Басе резиновую курицу, а потом догонять ее и пытаться вырвать игрушку из розовой веселой пасти. Курица пищит, Бася и Козьявка-Му рычат. Потом нужно еще посмотреть, не появилось ли новых кукол в двухэтажном кукольном доме. Дом бабуля Зоя купила и поставила в комнате специально для Козьявки-Му, хоть она тут и не живет. Новые куклы, конечно, появятся. Значит, нужно будет проверить, можно ли их раздеть, сгибаются ли у них колени и локти, снимается ли голова, умеют ли они стоять, есть ли лысина, или волосы растут прямо по всей голове. Потом нужно их опять одеть, перезнакомить, накормить ужином и уложить спать. Козьявка-Му редко бывает у бабули с дедом, очень важно успеть поиграть со всеми куклами, чтоб никому не было обидно. Потом можно попробовать выклянчить один маленький-коротенький мульттик. Только надо сразу к деду идти: мама точно не разрешит, а дед

маму не слушается. Он ее папа, это она его слушаться должна. После мультика можно еще посмотреть картинки в книжках и опять поиграть с Басей или с куклами.

А взрослые все говорят. Им обязательно надо говорить, говорить и говорить про скучные взрослые вещи. Уже папа станет звонить, и мама скажет, что да-да, скоро выходим. Но ему придется позвонить еще раза два, только тогда мама засобирается и все выберутся из-за стола. Козявка-Му обязательно проследит, чтоб мама не отказалась ни от контейнера с курицей, ни от тарелки с баклажанами, смешно расплюснутыми под прозрачной пленкой, ни от маленькой баночки с дедовыми грибами. Потом мама оденет Козявку-Му и себя, все обнимутся, опять обнимутся, и они с мамой пойдут. Поят немного на улице. Даже, наверное, поиграют в снежки или слепят снеговика, похожего на бабулю Зою. Когда свет

в знакомом окне погаснет, можно будет садиться в такси и ехать домой.

Простившись со своими девочками, дед и бабуля Зоя неспешно и дружно убирают на кухне. Бабуля сносит посуду со стола в раковину, дед аккуратно ополаскивает и убористо составляет в посудомойку. Бабуля подметает под столом старым растрепанным веником, собака Бася лениво напрыгивает на него, но даже не лает. Дед составляет остатки еды в холодильник и тщательно вытирает со стола. Как уберут, бабуля сядет на диван и расслабится-растечется. Собака Бася подойдет к ее ногам и уляжется вокруг, тихонько ударяя об пол усталым за вечер хвостом. Дед запустит самый долгий цикл мытья посуды. Потом выключит свет. Нагнется к Басе, почешет ей за ухом. Найдет рычажок и выключит Басю. Сядет рядом с бабулей Зоей, отключит и ее. Проведет рукой у себя под подбородком и сам выключится.

Великан

Саня Сыздыкова

Я была слишком маленькой, чтобы
расслышать в звонком шелесте арыка,
пробегавшем у самых ворот дома, где жили
бабушка с дедушкой, голоса из соседских
домов.

Хлеб вчерашний продала, зараза!
Невестка мне утром не поклонилась
Опять этот ненормальный на улице, побереги,
Аллах, его душу.

На мой вопрос, откуда вода в арыке, либо
пожимали плечами, либо говорили, что
спускается она с самых гор. Как интересно,
думала я и воображала, как *каменные великаны
плачут, а их слёзы ручьями стекаются в долину,
где был дом моих бабки с дедом. Ручьи эти
потом объединяются со слезами других
великанов, вырастают в реки и в конце концов
попадают в Ледовитый океан, потому что там
есть магнит...* Он запустил руку в арык,
распотрошил землю, вытянул червяка и потряс
им в воздухе. Прервал такую фантазию!
Странный он, мой дядя.

Мягкое розовое тельце червя сокращалось
и расслаблялось, завивалось в кольца.
Казалось, он вот-вот вопьётся в кожу своего
мучителя и запустит какой-нибудь яд. А дядя
как будто бы было даже приятно. Он улыбался,
а я смеялась в голос, не я же держала
противную тварь голыми руками, а мой
странный дядя.

А потом он его проглотил. Всего червя
целиком. Средь бела дня. И заржал на всю
улицу, смотря мне в глаза.

— Вот дурак! — ругалась я. — Ты же теперь
умрёшь!

А он только громче хохотал.

В доме маминых родителей всегда было
много людей. Я путалась в тётиных и дядиных
именах. (Бабушка хранила в сундуке вместе с
конфетами для гостей значок матери-героини.
Мама, самая старшая и главная дочь,
спрашивала у бабушки, зачем ей это надо
было, столько рожать; на что бабушка
отвечала, что боялась бога, вот и рожала, пока
первый внук не появился.)

Наша летняя банда из двоюродных
братьев и сестёр ела дыни за отдельным
столом и обсуждала, кто вырос и как
изменился после целого года разлуки.

Дяди работали днём на шахте.

(Мам, а кто такие шахтёры?
Шахтёры добывают горную породу, уголь,
руды. У них очень тяжёлая и опасная работа.
Потому что горы не хотят отдавать руду?
Вполне может быть.)

Тёти хозяйничали в доме, подавали нам
чай во дворе, а ночью, пока мы спали на
свежем воздухе на тапчане, скрывшись от
комаров под марлевой палаткой, бегали на
свидания и дискотеки. И только он — мой
странный дядя — был каким-то другим.

Под большими карими глазами у него
темнели круги. Волосы были очень коротко
стрижены. Щетина на впалых щеках как будто
перестала расти, да так и осталась не
выбритой. Он носил старую, но чистую одежду
(тёти мои — его сёстры — по очереди стирали
его одежду в медном тазу во дворе). А ещё он

всегда ходил босиком. Бесшумно так ходил. Как тень. Он был высокий, и пока мы путались под ногами у взрослых, он путался под ногами у нас. Мы спорили о том, чья очередь ездить верхом на дедушкином ишаке. Лазали по деревьям в поисках спелых абрикосов, лепили лепёшки из коровьего навоза. И он всегда слонялся рядом.

Я не понимала, почему он не ходит на работу или почему его не берут с собой на дискотеки; почему он смотрит с нами мультики, а не «Дикую Розу», как остальные взрослые. Он мешался нам, как гора, выросшая посреди дороги. Сдвинуть нельзя — поругают, попробуй обойти — он последует за тобой. Мы хотели играть с ним, но не понимали его правил игры. То он спорил с нами на равных из-за какой-нибудь чепухи, то он жестоко подшучивал над нами, а когда мы жаловались на его шутки взрослым, они лишь смеялись.

Когда среднюю тётю украл незнакомец, чтобы женить на себе, я услышала краешек разговора — мама сказала бабушке, что кто-то, должно быть, наслал порчу на их семью; тётю, вон, украли средь бела дня, а до этого сглазили дядю, что неудивительно, ведь он такой красивый был.

Мы поссорились с самой молодой тётей из-за этого. Я не верила, что мой дядя — этот щетинистый великан — был когда-то красивым. Тогда тётя нашла в бабушкином сундуке семейный альбом. Там среди твёрдых хрустящих страниц спряталась единственная фотография дяди. На ней дядя был гладко выбрит, с модной причёской и густыми бровями, с блеском в глазах. Он смотрел куда-то в сторону. Смотрел ли в ту же сторону человек, сидевший рядом, я не знаю. Этого человека аккуратно вырезали. Легенду о «вырезанном человеке» я собирала из тех осколков разговоров, которые предусмотрительные взрослые не успели от меня спрятать.

Свадьбу дяди отгуляли, как только он вернулся из армии. Гости, захмелев от кумыса, танцевали под звёздным небом, желали молодым счастья на века, достатка и детей побольше. Молодые улыбались, краснели,

переглядывались друг с другом, как сообщники, делившие общую тайну на двоих.

(Родится мальчик, назовём Олжасом, как поэта.

Нет, это будет девочка. Назовём её Шынар, как тебя.)

Девочка или мальчик? Мальчик или девочка? Наверное, об этом думал мой дядя, когда пытался отвлечься от головной боли, донимавшей его после армейской службы. Кошмары возвращались ночью, прогоняя сон, тогда он подставлял голову под струю ледяной воды. Струя бежала долго-долго, а любимая дяди тихонько плакала в спальне, потому что ушёл ребёнок, а боль отбирает мужа. Он стал несдержан и жесток, просил не раздражать его, потому что его голова вот-вот лопнет. Вот-вот. Вот сейчас. Аааа!

Дядя замкнулся и больше в их с женой комнату не возвращался.

Бабушка не сдержала слёз, когда рассказала маме, как их невестка медленно уходила вдаль, оборачиваясь на каждом шагу. Бабушка с дедушкой благословили её и отпустили.

Дядя часто лежал в больнице. В наш последний с мамой визит мы принесли ему суп с домашней лапшой. Он им потом поделился с друзьями по палате. Помню, пижама на всех была одинаковая, в полоску. У всех были впалые щёки, покрытые щетиной, а лица будто потеряли цвет. Наверное, они все стали теньями, подумала я тогда.

— Какие красивые длинные волосы! — сказал мне один из дядиных новых приятелей.

А когда я вернулась домой после каникул, они стали у меня выпадать. Мама с папой где-то откопали рецепт маски от выпадения волос. Никогда не забуду запах сырых яиц, взбитых с коньяком.

— Зря ты её туда водила. Психбольные
сглазили! — ругался папа.

Мам, а дядя психбольной?

Душевнобольной, доча.

У него болит душа?

Не знаю, доча, просто так говорят про тех, кто
сошёл с ума. Но душа болит у нас, его родных.

А почему он сошёл с ума?

Говорят, его избивали в армии. После службы
у него начались сильные головные боли.

А может, оттого что теперь у него нет любви?

Он поэтому такой странный?

Почему же у него нет любви? Мы его любим,
бабушка с дедушкой его любят.

Это не считается.

Волосы мои хоть и росли быстрее, но
густыми больше не были. Мама их заплетала в
тугую косичку, чтобы не сглазили.

Когда междугородний звонок сообщил о
дядиной смерти, мама проплакала больше
недели. А я не плакала и не понимала, почему
маме грустно, ведь теперь не надо навещать
дядю в больнице. Теперь никто не будет
мешать нам на летних каникулах.

*А дядя? Наверное, он стал каменным
великаном, суровым, одиноким. Теперь его видят
все. И любят все. Он плачет, потому что
скучает по родным, по бабушке с дедушкой, по
ушедшей любви. Ручьи его слёз бегут далеко-
далеко, в Ледовитый океан...*

Вишневый сад

Светлана Румянцева

Дом стоял в самом конце улицы. Вокруг дома гурьбой росли вишни, весной на короткое время окутывали его молочно-белой благоуханной пеной; к концу июня разбрызгивали среди листвы алые капли шубинки, малышки, молодежной; в июле тяжелели гроздьями любской и тургеневской, заставляя бабушку, Клавдию Ивановну, вздыхать и охать «куда ее девать-то, весь подпол забит», когда она разливала по десятилитровым бутылкам пахучую, густую и темную, как кагор, вишневку; а в августе, когда наступал черед крупной и сочной владимирской с овальной косточкой, которую никак было не обгрызть до конца и так и приходилось выплевывать с мякотью — в августе на вишни махали рукой, и они висели до самых морозов, скукоживались, чернели, но никогда не падали, а просто исчезали, чтобы заново воскреснуть поздней весной, к приезду Леси.

Лесю привезли в Гнилицы совсем махонькой, трех месяцев. Она родилась в Долгокыче, где после распределения оказались молодая невестка Алевтина, высокая, осанистая, в первый год классного руководства сильно исхудавшая, и Ваня, единственный сын Клавдии Ивановны и Григория Федоровича. Григорий Федорович долго и пристально рассматривал тогда красноватое тельце внучки, ее диатезное личико, тепло-русые прядки волос, слежавшиеся под двумя чепчиками — хлопчатобумажным и кроличьим — и подвел неутешительный итог: «Наши только уши».

По правде говоря, «нашими» оказались не только уши, но и руки. В точности как у Григория Федоровича крючило от холода пальцы, за что с фронта его комиссовали как неспособного держать оружие, так же

коченели и белели Лесины пальчики, и даже в слабый мороз не спасали двойные, вязанные бабушкой рукавички. Так она и прожила первые свои две зимы — от печки до бабушки. Бабака была женщина суровая, немногословная, поэтому когда сын с женой перебрались в поселок Красный Профинтерн под Ярославлем и забрали наконец Лесю, соседская девчужка, за весь день не добившись от нее ни слова, закричала на весь коридор коммуналки пришедшей с завода матери: «Мама, там девочку из деревни привезли, немую!»

Лесю отдали в детский сад, в Гнилицы отправляли на лето. Туда ехали с батоном белого и банкой сгущенки, обратно — с двумя ведрами варенья. Сначала по Волге до горьковского речного вокзала, потом на трамвае до остановки по требованию. Каждый раз, спрыгнув с подножки в мягкую пыль, она уже чувала запах дома.

В доме было две комнаты: кухня и передняя. Были еще и сени, а позже появилась маленькая пристройка-флигель (Григорий Федорович сам сложил ее по просьбе Леси, но спать она там боялась). Занавеска разделяла переднюю на две половины: большую женскую и меньшую мужскую, она же служила моленной. В моленной была печь с лежанкой, два окна, в дальнем углу на деревянных полках расставлены были иконы: в центре Спас, по бокам темные, писанные по дереву Труеручица, и Николай Угодник, и другие, родные для стариков, безымянные для Леси. Между икон лежали темно-бордовые непортящиеся яйца. Напротив божницы стоял высокий столик — вроде аналая, за ним Григорий Федорович что-то выписывал в тетрадку из тяжелых старинных книг в кожаных тисненых переплетах.

Книг было много. Часовник, Минеи, Евангелие. Житие протопопа Аввакума. Огромные слоенные пироги и маленькие плотные кирпичики. Во всех были пометки, выведенные ровным, как в прописях, почерком. Приносили еще журнал, названия которого Леся не помнила, зато помнила, как обсуждали «В лесах» и «На горах». «Правдиво, правдиво, — говорил Григорий Федорович, — но уж больно много приукрашено».

По вечерам забирались вдвоем с дедом на лежанку, покрытую лоскутным одеялом, играли в козу.

— Дидя, твоя коза — дурка-полоумка, живет в Гнилицах, значит, плохая она, гнилая!

— Не-ет, моя коза хорошая, красивая, живет в Гнилицах, а Гнилицы лучше всех!

По праздникам молились все вместе, приходил брат Василий с женой и взрослой дочкой Нюрочкой, брат Гавриил, потерявший руку в войну и пугавший Лесю заправленным за пояс рукавом темной косоворотки. Из села Смирнова приезжали и другие беспоповцы, заходили в моленную, разбирали сложенные у стены коврики-подручники. В углу дрожала лампада, дом наполнялся густым дидиным басом. Потом долго сидели за чаем, за маковым бабакиным пирогом, говорили, Леся слушала вполуха и незаметно засыпала.

Как-то утром встали чуть свет. Клавдия Ивановна, уже с косами вокруг головы, торопливо повязала платок и выставила на стол пшенку и молоко для Леси, воду и хлеб для мужа. Заготовленную с вечера рубашечку надела на Лесю, еще сонную, теплую. Пока ели, сложила в холщовый мешок все новое: платьишко из светлого ситца в мелкий цветок, веревочный поясик, полотенце.

— Ну, с Богом, — двуперстно перекрестила обоих, выглянула в кухонное оконце, подождала, пока выйдут за калитку.

Идти было недалеко, но шестилетней Лесе казалось долго. По поселку до околицы, потом

бором, за бором Ока.

Место Григорий Федорович выбрал заранее, подальше от глаз, хоть в такую рань и не было ни души. Он разулся, поверх обуток сложил мешок, кряхтя распрямился и взял Лесю за искусанную комарами руку.

— Дидя, давай вот посюда зайдем, — Леся провела указательным пальцем по животу, — дальше мне боязно.

— Помнишь, как я тебя учил? Как надавлю вот так маленько, ты приседай, окунайся с головой.

Они сделали три больших шага, вода замочила вытертые колени холщовых штанов, потянула вниз подол новенькой рубашки. Леся сжалась, вцепилась в сухую мозолистую ладонь.

— Холодно, дидя!

— Пóлно, сейчас обвыкнешь.

Он повернулся, вдохнул травяной, камышовый, илистый дух. Положил ладонь поверх Лесиных мягких волос и нараспев начал: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя...»

Леся не шевелясь, чтобы не плеснуть, наморщив лоб и не моргая смотрела куда-то между черными отверстиями ноздрей и тонкими глубоко запрятанными в густой бороде губами, творившими молитву. Древние непонятные слова едва достигали ее; подхваченные рекой, они уносились прочь от укромной заводи, вниз к песчаной косе.

— Крещается раба божия Елена во имя Отца...

Дидина рука на голове налилась тяжестью. В ушах у Леси запищало, горло стиснуло, как в

том магазине в Горьком, где бабака ее сначала потеряла, а потом нашла.

— Крещается раба божия Елена во имя Отца...

Леся зажмурилась, набрала в щеки воздуха; нужно было присесть с головой, под воду, а под водой — она это точно знала — неслышно поджидали речные чудовища. Она уперлась ногами в песок. Дидина рука снова надавила сверху.

— Крещается раба божия Елена во имя Отца...

Все еще не разжимая век и не выпуская изо рта воздух, Леся замычала и замотала головой.

— Мммм, не буду! Не буду!

Молитва оборвалась. Рука помедлила в нерешительности, скользнула по волосам, потом подхватила ее за подмышки и вынесла на берег. На твердой земле Леся почувствовала себя увереннее, и ей даже удивительно было, чего это она снова так испугалась, вчера ведь только прыгала с мостков на раз-два-три... Дед стоял на траве и отжимал порты.

— Ох, Леся-лисенок, опять мне за тебя не молиться... — Он заморгал часто, будто в глаз ему попала соринка. — Не могу я насильно, нельзя!

— Не плачь, дидя, ну что ты как маленький!

— Не плачу, не плачу. В слезах стыда нет, лютышка, плачущие утешатся.

— Давай потом еще разок попробуем?

— Живы будем — попробуем.

Родители приезжали по воскресеньям, не каждый раз, но при каждой возможности. Как-то урвали три дня, спали допоздна, ходили на Оку купаться, ленились. Обедать сели в беседке, в глубине сада. Посреди стола, накрытого клеенкой, стоял эмалированный тазик, рядом пиалка с вишней. Алевтина деловито нарезала большим ножом вареную колбасу для окрошки, Леся помогала, рубила яйца ножиком поменьше. Окрошку она не любила — от кваса щипало в носу — но радостно было стоять рядом с матерью на табуретке и украдкой отправлять в рот розовые кубики.

— А дидя опять на речку меня водил. Только я не присела, боялась.

Алевтина строго посмотрела сначала на дочку, потом на мужа, читавшего газету.

— Ваня, ну скажи ты отцу, чего ребенка мурыжить. Побрызгал бы ее сверху да и все, как попы в церкви, если уж так приспичило.

— Алюша, ну ты скажешь — попы! — Он отложил газету и мягко улыбнулся.

— Дидя говорит, что попы — хуже атеистов! — весело вставила Леся.

— Дожили. Уже и малая туда же. Зачем ее вообще крестить? — Алевтина резко ссыпала колбасу в тазик. — Лук передай-ка.

— Ну что ты, Алюша. — Ваня ласково поглядел на жену и протянул несколько зеленых перьев с маленькими блестящими луковичками. — Они же молиться за нее не могут... — Но не договорил. В беседку просунулась борода Григория Федоровича.

— В пост скоромное едите! — глухим голосом заключил Григорий Федорович, обвел всех тяжелым взглядом и удалился.

— Вот, пожалуйста! — Алевтина бросила нож на стол и вытерла руки вафельным

полотенцем. — Может, мне ребенка вообще не кормить? Матери скажи, чтоб никаких постов, яйца, молоко — чтоб все давали. Господи, люди в космос летают, а тут как в Средние века. Ваня! Да что ты молчишь?

— В боку что-то кольнуло, сейчас пройдет.

К вечеру Ване стало хуже, вызвали скорую. Почки он застудил еще мальчишкой: играл на горке рядом с речкой, укатился на санках в полынью под воду; мужики кое-как выловили, отправили домой. Пока шел по морозу весь мокрый, простудился, слег.

Отмаливали его тогда отец с матерью как могли — их младшие мальчик и девочка умерли во младенчестве, а больше детей Бог не дал. Вот и теперь молились старики, пока ехала скорая, пока осматривал врач, советовал срочно капельницу, а Алевтина собирала вещи в больницу и успокаивала рыдающую Лесяю. Клади бесчисленные земные поклоны, скороговоркой повторяли «господи, помилуй, господи, помилуй». Наутро прилетела из больницы весточка — капельницы помогли.

И не раз еще помогали. Вот хоть бы на Сретение — Ваня выбивал на снегу ковер, а двоюродная сестра Нюрочка позвонила соседям сверху, единственным в подъезде, у кого был телефон, и сказала, плача, что у тети Клавы инсульт. Ваню прямо там возле ковра и скрутило. Но ничего, за два дня на ноги поставили, успел похоронить мать.

А вот когда на девятое мая получили от Нюрочки открытку, и внизу под стихотворением приписано было мелко, что дядя Гриша решил жениться, тогда Ваня провалялся в больнице два месяца с лишним. «Дядя Гриша без тети Клавы совсем “дошел”, чуть дом не спалил — варил без воды картошку! — объясняла Нюрочка Алевтине, сидевшей в тесной переговорной кабинке на телеграфе. — Хозяйка ему нужна, в город он ни за что не поедет, а к делам не приспособлен, как ребенок малый».

Следом пришло длинное письмо от Григория Федоровича. Он сообщал, что новая

жена — Катерина Дмитриевна — очень хорошая христианка, Евангелие читает и правило знает. А дом — кому он нужен? — Лесе и то скучно, товарок у нее здесь нет. Поэтому дом, дескать, записал на Катерину Дмитриевну, по-другому она не соглашалась, и книги все ей, чтобы «нашим» потом достались. Ваня как из больницы вышел, по настоянию жены все-таки съездил, уговорил Григория Федоровича и Катерину Дмитриевну, крепкую обстоятельную старуху, сразу взявшую дом в свои руки, хотя бы половину переоформить на Лесяю. С тех пор Леся в Гнилица бывает перестала, и три лета подряд ездила с подружкой в пионерский лагерь от Горono.

И только когда Леся окончила школу и поступила в торговый техникум, как хотелось маме, а не в университет на исторический, как советовал папа, капельницы вдруг перестали помогать.

Ваня лежал весь желтый, очень желтый на фоне сероватых больничных простыней. То приходил в себя, то опять проваливался в обволакивающее мучнистое облако. Григорий Федорович сидел у его кровати и думал о том, о чем сейчас уже должно было думать — как хоронить.

Входила Алевтина с судками, предлагала перекусить, переставляла на тумбочке вещи, выходила. Наконец сын открыл глаза, усталые, мутные.

— Тятя, дай пить.

Григорий Федорович торопливо поднес кружку к его бескровным губам, поставил обратно на тумбочку, коснулся узловатыми пальцами руки сына.

— Ваня, ты скажи мне, как ты хочешь — по-нашему? Ты со мной, Ваня?

Сын посмотрел, будто сияясь что-то вспомнить, нащупывая глазами точку опоры. С тех пор как он уехал учиться, а потом работать, о главном они почти никогда не говорили. Однажды летним вечером, когда все

ушли спать, он завидел сына, сидящего на крыльце, подошел и спросил-таки: «Ваня, ты веришь ли?» Тот, помолчав, ответил: «Верю, тятя, но втайне».

«Вот брат Гавриил, — рассуждал Григорий Федорович, — что толку детей держал в строгости, в пионеры вступать не давал? Все одно — обмирщение. Или брат Василий — Нюрочку хотел за нашего отдать, а она в город подалась работать, там жениха нашла. И дулся на нее, а пошел же на свадьбу с баянистом, так что потом от молений его пришлось отлучить. Не так велика беда, Ваня, жить в миру, без креста, без постов, когда бы главного ты не забывал — молиться. Молиться надобно всегда, при всяком случае. Бог всегда близ есть, и ты сам себе и жрец, и жертвенник, и жертва. Этого вовек ни у кого отнять нельзя».

— Да, тятя, я с тобой, — произнес сын неожиданно ясно и снова открыл глаза.

Григорий Федорович сполз на колени, изо всех сил сжал Ванину руку, уткнулся лицом в серые несвежие простыни. Постоял так, потом поднялся, отошел к окну. За окном был больничный двор, пустое белое небо. «Верил! Все время верил!» — думал Григорий Федорович, пытаясь утихомирить ухающее сердце.

В коридоре ждала Алевтина. Она отложила на кушетку стопку тетрадей и поднялась, пропуская пожилую санитарку со шваброй.

— Спит?

— Спит. Мы вот что — решили по-нашему.

— Григорий Федорович! Да как же это — решили по-вашему? А Леся? А друзья, коллеги придут? По-людски надо, а не по-вашему. Музыканты, поминки, чтоб люди...

— Он сам мне сказал — по-нашему.

— Сам сказал? Да он уже третьи сутки в бреду! Нет, даже и не настаивайте.

Григорий Федорович вздохнул и поглядел куда-то вверх каракулевой химической завивки Алевтины. Сердце смирилось и больше не ухало. Тусклый больничный коридор был устлан бесцветным, местами стертým линолеумом, края его заходили на стены. Санитарка домывала пол. Она выкрутила как следует тряпку, подхватила ведро и плечом толкнула дверь инвентарной комнаты. Из дальнего конца коридора навстречу ему хлынул яркий живой свет.

Похороны были назначены на два часа дня. Накануне выставили к подъезду крышку гроба с Ваниной фотографией в пиджаке и галстукe. Алевтина с утра уже сидела на стуле, изредка всхлипывая, беспокоясь, чтобы вовремя подоспел оркестр. Григорий Федорович засобирался домой.

— Что, даже и на похороны сына не пойдете? — Она сжала губы, высокая грудь ее гневно заколыхалась.

— Не пойду. — Григорий Федорович пошуршал в тесной прихожей, входная дверь чавкнула и захлопнулась.

— Мама, зачем ты его дергаешь, — не выдержала Леся, — не видишь, он и так весь извелся. Пускай едет.

Вишни в тот год побило морозом. Погибшие деревья пришлось вырубить, выжившим обрезали ветки, снимали засохшие цветки и завязи. Катерина Дмитриевна подгоняла помощников — двух мужиков из пожарки — чтоб управились до вечерней молитвы.

В доме было прибрано. Стояли рядком разномастные банки под соленья, поблескивал свисающим длинным носом новый рукомойник. В передней вместо занавески стояла трехстворчатая резная ширма. Часовник, Минеи, Псалтырь высились на аналое аккуратной стопкой, остальные книги

были убраны в привезенный Катериной Дмитриевной полированный шкаф, под ключ.

Григорий Федорович уже не вставал со своей лежанки; подолгу смотрел в приоткрытое окно слева от божницы, перебирал, как бабочки на лестовке, разные мысли. «Вот внучку так и не покрестил, выросла, как сорная трава... Сына отпустил без литии, последнего желания не исполнил... Помилуй, Господи, мя падшего, многоскорбна наша земная жизнь, но ждет нас жизнь вечная с Господом».

Он молился за всех своих, ближних и дальних, за здоровье некрещеной внучки, за упокой неотпетого сына, плакал и каялся, что вопреки правилу молится за них, и снова молился. Закрывал глаза и видел озеро Светлояр и себя с братьями и сестрами, костры, старцев беспоповского согласия, жарко спорящих о делах веры. Видел свою Клавдию, серьезную, большеглазую, с тяжелой черной косой из-под платка. Видел Оку без песчаных отмелей, молодой, еще неокрепший сад вокруг пахнущего свежим срубом дома. Когда крепко прихватывало, благодарил истово, что смилостивился Господь, дал перед смертью страдание принять, и как мог смирял плоть. А как отпускало, тихо и привычно беседовал с тем, с кем всегда беседовал все эти годы, к встрече с кем так неустанно готовился и кого так сильно и беззаветно любил.

Леся приехала с мужем, выпускником военно-финансового училища. Посоветовавшись, они согласились за Лесину часть дома взять у Катерины Дмитриевны деньги, а земля, как считал молодой финансист, все равно ничего не стоила. Деньги

были кстати: через месяц им предстояло отбывать в ГДР, и Леся мечтала, как накупит всего будущему малышу, да еще и на вырост можно будет взять.

Разделавшись с нотариусом и бумагами, запаковав кое-какие вещи на память — иконку и пару книг, небольших и нетяжелых, чтобы не тащить, — она вышла в сад. Он заметно поредел и сжался, и с чего ей маленькой казалось, что вишни такие огромные, что в них можно потеряться, а под переплетенными ветвями такая густая тень, что даже летом холодно? Новые деревца еще не плодоносили и беспечно шелестели листвой, а те, что остались после вырубки, хоть и цвели весной, но, по словам Катерины Дмитриевны, ягод уже не завязали, и их «все одно убирать». Стоял июль, жужжали мухи, Леся дошла до беседки и села на облупленную скамейку. Живот еще не был виден, но платье уже пришлось сшить посвободнее. К решетчатой стенке беседки жалось кривое старое дерево, на его костлявой ветке болталась одна-единственная бог знает как спасающаяся вишня. Леся просунула руку сквозь решетку, сорвала мягкую, нагретую солнцем ягоду. Теплый с железистым привкусом сок окропил нёбо.

Ей вдруг показалось, будто что-то трепыхнулось внутри и затихло. «Да нет, рано еще», — успокоила себя Леся, но все равно положила ладонь поверх живота. Она сидела не шевелясь, чутко прислушиваясь к тому, что безмолвно совершалось внутри, и не заметила, как через тонкий ситец летнего платья, через вишневую плоть, кровь и косточку, которую она все еще держала во рту, через дидино «господи, помилуй», невесть откуда возникшее, в нее вошла благодать.

Волна за волной

Нагежга Филимоненкова

Катер заглушил мотор, паломники сошли на берег и последовали друг за другом по аккуратно проложенной деревянной тропе. Проводник от монастыря, много женщин в насквозь продуваемых юбках и двое мальчишек, без спроса карабкавшихся по камням.

На них ровно, почти незаметно посматривала одна из женщин лет сорока, Катерина. Невысокая, пышная, крепкая. Её простое безмятежное лицо не подходило к энергичной стрижке, которую ветер разбрасывал крутыми медными волнами.

Катерина поправила соскользнувший на плечи платок, окликнула своих бездельников и вытерла им носы. Старший дал обвязать себя шарфом, а младший так и убежал в одной бумажной ветровке. Ничего, не простудится, бешеной собаке десять баллов не шторм. Лето всё-таки.

Крошечный остров укрывался зелёным брусничным ковром — это было единственной краской под пепельным небом. На пупке возле пристани чернели изба и часовня. Вокруг острова с отчужденным терпением двигалось море.

Все паломницы друг за другом заглянули в часовню и потом в том же самом порядке вытянулись у избы. По одному подходили за благословением к старому батюшке.

Он стоял на крыльце, которое было запахнуто слева и справа, как высокий глухой воротник. Катерина не слышала слов, они вспыхивали и сгорали в гудении ветра, да и

видела мало — кисть руки (пальцы собраны клювом), что высовывалась и кивала из тени крыльца. Кого-то батюшка благословлял, кому-то постукивал по лбу, кому-то что-то давал. От одной отмахнулся: проходи, мол, и женщина, спотыкаясь, попятилась, а все пытались понять, почему с нею так.

Катерина, робея, ждала с краю очереди. За ней пристроилась баба с больными коленями. Катерина уступила ей место перед собой и ещё пропустила двух зябнувших богомолков. Эти трое стояли теперь между нею и мальчиками, которые, оказавшись одни впереди, присмирели. Старший только оглядывался: слабым скошенным взглядом через толстые стекла очков он ощупывал очередь в поисках матери. Младший, тоже в очках, с любопытством вытягивал шею вперед.

Катерина подумала — вот и ладно. Пускай они сами. Их-то он не прогонит. А я уж потом.

Она заметила в отдалении стол и скамейки, пустые и сизые, на столе равнодушно поблёскивал самовар. Ресторан в конце Вселенной — Катерина припомнила присказку своего бывшего, которую не понимала, а спросить не успела, ушёл. Пришёл и ушёл. Нынешний тоже уйдёт. Она отпускала их с полуулыбкой. Волна за волной.

Как она это всё объяснит, если батюшка спросит? Как она его спросит о главном?

У неё получались обычно простые и круглые мысли, которые трудно разбить на слова. Когда младший приставал с уроками —

она и то не умела ему объяснить, а старший уже как-то сам ковырялся на троечку.

Катерина попробовала про себя разговаривать с бабушкой, попыталась сложить предложения, но ей от них стало стыдно. Она уставилась на отсыревший подол своей юбки, он то и дело приклеивался к её полным ногам.

Очередь продвигалась.

Комаров совсем не было, странно. Катерине вдруг так захотелось прихлопнуть хоть парочку. Или мальчишек за что-нибудь отчитать. Или просто тихонько уйти и поступить по совету подруг с парикмахерской. Ведь абсолютно нет денег... Полкомнаты и диван на троих...

Она встряхнулась, подтянула колготки. Поискала глазами — и увидела сыновей на крыльце. Они были уже перед бабушкой, состоявшим, как выяснилось, из фуфайки, подрясника и белой, мелко трясущейся головы. Черты лица растворялись в оперении белого пуха. Он взглянул на детей и затем, мимо всех промежуточных женщин, на Катерину — твои? Она спешно кивнула. Он коротко перекрестил обоих мальчиков.

Прошла следующая баба в очереди. Катерина, не думая, сделала пару шагов. И ещё... И ещё...

Она переступала нетвёрдо. Её снова покачивало — вместе с маленьким островом в беспокойной пучине.

Море переворачивалось, переворачивалось. Поднимались со дна мотки спутанных водорослей, trebuха и песок. Ещё что-то со дна поднималось и баламутило душу. На губах у прибоа пузырилась пена, море всасывало её и обратно выплёскивало. И нельзя было скрыть эти рвотные судороги.

Ничего тут не скроется. Бабушка видит насквозь. Вот он смотрит — внимательными

глазами из глубоких морщинистых гнёзд. Нет... не может он видеть, совсем же ещё не заметно...

Катерина очнулась, когда бабушка жестом позвал её ближе. Поднялась на крыльцо, ничего не успела сказать, как почувствовала на своём животе его птичьи ладошки. Приложил на секунду, улыбнулся — и всё, отпустил.

Катерина вдохнула, и в легкие брызнул морской газированный воздух. Тошнота отступила. Это всё? — тронул за руку старший. Это всё — она выдохнула глубоко и спокойно. Море тихо ворочалось, всё ровнее и тише, волна за волной.

Спустя несколько месяцев родился ещё один мальчик, здоровый, очки не понадобились. Мальчишка рос необычайно умным. В десять лет он уже приходил к Катерине на кухню со своими тетрадками и часами ей всё объяснял.

***

В тринадцать лет Денис завёл особую тетрадку, в которую он писал только формулы. Катерина её называла «тетрадь с лебедями»: в густой пене из маленьких цифр, иксов и значков выделялись протяжные лебединые шеи, которые Денис со страстью вырисовывал, загибал всё крупнее и круче... Когда он ими хвастался, матери нравилось, как рычал его ломавшийся голос на слове «интеграл» и как бегали ямочки по сдобным щекам.

Через десять лет Денис блестяще закончил физфак и решил заниматься наукой.

К тому времени им дали большую квартиру на окраине города. В ней разместились женатые старшие братья с детьми и Катерина с Денисом.

Это был крупный рыхлый парень, заросший жесткой щетиной с остатком медного блеска, потухшего от пещерного образа жизни. Он неохотно покидал свою комнату, ходил изредка в институт, одеваясь по-среднему вне зависимости от погоды.

Этим вечером Катерина увидела, как он вернулся с мороза без куртки. Поверх свитера был натянут его всесезонный мышиный пиджак, из верхней одежды на нём были лыжные шапка и шарфик.

— Минус десять, Денис, у тебя уши алые, — заметила Катерина привычно, почти что лирически.

— Мне нормально.

— Откуда так поздно?

— Семинар затянулся, аспирантов с примата нагнали.

— А девушки были?

— Девушки... девушки... — монотонно процедил Денис, уходя в свою комнату, и Катерина поняла, что он её уже не слушал.

Она взяла с тумбочки принесённый им торт с варёной сгущенкой: не тот, что просила, но тоже хороший, — и отнесла на кухню. Даже в собственной новой квартире у Катерины не было отдельной комнаты, и она больше всего любила кухню. Наряжала её растениями и рукоделиями, над бессмысленностью которых посмеивался Денис.

Остаток вечера он провел как обычно — в компьютерном кресле. Исполдбья поглядывая на экран, весь нахохлившись, он исписывал лебедиными шеями лист за листом — один и тот же надоевший интеграл длиной в несколько строк, не поддававшийся несколько месяцев. От напряжения у Дениса дрожала

коленка. На полу у стола оседали сугробы из отвергнутых черновиков.

Комната выглядела пустовато, её кубизм был груб при полном верхнем свете. Единственное, что привлекало внимание, — вдоль стены распластался стеллаж, заставленный звездолётами и коробками с будущими звездолётами Lego. Детали нового незаконченного штурмовика оккупировали половину стола. Денис не позволял племянникам «потрогать самолётик», вообще никому не давал, кроме матери, но даже ей сперва протягивал перчатки и следил, чтобы обе надела.

Матрас, служивший Денису постелью, был выдвинут почти на середину комнаты: недавно в доме появились муравьи, добрались даже на предпоследний этаж и теперь периодически перемещались вдоль плинтуса небольшими шеренгами...

В дверь постучали: Катерина позвала к ужину и оставила дверь приоткрытой. Дениса настиг шум из кухни. Все, слышать, собрались: взрослые рассаживались у телевизора, малыши перестреливались кукурузными палочками.

Денис свернул на экране вкладку «квантово-волновой дуализм», потянулся, оттолкнулся и отъехал в кресле, хаотично задвигал конечностями, противно так застонал, точно выпущенная из рук волынка, и мало-помалу затих. Он заметил у плинтуса новый муравьиный отряд и стал за ним наблюдать. Насекомые в строгом порядке обошли по периметру комнату и остановились под окном. Здесь отряд перебрался на отвесную плоскость стены, проследовал по точной вертикали к подоконнику, церемонно его пересёк и направился к горшку с геранью. Денис был доволен — опять идеально. Тридцать два муравья, а вчера было...

— Ты чего не идешь? — Катерина стояла у него за спиной. — Что, так и не получается?

— Не получается. Я, должно быть, тупой.

— Ну отвлекись. Поешь. И полей, вон, герань, она живая, всё чувствует — и твоё настроение тоже.

— Блин, мама, кто чувствует? Это чушь!

— Не знаю... я с ней разговариваю.

— Это не значит, что у неё есть нервная рефлексия, сколько можно тебе объяснять.

Денис сгрёб лицо пятернёй и пробурчал в неё что-то об окружающем идиотизме. Катерина шутя дёрнула его за ухо.

— Приходи, тебя ждём.

— Вы опять зомбоящик врубили.

— Да там новости... Ты все равно к ним спиной, ты не слушай.

— Я тебе скидывал, что надо слушать.

— Дениска, я не могу это слушать. Не по душе мне. Да и ты как наслушаешься — потом

злишься и всех презираешь.

— Да я не...

Денис раздраженно зажмурился и, слегка заикаясь, приступил к изложению политинформации. В комнате сделалось тесно и душно.

Катерина подошла к окну — как он может сидеть тут без штор, окно голое, пластик. Она погладила горшок с геранью: посадила — когда решила Дениса оставить, сколько лет уж прошло, он её поливать забывает, а она вот живёт...

Денис всё ворчал.

Катерина взялась за оконную ручку, повернула — и в комнату хлынул шершавыми волнами уличный воздух. Волна за волной. Ничего, не простудится, этому нипочём. Она открыла окно ещё шире. Со стола разлетелись все рукописи, Денис, ссутулившись, поплёлся их подбирать... Что ж поделать — подумалось Катерине светло и бестрепетно. Потерпеть надо, перевернётся. Ветер бесперебойно накатывал на гребешки новостроек и разглаживал Катерине лицо.

Воображение

Виктория Сигорова

Во вторник, девятый по счету, Ильза вновь стояла на платформе, ждала электричку и не знала, увидит ли его снова, как и не знала этого и в прошлый раз, и в позапрошлый. Наступил ноябрь, дни становились все короче и по утрам лужи затягивало тонкой ледяной пленкой. Дутое пальто и широкие ботинки из гренландского котика согревали Ильзу и придавали ее хрупкой фигуре дополнительный объем, а шапка и шарф черничного цвета не пропускали ветер и красиво оттеняли ее седину. Она заботливо прижимала к себе круглую металлическую коробку с рисунком большого старинного замка, внутри которой лежала домашняя выпечка. Ильза долго не могла придумать, что с собой взять в этот раз и испекла фигурное печенье. Да, она знала, что он не сможет съесть его сам, но пусть это будет угощением для посетителей.

Подошла электричка. Ильза мельком взглянула на свое отражение в дверях, зашла в вагон и села на свободное место возле окна.

Впервые она встретила Николая чуть больше года назад на семидесятилетнем юбилее своей подруги Эммы в загородном ресторане. Эмма в этот вечер много говорила, смеялась, была энергична и обворожительна в своем серебристом платье с длинными рукавами, подчеркивающим все еще ее стройный силуэт и прекрасную осанку. Муж оставил Эмме большой дом и хорошее наследство, она ни в чем не нуждалась, приятно проводила время, а зимой уезжала к своему другу на юг.

В тот вечер интересный седовласый мужчина вдруг подошел к столику Ильзы, уверенно перевернул карточку, где было

написано ее имя, прочитал и отошел, так ничего и не сказав.

— Кто этот мужчина? — позже спросила она подругу.

— Это Николай, я тебе о нем рассказывала.

Да, Ильза не раз слышала о нем от Эммы. Николай был лучшим другом ее мужа, известным хирургом и профессором медицины.

Через время она снова увидела Николая у Эммы, которая, кроме Ильзы, пригласила еще нескольких своих друзей провести у нее выходные. Тогда на ужин готовили рыбу с овощами, и Николай дал Ильзе попробовать свой фирменный соус, поднеся ложку к ее рту:

— Очень вкусно, — только и сказала она.

Объявили нужную станцию, Ильза слегка вздрогнула от неожиданности, вышла из электрички и направилась к дому Николая.

Сняв верхнюю одежду в коридоре, она вошла в гостиную. Николай сидел в своем красном кресле, расположенном у окна, чтобы видеть сад. Он не крутил чайное полотенце, как обычно это делал, а заметив Ильзу, заулыбался, и лицо его стало светлым и гладким, как у ребенка. Она налила себе в чашку чай, присела рядом и взяла его руку в свою. «Теплая, но сегодня без пожатия, как раньше», — отметила она. Он уже давно писал на айпоне то, что хотел сказать. А когда

пальцы перестанут двигаться, подумала Ильза, он совсем не сможет общаться.

На комод в вазах разного размера пестрели большие букеты, а на журнальном столике рядом с его креслом все еще стояла ее икебана, слегка подсохшая, принесенная недели три назад. Ильза посещала курсы керамики и на них сделала темно-зеленую миску, а потом поставила в нее несколько мелких ирисов, веток эвкалипта и цветущей вишни, получилось мило.

Николай показал глазами на музыкальный центр и написал название диска, который хотел послушать. Он очень любил классическую музыку и хорошо играл на пианино, когда был здоров. А еще он сочинял специальные произведения, способствующие скорейшей реабилитации лежачих больных.

Да, весной Эмма приглашала Ильзу с собой на вечера классической музыки, которые устраивал Николай у себя дома. Он построил небольшой зал, чтобы студенты консерватории могли в нем репетировать и давать небольшие концерты.

В один из таких музыкальных вечеров Николай произнёс, смотря Ильзе в глаза:

— Как ты прекрасна!

А потом сел с ней рядом, взял ее руку в свою и держал ее так весь концерт.

По возвращении домой в машине Эмма сказала, как бы невзначай:

— Знаешь, Николай очень изменился за последнее время, и близкие подозревают у него начало Альцгеймера. И вот так за руку, как тебя сегодня, он держит сейчас многих женщин.

Ильза тогда очень растерялась и не знала, что ответить. Она была почему-то уверена, что

отношение Николая к ней не было поверхностным: взгляд его всегда был очень глубоким и серьезным, а обращение — вежливым и трепетным.

Ильза открыла банку с печеньем, обмакнула одно в чай, который еще не принялась пить и дала Николаю — попробовав, он поднял большой палец кверху, изображая знак «ок», но смог съесть не больше четверти. Выключив музыку, Ильза начала читать вслух сегодняшнюю газету, а потом новую главу в книге, которую писал Николай — это была история о больном отце, страдавшем болезнью Лу Герига, которого отказался навещать сын. Она поняла, что речь здесь шла о его сыне. Закончив читать, Ильза отложила книгу. «Можно я у тебя кое о чем спрошу?» Он кивнул. «Скажи, год назад, на семидесятилетнем юбилее Эммы, ты мной заинтересовался?» Он улыбнулся. «Знаешь, я почувствовала то же самое, но не могла открыться». — Ильза посмотрела на него, а потом на свои руки. Она прислонилась к щеке Николая и сидела так, не шелохнувшись, какое-то время.

— Ты еще навестишь меня? — спросил ее как-то Николай после музыкального вечера.

— Да, когда Эмма вернется, мы приедем.

Она и представить себе не могла, чтобы поехать к Николаю одной. Он такой известный, интересный человек, вряд ли она сможет поддержать разговор. С того момента, когда Ильза увидела Николая первый раз, она думала о нем постоянно и убеждала себя в том, что, если любишь человека, совсем необязательно всегда находиться с ним рядом, можно общаться и в воображении.

И она увидела его, когда приехала Эмма. Николай сильно изменился, ходил с палочкой, и движения его были плохо скоординированы.

Через месяц, когда в телефонном разговоре речь коснулась Николая, Эмма сказала, что он очень болен. И Ильза стала навещать его каждую неделю по вторникам.

Солнце поднялось уже довольно высоко, близился полдень, Ильза подошла к окну и слегка задернула занавеску. Послышался звук открывающейся входной двери, и в комнату вошли две женщины, молодая в джинсах и светлом свитере и молодящаяся, в обуви на высоких каблуках, на которую надела чехлы, в узких брюках и с очень пронзительным стальным взглядом. Как Ильза потом поняла, это были дочь и бывшая жена Николая, они поздоровались.

— Ах, вот кого ты скрывал, папа! — Молодая симпатичная женщина взглянула на Ильзу и улыбнулась, потом подошла к Николаю, обняла его за шею и поцеловала в щеку.

— Это вы задернули занавеску? — поморщилась женщина постарше.

— Да, свет из окна падал на айпод, и Николай не видел экран.

Побыв совсем недолго, дочь и бывшая жена Николая ушли, а вслед за ними появились двое крепких мужчин-санитаров из службы домашнего ухода за больными. Они пересадили Николая в кресло-каталку и отвезли в другую комнату, чтобы приготовить его к дневному сну. Ильза в это время вышла на кухню, съела бутерброд, который взяла с собой, и выпила чашку кофе.

Минут через двадцать санитары ушли. Ильза вошла в комнату, Николай лежал на

кровати и смотрел какую-то программу о путешествиях.

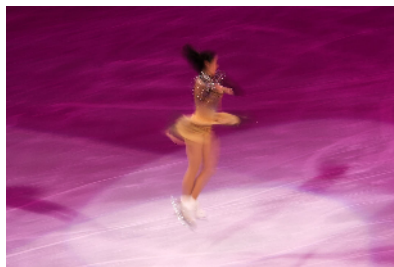
— Знаешь, мы могли бы вместе поехать куда-нибудь! — Ильза весело посмотрела на него. Николай с недоумением взглянул на Ильзу и слегка нахмурился.

— Да, могли бы, в воображении!

Они немного посмотрели телевизор, и Николай уснул. Сегодня во сне он улыбался, так по-детски, безмятежно. Ильза любовалась им какое-то время, потом поцеловала в лоб, погладила по волосам, оделась и вышла из дома.

Наступил февраль. Было холодно, и люди слегка переминались с ноги на ногу. Ильза подошла поближе, чтобы слышать слова священника. Нестройными голосами произнесли молитву «Отче наш». Толпа потянулась к могиле — кто-то бросал в нее розу, иные проходили мимо. Падал снег, и было очень тихо, только слышался звук шагов.

— Знаешь, много лет назад я работала воспитателем детского сада в Гренландии, по контракту. В феврале там северное сияние, оно необыкновенно красивое — небо переливается всеми цветами радуги, и ты совсем не знаешь, какой цвет будет следующим и где. И так мы могли бы стоять с тобой, держась за руки, и смотреть на небо до самого утра. А потом прокатиться на упряжке с лайками по белому полю, они так быстро бегут, и снег может попасть в рот и глаза, если их не прикрыть...

Двоечница

Дарья Ангреева

Оксане, Полине и Маше

Лед наждачен, щерится выбоинами. Руки и ноги набиты ватой, как у огромного плюшевого медведя, которым трясут на трибуне рядом с плакатом «Соня, вперед!». Соня молитвенно поднимает голову к куполу: там ни неба, ни бога, лишь табло, отсчитывающее секунды.

Семь. Шесть. Пять.

Соня становится в стартовую позу.

С первым аккордом медвежья шкура спадает, из нее появляется Соня — ловкая, юркая. Она бежит по льду, и рубит его зубцом, и летит, пока не дал сдачи, и снова полосует подсечками. Лед так и норовит ухватить за конек — степаут на каскаде, степаут на акселе. И наконец на финальном вращении — бедуинский, либела, — намертво закусывает лезвие. Соня раскорячивается на льду — нелепая каракатица в платье со стразами.

Музыка обрывается, зал воеет, как зверь. Кажется, утешает.

Соня кланяется и смутно видит во льду свое кривящееся лицо. У бортика ждет тренер: темная щетина на квадратном подбородке подперта плюшевой салфетницей — фиолетовой единорожкой. Соня едет к калитке зигзагами, не глядя тянет из его рук куртку, плюхается на диванчик.

Табло под куполом показывает, как она воюет со льдом. Со стороны это выглядит как прокат. Сжимая в руке чехлы, Соня замороженно смотрит, считает: флип-тулуп сделала, на дорожке зажгла, но вот — недокрут, вот — падение...

Она еще считает, а считать уже нечего. На табло — баллы, на табло — двойка. Вторая. Двоечница. Пара.

Она вскакивает с диванчика, камеры прыгают ей в лицо, микрофоны суются со всех сторон.

— Прокомментируйте!

— Почему не получилось!

— Какие эмоции!

Опустив голову, Соня бежит и плачет, плачет и бежит. Голые лезвия скребут по бетонному полу, в глазах — вспышки, в ушах — скрежет.

— Чехлы! — кричит вслед тренер. — Дура, лезвия испортишь!

Слезы катятся, катятся и падают на пол, застывают ледышками. И коньки уже не режут бетон — они тоже катятся, скользят по коридору в спасительную подтрибунную глубь. Отстают жадные рыла микрофонов, меркнут хищные глаза камер — вокруг пустота и тишь. Волонтерка, спешащая навстречу с вязанкой

аккредитаций, поскальзывается, испуганно
взмахивает руками и шлепается на попу.
Уборщица с ведром в задумчивости натирает
лед шваброй, и мыльные потеки бегут Соне
под ноги.

У самых дверей ледового дворца —
автобус, Соня заскакивает внутрь.
Расшнуровывает коньки, задирает на сиденье
ноги в плотных катышчатых носках. Под
носками — пластыри, тейпы, мозоли, вся боль,
которую она сегодня подвела.

Через проход перегибается женщина:

— А можно автограф?

На фотографии, которую она протягивает
— Соня, а не каракатица и не медведь.
Вдохновенная, изящная, и платье ей к лицу, и
ручки-ножки дотянуты, как у балеринки.

Соня расписывается и смотрит в окно, за
которым крутит твизлы вьюга. Морозные
завитки на стекле похожи на двойки.

— Убежала с награждения. Проиграла
этой... этой, толстомясой...

Кухня вся сочится теплом и запахами, как
пирожок — вишней. Мама вонзает зубы в
сдобную плоть, на губе у нее выскакивает
герпес из варенья. Перед Соней тарелка с
творогом, творог напоминает сугроб — такой
же белый и холодильничный.

— Нет, пусть еще потомятся... Что с тобой
случилось-то? Аксель испортила! Смольникова
на удочке тройной делает, а ты с двойного
валишься...

Мама с грохотом засовывает противень с
пирожками обратно в духовку.

В автобусе барахлит печка, творог
снежным заносом лежит в животе. Снуд снизу,
шапка на глаза сверху — пуховичный куль в

углу салона. Ехать долго, и пусть бы дорога
длилась не сорок минут, а сорок часов — Соня
не против.

В наушниках ломко шепчет Билли Айлиш.
Тетрадь на коленях горбится, буквы
подскакивают на кочках. Тангенс, котангенс...
Может, на следующий год удастся выпросить
танго, ну хотя бы в короткой. Ледовое побоище
как веха русской истории... Не Александра она,
не Невская, а просто Соня... Какие жизненные
цели можно считать благородными (по
произведениям Л. Н. Толстого)? Взвешивание,
страшно...

Ручка блекнет, голубеет, скребет, не хочет
писать. Соня встряхивает ее в ледяных
пальцах. Дышит на нее, выводит Л, выводит Н,
но уже на Т снова — лишь бледное царпанье.

Соня смотрит: пасты еще полно.
Развинчивает ручку, хочет подуть в стержень,
но оттуда сыплется мелкая синяя дробь,
сыплется прямо на сиденье... Соня поспешно
загребаёт кристаллы горстью, сует в карман.
Придется сегодня без благородных целей...

Тренер ее не поправляет. Не ругает. Не
дает задания. Щетинистый подбородок как
бульжник. Она кидается в аксель, судорожно
обнимая воздух руками, прыгает раз, два, три,
десять... Но воздух выскальзывает из объятий.
Обхватив только саму себя, она летит в
разверстую холодную пустоту, от которой
дубеют и тупеют разогретые вроде бы мышцы.

Пустота уплотняется, наполняется, только
когда мимо проносится Матвей. Он как
тепловая пушка в холле спортшколы: на лету
обдает теплом, шумом, весельем.

— Что ты прыгаешь, как балалайка? —
покрикивает на него тренер, и он тут же
бацает ладонями по пяткам. Тренер смеется. —
Может, «Яблочко» тебе поставим?

Соня подъезжает к борту, раскурочивает
плюшевую единорожку с салфетками,
сморкается так, что аж в мозгах что-то со
свистом высмаркивается. Пьет воду и смотрит,

как тренер, широко расставив ноги, поднимает на удочке Смольникову. В спортивном костюме он и впрямь напоминает удильщика на дачном пруду, который вылавливает невесть какую рыбину. Не простую, а золотую...

Вкручиваясь в тройной аксель, Смольникова ловит Сонин взгляд, и на лице у нее закручивается гнусная ухмылочка. У Сони три оборота не получаются. Только два.

Она долго, долго стоит у борта, желая, чтобы на нее рывкнули за безделье. Ничего.

В раздевалке потно и гомонливо.

— И этак на жопе еще провернулась. — Смольникова, хихикая, сует девчонкам телефон. — Оригинальная позиция во вращении... Жаль, не засчитали!

Соня вылетает в коридор, на ходу запихивая вещи в сумку. Перед глазами все кружится, и чувство, будто она летит в невесть какой десятерной прыжок, и поймать ее некому...

Ловит ее Матвей. У него мягкая толстовка и мягкие губы, а стена, в которую упирается затылок, твердая, и все оригинальные позиции враз вылетают из головы — остается одна, самая верная.

— Ты чего такая ледяная? — Он с удивлением отникает от нее. — Замерзла? Хочешь, чаю из буфета принесу?

— У меня и так утром перевес триста грамм был, — шепчет она.

Он обхватывает ее, поднимает.

— Ничего не чувствую!

Смольникова чавкает кроссовками мимо, зыркает на них. Кричит звонко Матвею:

— Посоревнуемся как-нибудь, у кого триксель лучше?

Матвей улыбается.

— Когда на льду докручивать будешь — обязательно...

В школьном холле тишь, щетинятся крючками вешалки — Соня врубилась, как в борт, посередь уроков. Она не вешает куртку, идет как есть. Ей не жарко.

Надо сдать матешу, ответить про побоище и непременно разминуться с русичкой-классухой. Жизненные цели с утра не задались.

Исписанная логарифмами тетрадка ложится в стопку — хочется верить, что будет четыре, — а по истории она отвечает на все пять:

— Рыцари в тяжелых доспехах проваливались под лед...

Треск и плеск, белый снег, черная вода. Она знает, как это — когда легчайший бифлекс тянет вниз, и каждый страз словно валун...

Сумрачный коридор тоже похож на немую озерную глубь. И из этой глуби, будто колдунья Урсула, выныривает русичка.

— Соня! Сочинение по Толстому? Неделю назад надо было сдать!

— Я... я завтра... — обмирает Соня.

Качнув урсульим бюстом, русичка говорит:

— Пойдем-ка в кабинет.

Ну все, сейчас начнется: двойку карандашом, не аттестую, как ЕГЭ сдавать думаешь...

— Дети! — громко говорит Урсула, вталкивая ошеломленную жертву в класс. В классе — двадцать голов, все корпят над тетрадками. — Посмотрите на вашу одноклассницу Соню!

Двухметровые дети пялятся на нее недоуменными, рыбьими глазами. Половины из них Соня и имен не знает.

— Давайте мы все ее поздравим!

Она что, решила поиздеваться при всех?

— На минувших выходных Соня завоевала серебро на соревнованиях по фигурному катанию!

Рыбьи рожи становятся человечьими, в классе поднимается гомон, ее окружают, в глазах — живое любопытство.

— Круто!

— А медаль покажешь?

— А призовые платят?

Соня неловко улыбается, бормочет, благодарит. Звенит звонок, Урсула спохватывается, черкает на доске задание. Соню напутствует:

— Сочинение в следующий раз не забудь!

Соня идет по коридору, коридор гудит и визжит, и слоновьи топочет. На школьном крыльце ослепительно, мороз скребет, как

неточеное лезвие. Она лезет в карманы и достает — из одного кармана вязаную варежку с хасками, а из другого — что-то синее, промокшее, сочащееся, с белым большим пальцем...

С варежки на снег капают чернила.

Зеркало перечеркнуто станком, счеты бьются, как сердце.

— Раз, это было раз! Вступаем!

Над хореографом — низкий потолок, на хореографе — черная футболка, но он двигается так, словно нет для него ни балок, ни швов. Только музыка, и он в ней.

— Мягче, мягче! Что ж ты несмазанная какая-то!

Соня и сама видит — буратинка в лосинках. Опаздывает, врезается не в те акценты.

— Смольникова, это джаз-модерн, а не танец маленьких утят!

На лице у Смольниковой обида. Она выходит, ее демонстративно долго нет, а возвращается — всего-то со стаканчиком из-под кулера. Ставит его на подоконник, в общую свалку телефонов и бутылок у темного окна.

— Ты не заблудилась? — спрашивает хореограф. У него даже брови танцуют.

Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, рраз! — прыжок — четыре! — выпад... Соня старается, раз-два, тянет носок, три-четыре, за шиворот катится пот, сыпется пот...

Наконец заминка, все тащат фитболы. Соня подбегает к подоконнику, смахивает пот со лба, утирается салфеткой. Возвращается к

фитболу, и — как хорошо лежать на его резиновом пузе, покачиваться и потягиваться...

Едва хореограф за порог, прорезается Смольникова:

— Ну, угонял сегодня... Можно подумать, кому-то нужна его хоряга, если ультра-си жахнуть!

Девчонки разбирают вещи с подоконника.

— Ой, девочки, ну кто окно открывал? Ледяное все...

— У меня весь экран запотел! Два процента осталось, а зарядки нет...

— Прямо ледышки плавают. — Смольникова отхлебывает из своего стаканчика. И, скривившись, с подозрением смотрит на прозрачную жижу. — Соленая какая-то... Что они в кулер налили?

И вдруг, изменившись в лице, бежит прочь из зала.

Соня еще тянется, потом вешает резинку и, прихватив с подоконника заиндевевшую салфетку, выходит в коридор. За углом тренер орет на Смольникову:

— Сколько раз тебе говорить? Пить только из своей бутылки! Глаз с нее не спускать! Мало ли кто что подсыпет!

Смольникова хнычет и бежит в туалет, судорожно сплетая пальцы в кукиш.

Дома Соня выворачивает сумку в стирку, вместо света сразу включает дораму и закукливается в одеяло. Гудящее, саднящее тело будто чужое, хочется его снять и дать отвисеться в шкафу, но увы — ни застёжки, ни пуговки...

В дверь просовывает голову мама, подмигивает:

— Пирожок будешь?

Соня округляет глаза.

— Мама!

— Ну один-то... — смущается та. — Как сегодня?

Соне много чего хочется рассказать. Но она говорит:

— Ручка в кармане потекла, мам. Все синее.

Мама садится рядом на кровать.

— Все синее... — задумчиво говорит она. — Ну а еще какое?

Соня чуть улыбается.

— Фиолетовое, — говорит она. — Я все стояла, на эту салфетницу пялилась! А он хоть бы посмотрел!

— Матвей, что ли?

— Да не Матвей! Матвей и так... Тренер!

— Я уж думала, Матвей!

— И черно-белое. Они в белых блузках, в черных пиджаках. Спрашивают с выпученными глазами: тебе призовые платят? Такие маленькие, а ведь одноклассники.

— Хочешь как они?

— Иногда хочу... но нет, не хочу. А еще розовое! Обожаю фитбол! Давай купим домой фитбол?

— Да он у тебя полкомнаты займет...

Они смеются, и снежинки за окном отплясывают то джаз-модерн, то танец маленьких утят, а красивые мальчики и девочки из драмы красиво мнутятся и страдают... Мама цапает пирожок за пирожком, кивает на тарелку:

— Торопись, а то все съем! Хоть один...

Соня косится, мается, косится...

— Два, — вдруг решается она. — Два!

И ест с двух рук, и весь этот вечер, теперь, когда она раскусила его, оказывается, с вишневой начинкой.

Четыре. Три. Два.

На этот раз лед несет ее, и поет, и смеется. Кругом — снежные улыбки чужих выкруков. И Соня сама улыбается, раскланивается, благодарно касается льда ладонью.

Все прожекторы направлены на нее, и тренер сияет, как прожектор.

— Ну, чистоганом катала! Молодчина!

На лед кидают розочки в целлофане. Соня обнимает шуршащую охапку, смеется в камеру, складывает из пальцев сердечки. Обычные — болельщикам, а вот это, с поцелуйчиком в середине — Матвею. Он же сейчас смотрит...

Рекорд сезона! Под трибунами Соня рассказывает журналистам:

— Чувствовала себя прекрасно. Настроивалась на хороший прокат...

А сама краем глаза посматривает на дверь в конце коридора, за которой скачет последняя из выступающих — малолетка с жеребьячими коленками.

Оценок она не слышит, зато видит тренера — он идет ей навстречу, и прожектор на его лице потух, и подбородок закаменел. Соня ускоряет шаг, перебирает копытными ногами в коньках, он издали показывает ей два пальца. Соня вскрикивает. Это явно не победа.

— Но почему? Почему?!

— Презентацией проиграла. Десятые какие-то...

«Ты гораздо лучше сегодня была!» — стучится в телефон Матвей. Соня с досадой смахивает сообщение.

Со льда как раз выходят судьи, они в ботинках, они ничего не понимают, и тренер кого-то из них знает, кого-то из них спрашивает, Соня слышит: над чем работать, на что упор...

— Технически чисто, но чего-то не хватило, — отвечает дяденька в меховом воротнике. А тетенька в серебристом пуховике добавляет:

— Да, была в прокате какая-то... прохлада...

Соня хочет заплакать, но в глазах только сухая резь. В конце коридора запахнута дверь на каток, там погашен свет, и в темноте рабочие ворочают кубы пьедестала. На густосиней трибуне сидит поникший гигантский медведь.

Дед Павел. Трагедия звездного скитальца

Марам Сабитов

— Эй, парень. — Дед Павел пьяно хмурит брови и опирается рукой на стену. — Никогда... Слышишь, никогда... Не играй в шахматы на деньги.

— Почему? — усмехаюсь я.

— По кочану. — Сосед выкашливает облако сигаретного дыма, роняет окурки на пол и, пошатываясь, выходит из подъезда на улицу.

Моя мама говорит, что дед Павел послан в соседнюю квартиру силами Зла в наказание за тяжкие грехи папиных родственников.

Она уверена, что наш пьяница-сосед страшнее эпидемий холеры и оспы обезьян. От него на лестничной площадке мусор, окурки и стойкий запах перегара.

Отец, ругая меня за лень и двойки по геометрии, всегда спрашивает одно и то же: «Сын, я надеюсь, ты не хочешь вырасти таким же, как дед Павел?» и очень огорчается, когда я медлю с правильным ответом.

Мои родители — умные люди, но смотрят на мир слишком поверхностно и не могут сложить разрозненные пазлы в общую картинку. А я уже год назад понял, что наш сосед не просто алкоголик, а инопланетянин, живущий среди людей.

Доказательства? Да сколько угодно. Считаем, загибая пальцы.

Во-первых. На пустыре за нашим домом ржавеет звездолет деда Павла, потерпевший крушение и замаскированный под старую ракету из парка детских аттракционов.

Во-вторых. Сосед слишком много курит. Земная атмосфера губительна для пришельца, и поэтому он погружает себя в клубы сигаретного дыма.

В-третьих. Дед Павел постоянно пьян. Так инопланетянин борется с ностальгией и пытается заглушить тоску по родной планете.

В-четвертых. Он часто смотрит в небо. Потеряв свой корабль, космонавт ждёт спасательную экспедицию.

И еще...

Дед Павел не выбрасывает старые акции МММ.

Плотными стопками опальные аккредитивы лежат под столом на его кухне рядом с антикварным примусом и ржавой рамой от велосипеда «Школьник».

— Мавроди, мать твою, — часто вздыхает инопланетянин, заглядывая в тощий кошелек, — и где ж тебя черти носят?

Пришелец знает, что Сергей Пантелеевич жив и проходит реабилитацию в центральной галактической больнице. Там опытные врачи

кормят финансиста антидепрессантами и уговаривают вернуться на Землю.

Когда Мавроди вылечат и депортируют в Москву, акции МММ взлетят в цене, и на деньги от их продажи инопланетянин отремонтирует свой звездолет.

А пока этого не случилось, дед Павел с утра до ночи сидит во дворе за деревянным столиком, надеясь, что его заметят и отвезут домой космические спасатели с Бетельгейзе.

В семь часов утра он выкладывает на стол радикулитную шахматную доску, слушает птиц и пьет вино из пластикового стаканчика.

Отхлебнув большой глоток, инопланетянин причмокивает от удовольствия и роняет на футболку с полустертой надписью «Москва 1985» несколько капель красного полусладкого.

Получается красиво.

Багровые пятна на белом фоне делают соседа похожим на седого супергероя, подравшегося с вампиром.

В восемь часов дед расставляет на шахматной доске фигуры и старательно обмахивает их сторублевой купюрой.

— Без лоха и жизнь плоха, — шепчет он тайные слова, открывающие чакры Вселенской Удачи.

Завершая ритуал, пришелец целует черную королеву и говорит:

— Ну, всё. Теперь приходите...

И они приходят.

К девяти часам утра к столику стягиваются похожие на разбойников пенсионеры. Хмурые и небритые, в цветастых кофтах и черных трико с вытянутыми коленями.

Они окружают столик и шумно наблюдают за шахматными баталиями.

На кону 50 рублей за победу в партии.

Предвкушение быстрого обогащения щекочет разбойникам нервы и заставляет самых впечатлительных из них закидывать под язык таблетки валидола.

К двенадцати часам дня интерес к игре угасает. Инопланетянин издевательски легко обыгрывает землян, и униженные представители человечества вспоминают про неотложные дела.

Ватага игроманов тает, как легкий недуг под строгим взглядом Кашпировского.

И тогда дед Павел проигрывает три партии подряд.

Весть о неудачах шахматного флибустьера разносится по округе. Пенсионеры алчными мотыльками вновь слетаются к игровому столику и кружат над свечой азарта до тех пор, пока их накопления не превращаются в пепел.

В три часа дня последний медяк под тягостные вздохи проигравших падает в карман деда Павла, и довольный победитель посылает самого молодого старика в магазин за портвейном.

В шесть часов вечера на улицу выходит злейший враг деда Павла — тетя Клава Кармен, огромная, как борец сумо, женщина, спалившая свою молодость в костре подъездных интриг.

Вчера Кармен ходила в гости к подруге, пробовала самогон и спорила о смысле жизни. Сегодня ей плохо и хочется скандала.

Тетя Клава осматривает двор в поисках жертвы и видит веселую компанию шахматистов.

Она вытирает потные ладони о желтый сарафан, говорит: «Так-так...» и идет к игровому столу.

По пути Кармен кричит про то, что инопланетянин снова нагадил в подъезде у ее дверей, и теперь от дурного запаха у тети Клавы болит голова и расшатались нервы.

Все знают, что нападками на деда Павла Кармен прикрывает злодеяния четырёх своих кошек, которые так и не научились ходить в лоток. Но рассказывать об этом нервной тетке — все равно что плевать против штормового ветра.

Пенсионеры благоразумно отходят от стола и тихо ропщут в сторонке, а инопланетянин безмятежно закуривает папиросу.

Громкие крики и виртуальные угрозы не пугают космонавта, который дрался с мутантами в трущобах Ориона и заглядывал в жерла черных дыр.

Тетю Клаву бесит безразличие деда Павла.

Она требует от шахматиста контрибуций и грозит ему пухлым пальцем.

Пришелец, как внимательный кот, изучает наманикюренную сосиску, танцующую у его носа, и кривит рот в острозубой улыбке.

В его взгляде Кармен видит кладбище, духовой оркестр и себя, лежащую в гробу — нарядную и сильно покусанную.

Тетя Клава вдруг понимает, что переборщила с угрозами и, опасаясь за красоту своего пальца, быстро прячет руку за спину.

Ее помидорное от гнева лицо бледнеет, борец сумо сдувается, как проколотая шина, и превращается в растерянного гнома.

— Шахматисты сраные, — еле слышно шипит гном и косолапит к подъезду ругаться на беззащитных детей.

Еще долго драматическое меццо-сопрано тети Клавы гуляет по двору, пугая бездомных собак, и разгоняет артериальное давление у задремавших на лавочках старушек.

Примерно через час охрипшая Кармен возвращается домой. Она смотрит в открытое окно и шумно потягивает травяной настой из большой синей кружки.

— Устала, ведьма, — усмехается дед Павел и расставляет фигуры для новой шахматной партии.

На двор опускается темнота, и пенсионеры расходятся по домам.

Инопланетянин остаётся за столиком один. Он медленно допивает вино и громко ругается на звезды.

К столику тихо подходит черный пес по кличке Малевич. Он дружелюбно нюхает пустые бутылки и зеленые сланцы деда Павла.

Не найдя ничего съедобного, Малевич лижет большой палец на ноге космонавта.

Пришелец брезгливо отпихивает подлизу.

— Твой тезка не художник, а гнида, — выговаривает он собаке, — украл у меня идею «Черного Квадрата».

Пес потрясен известием о коварстве
Казимира.

Глаза Малевича наполняются влажной
грустью, и посрамленный «тезка гниды»
понуро бредет ужинать к мусорным бакам.

А дед Павел, пошатываясь, выходит из-за
стола. Легкий ветерок безжалостно
раскачивает его из стороны в сторону.

Еще один день жизни прошел зря.

Мавроди не вернулся.

Спасатели с Бетельгейзе не прилетели.

Скиталец с тоской и обидой смотрит в
небо.

— Да пошли вы все... — говорит он
мерцающим созвездиям и уходит домой...

И я уверен, что в этот миг в холодных
глубинах космоса громко икает штурман
межгалактического спасательного звездолета
— бывший товарищ деда Павла.

Два года назад он прекратил поиски
старого друга, пропавшего в окрестностях
звезды по имени Солнце.

«Далеко, хлопотно и нерентабельно», —
решил штурман и развернул звездолет в
гавань родной планеты.

Живодерка

Дарья Ангреева

— Живодерка! — гаркнула тетя Валя, поливавшая хилые крокусы у подъезда. — До чего довела живое существо!

Среди крокусов сидел битый дождями и ветрами плюшевый медведь с посеревшим мехом и истертыми пластмассовыми глазами. Красота и уют.

Грета ощерилась, и Ритка поскорее поволокла ее прочь.

— Ишь, рычать вздумала! Таких без намордника водить нельзя! Да я на вас в полицию...

Ритка дотащила Грету до детской площадки, юркнула под горку («Петька пидор», — было написано на изнанке жестяного ската), прижалась лицом к полулысой холке. Среди клочьев шерсти кроваво зияли язвы, белело мясо в розовой росе, и Грета дернулась, когда на одну из ранок капнула Риткина слеза.

К этой холке никто больше не осмеливался даже притрагиваться — не то что лицом прижиматься.

— Греточка, конфеточка, малышка моя...

Малышка подпирала башкой пидора Петьку, ребристые бока беспокойно вздымались. Кажется, от Риткиных объятий ей было только больно.

В ветеринарке клубился разнолапый народ — выходной. Престарелая мадам в спортивном костюме при виде Греты прижала к себе оскаленный, трясущийся комок шерсти, который держала на коленях. Растянувшийся на прохладной плитке стаффорд в наморднике повернул холеную крокодилию башку и смерил Грету таким взглядом, будто она — падаль.

— Мы к ортопеду, — сказала Ритка девушке на ресепшене.

Горбась, выставляя худые облезлые плечи, Грета вошла в кабинет. Только длинные овчарочки уши, острые, как камыш, стояли настороженно, да глаза цвета нутеллы смотрели оценивающе.

Слова пустились в чехарду:

— Что-то прихрамывать стала... Я сначала думала, наколола лапу, а потом смотрю — локоть как-то вывернут слегка... — Ритка ухватила Грету за сустав на передней лапе.

Ортопед тоже его пощупал. Пока его пальцы мяли сустав, у Ритки у самой занудила в локте вязкая, как засохшая ириска, боль.

— Рентген надо.

Она была ученая — сразу спросила:

— Почему?

— Тысяча.

Ритке выдали тяжеленный свинцовый фартук. Грета заворчала, когда ее посадили на стекло, но подоспевший санитар ловким движением так прижал ее, что она только скульнула — и затихла. У Ритки все внутренности перекувырнулись и подпрыгнули к горлу.

— Артроз. Сустав разрушается. Сколько ей?

— Почти восемь.

— Ну, возраст. Для крупной собаки...

Каждое слово ортопеда тоже было свинцовое.

— А какое-то... какое-то лечение есть?

— По-хорошему, только замена сустава.

Ритка посмотрела на его сведенные брови. И расхохоталась.

В холл она вышла, сжимая бумажку с надписью «Артрогликан». На плитке, разъезжаясь сосисочными лапками, резвился коржонок. За ним ползала на карачках девочка лет семи.

— Мама, смотри, он совсем не боится прививок!

Грета двинула к щену свой тяжелый нос, и тот мигом развалился, доверчиво выставив плюшевое пузичко.

Грета, когда в первый раз попала к ветеринару, тоже не боялась — а потом как тяпнула врача за запястье. По улице мама несла ее за пазухой, и она все елозила, шебуршилась, лезла наружу. Ритка запихивала

неугомонный черный нос в надежное тепло маминой куртки: «Давай обратно, шпана!» — а Грета лизалась и чуть прихватывала за пальцы острыми, как ножички, молочными зубками.

Маминой запазухи больше не было, но в Гретиной шерсти Ритке еще чуялся иногда запах той самой куртки.

— Ой, — сказала девочка, взглянув на Грету, — собачка болеет!

— Это не заразно, — буркнула Ритка и потащила Грету к выходу. Щенок задорно тьявкнул вслед.

Тети Вали у подъезда уже не было, бомжастый медведь печально смотрел на крокусы подслеповатыми глазами. Зато в прихожей стояли заляпанные отцовские ботинки.

— Явилась, не запылилась!

Он вышел из кухни с круглой головкой сыра в одной руке и бутылкой пива в другой — не хуже древнерусского царя из учебника истории, только в майке. От него разлило потом и цементом — строечный запах.

— Думал, приду со смены, поем да спать! Ага, как же, раскатал губу! В холодильнике шаром покати, а она шляется невесть где!

Ритке захотелось, как тому щену в ветеринарке — распластаться лапками кверху, и взятки гладки.

— Не успела приготовить, пап, прости. — Она вылезла из кроссовок, наступая мыском на стоптанные задники. — С утра в школу, потом в ветеринарку... Я тебе бутербродов сделаю, хорошо?

— У меня, между прочим, язва, сухпайком питаюсь! Я тебя кормлю-одеваю, деваху

взрослую, а ты не можешь жопу оторвать отцу суп сварить!

Ритка зажмурилась, давя ресницами слезы. Грета рванулась вперед, боком саданув переобувочную табуретку, и залаяла. До лая парша не добралась — он был густой, с прихлебом, с прирыком.

— Я тебе, скотина! — замахнулся отец. Грета присела, выставив больной локоть, но морды не опустила. Мягкие черные телячьи губы рванулись вверх, обнажая клыки.

— Давай быстро свои бутерброды, — буркнул отец, отступая из полумрака коридора в светлое зарево кухни.

Грета плюхнулась на попу и стала ожесточенно выкусывать что-то под мышкой.

А начиналось все с язвочек в паху и на коленках. Грете тогда было шесть лет. Стояло лето, жара, и Ритка решила: покусала какая-нибудь сволочь в траве, или что-то вроде крапивницы. Но лето быстро скукожилось и закорявело, а язвочки распускались все новыми и новыми бутонами, поползли на живот.

Ясное дело — пищевая аллергия. Знакомые собачники подтверждали: было похожее, но перешли с натуралки на сушку/с сушки на натуралку/с индейки на лосось/с «Аканы» на «Еканубу»... Ритка перешла туда, перешла обратно, запереходилась, заколебалась. Как-то на прогулке встречный дед с таксой сказал укоризненно:

— Барышня, да собаке же ошейник трет!

И Ритка увидела красный огонек уже и на холке.

Дальше был много всего. Пивные дрожжи, сухой рубец, дегтярный шампунь, толстые кругляши антибиотиков, невесомые белые шарики гомеопатии (растворить и помешать

тридцать раз по часовой стрелке). Ритка старательно высчитывала тридцать, но, видно, все-таки сбивалась.

Ветеринары говорили:

— Аутоимунное.

Говорили:

— Некроз тканей.

Говорили:

— У породистых бывает.

И расписывали такое лечение, от которого у Ритки глаза лезли на лоб.

— Откуда я тебе столько денег возьму? Высру, что ли? — проворчал отец, когда она подсунулась с распечатками из ветеринарки.

Но все-таки сходил, поговорил с врачом. Ветеринар с двадцатилетним стажем, спец по резке котячьих яиц, предупредил, что «результат не гарантирован». У породистых ведь бывает. Тема была закрыта.

На каникулах перед десятым классом Ритка нанялась раздавать листовки. На листовках развевались глянцевые барбишные локоны, скалились вытатуированные львы, роллы крутили фиги из икры. Из тяжелых створок метро лупил ветер. Толпа обтекала Ритку, как невидимое искривление пространства. Ее не было, ее рука тянулась в скользкую пустоту — ускоренный шаг, опущенный взгляд. Но она быстро наострилась. Бойко выкрикивала: «Возьмите листовку!» — и непременно искала глаза, прячущиеся, заморенные глаза, и тут уж у нее брали, а иные сердобольные тетеньки, только что пытавшиеся улизнуть к расписанию автобуса, говорили: «Давай две». Ритка вслед кричала: «Не болейте!» Те, кто ходил каждый день, перестали воротить морды и руки.

Листовочного заработка хватало на сигаретки, на хот-дог перед школой, на новую маечку. И на лечение, которое ветеринар называл «симптоматическим». «Левомеколь», противовоспалительное, курсы антибиотиков.

— Ну вы же понимаете, что лечите лишь внешние проявления болезни, — говорил врач.

А Ритка надеялась. Когда язвочка под прохладным медом «Левомеколя» затягивалась и на ее месте появлялось пятнышко розовой младенческой кожи, она истово всматривалась, не пробивается ли на зажившем месте пух. Когда Грета вдруг кинулась на водолазиху, с которой враждовала по молодым годам, но давно уже не обращала на нее внимания, Ритка, растирая едва не вывихнутую руку, верила: это верный знак, что Грета идет на поправку.

К снадобьям, которые Ритка горстью бросала в миску с кашей, добавился еще и «Артрогликан». Раньше Грета была придирчива: находила, выбирала, носом вытаскивала таблетки на пол. Ритке приходилось размалывать, раздавливать, обмазывать сметаной. Но все это осталось в прошлом. Теперь Грета их даже с руки брала.

— Может, сразу по пятьсот рублей ей в кашу класть? — предлагал отец. — Глядишь, выздоровеет!

Россыпь таблеток белела на серой овсяночной жиже — будто маршмеллоу на капустино.

— А если по тыще, будет просто как огурчик!

Ритка наклонялась, чтобы скрыть дрожание нижней челюсти, щупала Гретин локоть. Локоть был горячий, кости ходили под папирусной кожей. Ритка давно уже не выбиралась с Гретой в лесопарк, как в былые времена: стрекот велосипеда, цокот когтей по асфальту, холодный чай в мамином термосе и попрошайки-белки, которых Грета, вся увешанная репьями, с азартом загоняла на

деревья... Они шкандыбали по двору, между завалившейся набок каруселью и синючьей лавочкой.

— Бедняга! — расчувствовались иссушенные пьянчужки, а мамыши посматривали с брезгливой опаской.

Подъемы на третий этаж — и те превратились в квест. Раньше Ритка едва успевала за пушистым хвостом, а теперь лысоватое кожистое охвостье, как ветка опаленной елки, уныло тащилось по бетонным ступенькам.

— Ну, давай отдохнем, — говорила Ритка на площадке второго этажа, и они садились у мусоропровода.

Из-за полуприкрытой дверцы несло трупной сладостью. Когда сверху с грохотом пролетал мусор, Грета вздрагивала всем своим опаршивленным телом.

Тетя Валя, поливая выморочные пионы, злобствовала:

— Бьет она ее, бьет! Разве может животное такой вид иметь? Теперь еще и лапу сломала!

В этих-то нечесаных, мерзотно-розовых пионах все и произошло. Поутру Грета вышла из подъезда, привычно раскорячилась перед медведем, отлила насущное. Ритка заторопилась вперед (не дай бог, высунется тетя Валя), но Грета не спешила догонять.

— Гретка-табуретка, ко мне!

Грета лежала в пионах, уткнув нос в грязную медвежью лапу.

— Ты чего там нашла? Пошли давай! — Ритка мыском слегка поддела ее подхвостье, но Грета лишь прянула ухом.

Заплутавший жучок полз по коросте на ее боку. На первом этаже так хлопнула рама.

— Все цветы зассали! Вонь от ваших собак!

— Ей идти больно! — буркнула Ритка, за ошейник вытаскивая Грету из палисадника.

На следующий день они опять сидели в очереди к ветеринару. Там у всех были приличные дела, почтенные недуги: прививка, клещ, диабет, онкология. Нагруженные моськи и такие же нагруженные моськовладелицы шарахались от плешивой Греты и взъерошенной Ритки.

— Ваш хреногликан не помогает, выпишите нам что-нибудь другое!

Ветеринар вздохнул.

— Хондропротекторы — это только поддерживающая терапия. Я могу вам предложить обезболивающее, но, откровенно говоря... — Он посмотрел на безучастно лежащую Грету. — Ее надо отпустить.

Плитка у Ритки под ногами зазыбилась, закачалась, как плохо надутый батут.

— Напишите, как обезболивающее называется!

Хруст блистеров дарил надежду. Поводок пуповиной пульсировал между ними. Когда Грета опускала попу на землю, Ритка тянула ее, толкала, сердилась:

— Пшла! Чего расселась!

Один раз она плюхнулась посереде проезжей части. Вскрикнули тормоза, взвыл клаксон, заорала Ритка. Пинками загнав Грету на тротуар, она хлестнула неповоротливую тушу поводком.

— Ах ты дрянь такая!

Грета посмотрела на нее — без упрека, без укоризны. Но от тоски в ее нутелловых глазах на Ритку дохнуло дементорьим холодом. Ритка присела, обняла Грету за шею и зажмурилась, чувствуя, как шершавый язык зачмокал ее веками.

На следующее утро она, как обычно, вывалила из кастрюльки овсяночную блевотину и повыдавливала в нее таблеток. Миска звякнула об пол. Грета посмотрела из коридора — и отвернулась.

— Эй, Грета-ракета! — позвала Ритка. — Еда!

Но сколько она ни тормозила, ни подсовывала миску к носу, Грета не стала даже нюхать. К вечеру кашу пришлось выкинуть.

— Мало мы на нее тратим, — проворчал отец.

Ночью Ритка проснулась от скулежа. Грета лежала, смотрела в никуда и плакала. Умолкла, только когда Ритка легла рядом с ней на пол.

Прошел еще день. В миске с едой прел куриный паштет. В миске с водой плавала пыль. Грета не вставала. Ритка попыталась вытащить ее гулять, но едва вынесла на площадку, как та напустила под себя.

Долго, бесконечно долго замывала Ритка подъездную плитку. От полупрозрачной лужицы давно уже ничего не осталось, а она все терла вековую грязь, терла бетонную затирку, и перед глазами рябило от шербоатой мозаики.

В зените силы, когда Грета в кровь дралась с водолазихой, она весила больше тридцати кило: чепрачная шуба, тугие мускулы, опахалистый хвост. Сейчас — в полтора раза меньше: не собака, а суповой набор, колкие кости в ошметках мяса. Но нести ее до

ветеринарки все равно было тяжело. Ритка три раза останавливалась, клала Грету на траву и злилась на косильщиков, выбривших газон до колючего ежика. Грета смотрела, как над кашкой резвится капустаница, и даже не пыталась клацнуть пастью.

Последний привал перед ветеринаркой пришлось на асфальт. Ритка пристроила Грету в теньке у шелудивого от ржавчины «Москвича» и села рядом, глядя ее по такому же шелудивому боку. Под ладонью было сухое, шершавое, лихорадочно-горячее дыхание.

Гладила она ее и в кондиционированной прохладе клиники, стараясь спрятаться за тощими ребрами и не смотреть, как врач возится со шприцами.

— Конфеточка, сладкулька моя, все будет хорошо...

Грета слабо вздрогнула от укола. Тихий вздох пробежал по телу. Скрюченные лапы расслабилась, веки опустились. Только лысое струпианое брюхо вяло вздымалось.

— Все будет хорошо, — шептала Ритка, хотя спящая Грета уже не могла ее слышать.

Второй укол ее не потревожил. Брюхо под Риткиной рукой затихло. Врач сунул Грете под мышку стетоскоп.

У нее больше ничего не болело.

Держась за пустой ошейник, как за спасательный круг, Ритка вышла в холл, подошла к ресепшну. Пока девушка тыкала в калькулятор, что-то влажное коснулось щиколотки. Ритка вздрогнула. Рядом стояла дрожащая мерзость в розовой юбчонке. Лизала ее пыльную ногу и посматривала наверх из-под шелковых косм, подобранных бантиком.

Ритка улыбнулась окаменевшими губами, присела, неживой рукой тронула шавку. Космы были шелковистые, теплые. Ритка поправила

съехавший бантик. Подняла глаза и увидела в очереди даму с лицом консервированного персика.

— Какая она у вас нарядная, — пытаюсь улыбнуться, сказала Ритка.

Проходя мимо собачьей площадки, Ритка повесила ошейник на опору калитки. В сумерках шуршала трава, клочкотало веселое ворчание, кто-то покрикивал:

— Ап! — и юркая тушка проскальзывала через подвешенную шину.

Отец курил на площадке. Пепел сыпался на отдраенный Риткой пол.

— Ты охренела? Где шляешься допоздна?

Веки привычно съезжились, но под ними было до рези сухо.

— Не ори, — тихо рыкнула она.

— Да ты как с отцом говоришь, шмакодявка?

Ритка раскрыла ресницы, словно бы пересыпанные песком. Отец стоял в клочкастом сером дыму, и сам был такой же дымчатый и всклокоченный, с жилистыми руками и седоватой порослью на груди.

— Я не шмакодявка. — Ее голос клацнул, как карабин на ошейнике. — Я деньги в дом приношу, обстирываю тебя, обкармливаю! Прикрути фонтан!

Ахнула дверь, разохались половицы. Ритка бросилась на пол, на плед, где ночью обнимала дрожащую Грету. Плед пах старой псиной — и больше ничем. Ритка выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как разглаживается холка.

Краткая история жизни хохотушки Евы

Мария Лаврентьева

посвящается Ж.К.

Когда младенца вытолкнула на свет пульсирующая материнская утроба, старая медсестра упала в обморок вместо того, чтобы принять и надлежащим образом измерить новорожденную. Врач чертыхнулся: едва успел подхватить скользкого детеныша под мышки.

Причин для обморока не было никаких, кроме того, что старые трубы в родильном отделении в тот день работали так, словно завтра их отправят на пенсию. Оттого воздух здесь стал горячий и сухой, как в пустыне, и дышать им было почти невозможно. Медсестра лежала, нелепо раскинув ноги-колонны в потертых вельветовых тапках и выставив на обозрение старомодные панталоны в цветочек.

Ребенок, едва разлепив замазанный первородной смазкой правый глаз, захохотал так, будто ему рассказали самый смешной в мире анекдот, и с высоты своего опыта он оценил пошлость, делавшую историю особенно пикантной. Но смех этот был не злобный, нет.

Мать младенца, как это обычно случается с роженицами, пребывала в сладком гормональном полусне и улыбалась кому-то невидимому за плечом акушера. Врач, все так же держа на вытянутых руках заливающееся дитя, приблизил его к женщине: а ну-ка, мамочка, кто это у вас — мальчик или девочка? Девочка, девочка, Ева, устало и счастливо улыбнулась мать.

Гогот сменился тихим хихиканьем. Имя явно пришлось по нраву. Медсестра на полу зашевелилась, приподнялась на локте и медленно села. Что это я, сомлела, что ли. Врач выдохнул: ну слава богу, пришла в себя. Вераиванна, мамочка в сознании, ребеночек в порядке, сейчас закончим с формальностями, потом разберемся с последом — и домой. Вы идите, посидите в коридоре, там не так душно, а я тут сам. Медсестра поднялась и послушно заковыляла в сторону выхода.

Дайте же мне ребенка, прошелестела мать. Врач с видимым облегчением положил девочку на вздувшийся материнский живот. Младенец прилип к соску — приложился сразу правильно, вот она, сила рефлексов — и жадно заурчал, добывая молозиво. Через пару минут врач отнял новорожденную, которая при этом не издала ни звука, и отправился ее описывать. Кожные покровы равномерно розовые, рефлексы на месте, мышечная активность в порядке, дыхание нормальное. Сердце чуток притормаживает, подумал врач, но это ничего, ставим девять из десяти и передаем неонатологам. Хватит с меня, подумал врач, пусть сами разбираются, у меня смена уже два часа как закончилась, да еще эту малахольную угораздило в обморок свалиться.

Мать быстро и без проблем избавилась от плаценты и забылась наконец сном. А Еву помыли, завернули в казенное клетчатое одеяло и уложили в кювез рядом с материной кроватью. На следующий день к ним в палату пришел кардиолог. Еву тщательно обследовали: врач с нежностью развернул тонкие розовые лепестки на груди, раздвинул фарфоровые створки ребер и приложил пальцы к крохотному пушистому сердцу. Посчитал про себя до тридцати. Причмокнул. Всего лишь небольшая брадикардия, мамочка,

не переживайте, будем наблюдать. Это просто замедленный сердечный ритм, ничего ужасного и опасного, никакой там аритмии или, не дай бог, порока. Они обычно перерастают. Прикладывается часто? А ночью? Губы не синеют ведь? Вижу, вижу. Ну вот и славно.

Их выписали из роддома, как и положено, через три тягучих сонных дня. Никто не встречал мать и Еву на обледеневших ступеньках старого здания, и они тихо-тихо поскользили по февральским сумеркам в сторону пятиэтажек — благо недалеко. Хорошо, что живем на первом, думала мать.

Щелкнув выключателем, она положила куль с Евой на дубовую тумбу, а сама стала снимать сапоги. Из темноты кухни сверкнули четыре глаза: два желтых, один голубой и один зеленый. Таша и Глаша, мурлыча заклинания, окружили клетчатый сверток и тщательно его обнюхали. Ева заворочалась, проснулась и заулыбалась. Таша и Глаша синхронно кивнули, одобрив плод материнских стараний, и скрылись в кухне. Они жили на этом свете вот уже седьмую совместную жизнь, и младенцы их давно не удивляли. Но Ева, в отличие от остальных лысых уродцев, сразу показалась им достаточно безопасной компаньонкой для совместного сна. С тех пор кошки проводили ночи только с девочкой — сначала в половинке раскрытого чемодана, потом — в деревянном ящике из-под апельсинов, который мать заблаговременно зашкурила и покрыла дефицитным лаком, после — в настоящей кровати, которую отдал кто-то из дальних родственников. Таша и Глаша успели переместиться с Евой на старый диван с крапчатым рисунком, прежде чем закрыть долги перед седьмой жизнью и вихрем улететь в восьмую. Но до того момента они хорошенько повеселились — впрочем, как и многие другие.

Евин смех заполнял собой все пространство и цеплялся, как бешеный огурец, ко всему, до чего мог дотянуться. Молодая педиаторша как-то обнаружила, что ее растоптанные туфли, подаренные некогда ужгородской теткой, после визита к розовощекой, кругленькой, крепенькой девочке бормочут сказки Феликса Кривина и скрипуче хихикают. А магазинной

продащице после визита матери с Евой пришлось раньше уйти со смены, так как от хохота, вызванного одним лишь видом малышки, она обмочилась.

Говорить Ева научилась в полтора года, а первую историю сложила в четыре. Главными героинями, конечно, стали ее вечные хвостатые спутницы, которые по ночам обсуждали «несчастную Сару Гуд» и горестно вздыхали. Мать по просьбе девочки записала репортаж в зеленую клеенчатую тетрадь. Уже к пяти годам Ева довольно прилично освоила буквы: они выходили корявые, но теперь она могла сама записывать все, что пожелает. Тетрадь перекочевала к ней под подушку и регулярно пополнялась новыми отрывками.

Ева фиксировала все, что с ней происходило: как она вчера нашла в мамином комодке жестяную баночку со слипшимися монпансье, а на ее дне, покрытом белесым сахарным осадком, обнаружилась живая голубая бабочка. Как в саду опять давали рыбу с перловкой, и Ева скормила ненавистную желеобразную плоть чавкающей половице под столом (а та еще долго разевала деревянную пасть, словно просила добавки).

Ева жила без тревог и волнений. Она никогда не плакала и принимала с благодарностью все, что встречалось ей на пути: гороховый суп, тихий час, тесные для ее пухлых ножек чешки и даже колючие рейтузы. Толстая, румяная, добродушная Ева встречала любые преграды и перипетии широкой, щедрой улыбкой. Ей не приходилось для этого стараться: смех достался девочке по праву рождения, и отказаться от этого дара она не могла, даже если бы очень постаралась.

Воспитателям с ней порой приходилось туго. Наказывать Еву за что-либо, оставляя ее сидеть на горшке в выстуженном туалете, было совершенно бесполезно. Во-первых, девочка совершенно не страдала от одиночества и физических унижений подобного рода. Во-вторых, старое здание ее обожало: форточка в комнате моментально захлопывалась, а температура поднималась до максимума. Из-за этого окна покрывались испариной, а стоявшая в углу полузасохшая бегония моментально покрывалась красными

бутонами. Те набухали, лопались и через полминуты отцветали, покрывая пол кровавым ковром, если нянечка или воспитательница не спохватывались и вовремя не пресекали безобразие. Кроме того, к наказанной то и дело пытались прорваться друзья, коих уже тогда у нее было великое множество. Они тащили Еве игрушки, мандарины и приятные разговоры, приличествующие садовскому бомонду. Оттого тихий час, предназначенный для быстрого перекура на веранде и вязания, превращался в бесконечную борьбу с лазутчиками.

Евино сердце все так же билось чуть медленнее, чем положено. Однако врачи, заглянув за створки и грудные лепестки, успокаивали: подождем пубертата, мамочка, обычно в это время все встает на места. Мать грустно улыбалась: это что ж за пубертат такой, когда *все* встает на места? Исправно готовила Еве полезное, не перегружала домашними делами и старалась не слишком ругать, когда та отлынивала от физкультуры, которая в таких случаях вовсе не вредит, а наоборот.

Физкультура вообще была единственным предметом споров между матерью и Евой. Несмотря на скудное и в высшей степени правильное питание (паровые котлетки, два раза процеженный бульон, салат из морковки с изюмом, печеное яблочко), вес девочки продолжал расти и останавливаться явно не собирался, а прыгать, бегать и осваивать подвижные игры она вовсе не хотела. Но Еве внешний вид и состояние тела были абсолютно безразличны: жизнь ее была отмечена легкостью, обратно пропорциональной весу и объемам. Добродушие, умение рассказать очередную историю и вовремя пошутить — и над собой тоже, да-да, — а также полное отсутствие заискивающих интонаций и стремления подлизаться делали ее всеобщей любимицей. И она принимала это как должное, абсолютно не стремясь кому-то понравиться.

В школу Ева пошла в положенные семь. Компанию ей составили те, кто еще недавно по-пластунски полз по засыпанному сухими цветами плиточному полу детского сада,

чтобы доставить печенье или очередной дурацкий анекдот наказанной девочке.

Учеба давалась Еве так же легко, как и дружба. Она уже с первого класса знала, что когда-нибудь станет великой журналисткой, а потому изо всех сил налегала на прописи и таскала из скудной школьной библиотеки все, чем та была богата. Старые книги по ночам переползали с полки на полку, чтобы в следующий раз библиотекарь отдал их Еве вне алфавитной очереди.

Дисциплина, правда, страдала: если Еве делалось смешно, то уже через секунду класс и учительница тихо хихикали, а через пару минут уже валились из-за столов и утирали слезы. Особенно часто из-за массового хохота срывались уроки биологии и анатомии, и в итоге среди выпускников класса вы не смогли бы найти ни одного врача. Именно тогда ее прозвали «хохотушка Ева».

Рядом с Евой всегда вилась стайка подружек, а мальчики дрались до крови за право проводить ее до дома. Она никогда никого не обнадеживала, принимая ухаживания и подношения как должное и обещая всем своим поведением только крепкую дружбу и много, много веселья. Девочки мечтали научиться смеяться «под Еву», а мальчики тихо изнывали от безответной любви. Один из них, маленький болезненный Саша, влюбленный в Еву со времен детского сада, даже посвятил ей венок сонетов — Ева оценила старания, подарок приняла, но взаимностью не ответила. Позже его нашли на пустыре между детским садом и Евиным домом — неподвижного, холодного и бездыханного. Во рту у Саши алел цветок бегонии.

В последнем, выпускном классе пришел новенький. Миша приехал с родителями с далекого севера. Глубоко посаженные темные глаза смотрели на мир, а тем более — на изнеженных столичных однокашников с легкой усмешкой. Про Мишу было известно, что он числится в молодежной сборной по шахматам, потому и переехал сюда, поближе к важным событиям. На левой щеке у него родинка, а на правой икре красуются четыре глубоких борозды, оставшихся после схватки с

белым медведем, встреченным на улице родного города. И ни о чем, кроме любимой игры и оставленного им любимого края, он говорить не желает.

О таинственном Мише мечтали все девочки класса, а мальчики пытались скопировать его фирменную улыбку — безразличную, одним уголком рта. Миша был вежлив, начитан и хорошо воспитан. Но родные места, где дети ходили в школу при минус 40, где на улице можно было встретить песка или невовремя проснувшегося медведя, где дыхание замерзало в воздухе и опадало тысячько льдинок на лед, укрывающий вечную мерзлоту, видимо, остались у него внутри. Миша никогда не смеялся.

Первыми это заметили внимательные и чувствительные ко всему необычному девочки. Миша ни разу не поддался всеобщей истерике на уроке анатомии. Не среагировал даже легким смешком ни на один анекдот. И даже когда под шубой проспавшей физички, всеобщего врага, вдруг не обнаружилось юбки (а вот кривые ноги в нелепых телесных колготах обнаружались), не проронил ни звука.

А еще Миша совершенно спокойно и даже с некоторым безразличием относился к Еве. Казалось, он не видел в ней того же, что и остальные — ни поразительной легкости, ни живого характера, ни доброго, бесхитростного лица, ни розовых щек. Не занимали его и истории, которыми Ева щедро делилась с друзьями.

Ева сперва ничего необычного не замечала: Миша был для нее любопытной, но, в сущности, примерно такой же, как все, а не экзотической птицей. Ел то же, что и остальные, носил такие же толстовки, так же ненавидел физичку, слушал ту же самую, что и другие, музыку. Но все же надо было совсем потерять слух, чтобы не заметить, что он не смеется над ее шутками и не слушает ее истории.

Ева оборачивалась на него тайком на уроках — смотрит ли? Нет. Отбившись от чирикающей стайки подружек, провожала его,

прячась за гаражами и всегда сохраняя дистанцию, до дома, но он никогда не оглядывался. На переменах он обсуждал с другими шахматы и низкие температуры далекой родины, совершенно не замечая, что рядом с ним занялось живое яркое пламя.

Одним апрельским утром Ева проснулась и поняла, что влюбилась. Что могло привлечь ее в том, кого она близко не знала и кого, видимо, вовсе не интересовала? Виновата ли в этом была слишком ранняя весна, или не вовремя подвернувшийся под руку «Гамлет», или забившие фонтаном гормоны, или слишком серьезная фиксация на одном объекте? Или просто пора было ей впервые влюбиться, а Миша удачно подвернулся и был достаточно холоден для того, чтобы пробудить в ней жаркий интерес? Или же в пубертате все встало на места, как и говорил когда-то врач?

Ева решила действовать немедленно. В пятницу, в восемь утра, она выбежала на улицу, подгоняемая апрельским ветром. Ева досконально изучила мишины маршруты и расписание, а потому точно знала, где и когда появится Миша. И точно: по серой асфальтовой змее, огибающей соседний дом, шел тот, кто никогда не смеялся, а потому, возможно, и был так важен. Ева замедлила шаг и пошла навстречу. Сквозь трещины на асфальте под ее старыми кроссовками пробивались стрелы первых одуванчиков и кругляши подорожников, а на кирпичной стене пятиэтажки набухли и позеленели плети дикого винограда.

Миша увидел ее, но, кажется, не то что не обрадовался, но даже не удивился. Ева улыбнулась и смело взглянула ему в глаза. Миша неловко отшатнулся — ты чего, Ева, почему в школу не идешь. Я хотела тебя встретить, Миша, хотела сказать... Ева запнулась, она примерно понимала, что положено говорить в таких случаях, но никогда до этого момента не думала, что ей придется первой произнести подобное. Она точно знала, как принимать чужую любовь, но как говорить о своей, если твой язык приручен лишь к смеху и забавным историям?

Она поднялась на цыпочки, заглянула в Мишины глаза, и там сверкнуло что-то белое,

ледяное, твердое и колкое. Отойди, пожалуйста, Ева, ты горишь вся, сказал Миша. Я всегда такая была, сказала Ева, но не отодвинулась ни на сантиметр. Тогда Миша аккуратно взял ее за плечи — холод пронзил сквозь куртку и кофту — и подтолкнул в сторону. Миша, я что, тебе совсем не интересна, чужим, охрипшим голосом прошептала Ева. Нет, Ева, ты слишком много смеешься, а еще, прости, ты все-таки очень толстая. Кому-то, наверное, это ничего, но мне не нравится. Прости, надо спешить уже, звонок скоро, я побежал. И он действительно побежал.

Ева стояла, одинокая и ошеломленная. В висках стучало, живот крутило, лицо горело изнутри. Сердце ее бешено колотилось, как будто хотело сломать створки и выскочить наружу, в прохладное серое утро. Пульс ускорился, в ушах загудело, она почувствовала, как подгибаются ноги. А потом наступила темнота.

«Скорую» вызвали случайные прохожие. Врач торопливо раздвинул грудные лепестки, которые были обуглены по краям, открыл белоснежную клетку ребер, надеясь реанимировать Еву. Вдруг откуда-то сверху раздался задорный девичий смех, а из темного и теплого нутра на врача смерчем вылетели алые лепестки бегонии. Их тут же подхватил и унес в неизвестном направлении апрельский ветер. Внутри же врач нашел только лопнувшую пушистую оболочку. Когда он взял ее в руки, смех оборвался.

В свидетельстве о смерти значилось: «сердечная избыточность». Матери патологоанатом сообщил, что Ева, как и предсказывали врачи, переросла брадикардию. Судя по всему, сердце ее уже некоторое время билось совершенно нормальным образом, но в какой-то момент ускорилось и не выдержало самое себя, почему — никто не знает. Младенческая болезнь, так пугавшая мать, все это время защищала хохотушку: сердце Евы могло бы взорваться гораздо раньше, не замедляй она его ритм. Видимо, оно вообще было предназначено только для громкого смеха, веселья и бесконечных историй, а не для любви, тем более — первой и сразу же безответной.

Хоронили Еву всей школой. Попрощаться пришли и врач из роддома, и заметно постаревшая педиаторша с литературно подкованными тапками, и продавщица с податливым мочевым пузырем, и воспитательницы из сада. Мать хранила молчание и сжимала в руках свежесрезанные алые бегонии — Евины любимые, как раз зацвели.

А Миша не пришел. Он быстро перевелся в другую школу, а потом и вовсе вернулся в свой северный город, не выдержав здешних, слишком высоких для него температур. Преподавал там шахматы, потом женился на бледной тонкокостной учительнице математики. О том, что случилось в том апреле, он не рассказывал никому и никогда.

Лангыши

Кристина Быковская

Соседские посиделки у Ольги закончились, и Валя возвращалась домой. Ей нужно было пройти несколько метров до своего подъезда и подняться на пятый этаж. Было около 9 вечера, время летнего заката. Тепло, тихо, сладко-ароматно от цветущих во дворе жасмина и липы. Валя присела на дворовую лавочку и поняла, что вечер ей понравился, всё в этом вечере ей понравилось. Сама Ольга, красивая и спокойная, изящно накрытый стол, угощения, её дом, воздух в этом доме. «Всё равно я бы так не смогла, — подумала Валя. — Ольга одна, а я двоих детей сама поднимала. Да и как можно жить без запасов, с одним килограммом сахара впрок. Не нужно было спрашивать про это, и про муку пятикилограммовую зачем-то ляпнула».

Закатный свет уже терял свой коралловый фильтр, начинались синие июньские сумерки.

«Если б знала, что кому-то эти старые лампы нравятся, не стала бы дедову на помойку выбрасывать. Ольга как будто даже расстроилась, услышав про это. А по мне, так светодиодная лучше, светит ярко и хватает её надолго».

Деревья расчерчивали двор тёмными параллелями, невидимый Куинджи расставил их искусно и естественно для глубины перспективы. Кошки выползали из подвалов, готовясь к ночным променадам.

«И всё равно у неё хорошо, уютно очень. Всё есть, а лишнего ничего нет. Мне, говорит, достаточно. Достаточно. Я и слово-то это никогда не употребляла. Вечно чего-то не хватало, всё тащила, хранила — на потом, в память о прошлом. Весь дом свой в этой

памяти и стяжательстве похоронила. У меня же дышать нечем, одни комоды и пакеты кругом».

Ольга аккуратно рассматривала Валю во время чаепития. У соседки всё выходило неловко, она из-за этого сильно смущалась, хотелось как-то её приободрить. Ольга стала рассказывать, что цветы мужегоны — это не больше чем вымысел, три её бывших мужа это достоверно подтвердят; они смеялись. Женщины случайно познакомились во дворе, Валя любила цветы, а Ольга как раз несла домой миртовое дерево.

«Примерно так и должна была выглядеть подруга какого-то немолодого импрессиониста. С короткой графичной стрижкой и экстравагантным цветом волос. Быстрая и немного пугливая. По вечерам он бы пил свой абсент, а она растирала ему в ступке охристые сиенские пигменты, помогала в мастерской. Гладила большой теплой ладонью лицо и волосы беспокойного художника. Она и сама как будто героиня портрета французского мастера, такая живая и застывшая одновременно», — думала Ольга, наблюдая за своей гостьей.

***

— Ма-ам, мы обедать будем? — раздраженно протянула Ленка, Валина старшая.

— Будем-будем. — Валя одной рукой

ПАШНЯ подвинула крышку с кастрюли, чтобы она не

выкипала, а другой убавила огонь.

Ленка налила себе холодного компота и пошла в свою комнату. Отодвинув стопку бумажек на тумбочке, она поставила на освободившееся место стакан и плюхнулась на диван. Она переживала тот самый возраст в жизни девушки, когда кажется, что природа и генетика несправедливо сэкономили на тебе. «Какие у мамы ладони коричневые, не дай бог свои до такого довести. И не то чтобы это загар, они же круглый год такие, цвета въевшейся моркови. Прямо Мила Йовович в “Пятом элементе”, такая же оранжевая и заполошенная. Руки всё время что-то захватывают, переставляют, роняют». Сама Лена была выше сверстников, худощавая, с выпуклыми надбровьями, острыми чертами лицами и прямым пробором. Она носила темные толстовки, с которых хотелось влажной рукой смахнуть мелкие ворсинки.

— Леноч, готово! — крикнула Валя с кухни.

Был четверг накануне Пасхи, и после обеда они стали перебирать старый сервант.

— А чай?

— Чай после попьём. Эту оставь. — Валя выхватила фарфоровую чайную пару с ландышами, которую дочь собралась отправить в пакет.

— Старье, — скривилась Ленка.

— Много понимаешь.

— Наши на море в августе собираются, — сказала Лена.

Валя молча натирала ребристые хрустальные бокалы флисовой тряпкой.

— Я тоже хочу.

— Так езжай. Кто ж тебя держит.

— Не хватит стипендии. Билеты надо купить, с собой деньги взять, одеться. — Дочь села в кресло и ушла в телефон.

— Три месяца впереди. Заработаешь. — Валя начала доставать стеклянную полку, чтобы помыть её. Пальцы соскользнули, и полка встала в шкафу по диагонали. — Лен, помоги. Ау!

— Продай его на авито, этот шкаф дурацкий. Я сфоткаю и объявление поставлю. Зачем он нужен вообще!

— Затем, что я его купила. Ты много в этом доме купила на свои?

— Понятно.

— Что понятно? Что понятно-то, Лен? Ты вот умная такая со своим телефоном, знаешь хоть, что такое винтаж?

— Старье и есть. Можешь его себе оставить.

Валя расхохоталась. Она смеялась так звонко и беззлобно, что дочь отложила телефон и сама тихонько улыбнулась. Мать чудила с каждым днём всё больше и всё меньше стала обижаться на её острые комментарии.

— Я чайник пойду поставлю, — сказала, успокоившись, Валя. — А ты расставь оставшуюся посуду, ландыши только не убирай.

За столом Лена проверяла телефон и елозила кружкой. Валя ела вторую зефирку и разглядывала цветочную роспись. Вдруг она постучала ногтем указательного пальца по блюдцу и улыбнулась.

— Звенит, слышишь.

«Попроси меня ещё о помощи!».

— И что?

Валя допила чай, убрала со стола, оделась и пошла выносить мусор. Она шла сквозь двор решительная и улыбчивая, просчитывая, успеет ли сделать ремонт, пока дети будут в летних разъездах. Ей хотелось пригласить Ольгу и попросить её совета, но для этого нужно было сделать ещё много всего. Валя покружила несколько лишних кругов вокруг своего дома, замечая это лето и то, как оно идёт её родному городу. Минут через двадцать она вернулась и, румяная, заглянула к дочери в комнату.

— Фарфор настоящий, костяной.

— Мам, мне деньги нужны. Все едут, все, понимаешь? Ты же откладывала алименты, дай мне с того счёта на поездку.

— Не дам. Не для морей эти деньги.

— С билетами помогу, остальное сама.

Ленка вскочила, бросила кружку в раковину и вылетела с кухни, крикнув

Лето — это маленькая жизнь

Алевтина Усенко

В июле, после экзаменов, когда институт отпускал своих сотрудников отдыхать, вся молодёжь отправлялась на поиски заработков. Паша уже почти согласился пойти на стройку, но тут друзья позвали на два месяца работать спасателем на Черное море.

Работа несложная, это тебе не на стройке горбатиться — знай поглядывай себе на море с девяти до восемнадцати на пляже и смотри, чтобы никто не утонул. Разряд по плаванию пригодился. Да, долгая разлука с семьей, но там, глядишь, и Настя с дочками приедет чуть позже. Паша скривился, когда вспомнил про Настю. Сейчас ему не хотелось впускать ее в свои мысли о море. Хоть куда-то можно ее не пускать? Может, на пользу пойдёт разлука.

Хоздвор там, где их поселили, состоял из десятка летних домиков, а посередине — трактор. Тот самый, который каждое утро и каждый вечер расчесывает пляж гигантской расческой. В каждом домике кровать и стол. Вместо радио — треск цикад на полную мощность, вместо телевизора — черный небосклон с яркими точками. Воздух теплый, сладкий и редко приносит прохладу.

В первый же вечер собралась огромная шумная компания. Приехали друзья друзей и привезли с собой еще друзей, детей, две собаки и Милу. Каждый день играли в футбол, волейбол, до одури купались, жарили на огне мидий и рапанов и пили местное дурманящее вино. Жизнь бурлила, словно все вернулись в безмятежность юности. Целыми днями полураздетые, соленые, обгоревшие. Из всех забот — как бы не проспать утром да какие развлечения придумать на вечер — найти гитару, дров, наловить побольше мидий.

От Насти приходили длинные скучные письма и иногда телеграммы: позвони срочно. И Паша несся звонить либо к местным домой, либо на телеграф.

— Ну, как там крошки? — наспех спрашивал Паша и вновь становился частью беззаботного веселья.

Иногда выезжали всей толпой в город. Там громко стучали карусели, заставляя пищать от восторга и ужаса; громыхала музыка в ресторанах, кружила в танце. Старая кожа сходила, слетала кусками, новая была такой нежной и чувствительной. И Паше так хотелось чувствовать тепло этой новой кожей.

Расходились поздно вечером.

— Пашка, проводи Милу, мы все едем на проспект, ей на работу рано, нельзя ночью отпускать.

Мила сопротивлялась, мол, я же местная, я тут все знаю, мне не страшно. А сама думала, что ростом невелик, защитник, тоже мне. Чуть сутулый, да еще и самый неразговорчивый из всех.

— Ну ладно, пойдём, проводник, они ведь не отстанут. Откуда у тебя такая грива? Я всегда думала, что научный сотрудник — это костюм, очки и короткая аккуратная прическа.

— Да мне кажется, это здесь уже так отросло. У тебя у самой вон какой одуванчик на голове. Скажи, как тут живет, когда все уезжают: осенью, зимой, весной?

— В конце лета ждешь, чтобы все уехали. А потом глхнешь от тишины, скучаешь. Зато зимой мы, наоборот, едем к вам, окультуриваться.

Обычно Мила громко смеялась, чувствовала себя комфортно в компании, но сейчас, наедине, растерялась, притихла. Так и дошли до дома почти молча.

В выходные местные приезжали с самого утра, заваливались на хоздвор, вместо будильника вытаскивали их из кроватей. И неслись все, как перекасти-поле, наперегонки с собаками и детьми купаться в море.

Мила тоже бежала со всеми, веселилась, но стоило встретиться с ним взглядом — отворачивалась, словно он ей был противен.

А он все не мог понять, чем заслужил такую немилость. Мила общалась со всеми и все же как будто ни с кем. Он чувствовал ее взгляд, но перехватить редко получалось, она отводила глаза.

Мила отважнее всех стояла на воротах, а потом, вдоволь наигравшись, с разбегу неслась в море безо всяких ужимок и постепенного привыкания к воде, прыгала одним махом — и вот она уже рассекает водную гладь. А потом на берегу смешно скачет на одной ноге, пытаясь вытряхнуть воду из уха.

Вечером собрались петь под гитару у костра, снова жарили мидии, смотрели на звезды. И тепло наполняло и разливалось, и так хорошо было слушать гитару, хохот, возню. И все было бы просто отлично, только вот Мила резко менялась, стоило лишь чуть дольше задержать на ней взгляд.

А сегодня вдруг вскочила и ушла куда-то бродить вдоль берега.

Было странно бежать догонять ее: может, и не он причина ее негодования. Но ведь темно — мало ли что.

Сзади доносились обрывки песни:

Лето — это маленькая жизнь порознь.

Тихо подрастает на щеках порось...

Вдали на берегу виднелось ее светлое платье. Милу было сложно назвать беспомощной, с ее напором и энергией. Но сейчас она сидела такая маленькая и потерянная.

Она вздрогнула от удивления.

— Слушай, не знаю, в чем я перед тобой виноват. Мне просто хочется понять, что не так.

Мила изучала море, оно было спокойно и лишь у берега набегало ленивой тяжелой волной. Чёрным шёлковым одеялом накрывало берег, а потом, словно передумав, оголяло его.

Мила перевела взгляд на него и долго молча смотрела.

Загар шёл ему, плечи расправились. Волосы стали ещё длиннее и непослушнее и ещё сильнее выгорели. Куда делся бледный сутулый коротышка?

— Ты женат, вот и все, в чем ты виноват. — Она невесело засмеялась.

Он подошёл и сел рядом. Мила была теплой и такой настоящей. Крепко прижав к себе, тихо сказал в ее волосы:

— Все, что я могу тебе дать, это месяц. Только здесь и сейчас. Это все, что у меня есть.

Месяц пронесся галопом. Без обещаний, без претензий, без лишних слов. Если бы они встретились намного раньше, свободные —

возможно, было бы все это. С тех пор они больше не виделись.

Он дал ей не только «здесь и сейчас». Он дал ей целую вселенную. Спустя двадцать шесть лет эта вселенная приехала к нему в Питер знакомиться. Но это была ее вселенная — не его. У него ведь жена и дочери.

МегВебь

Мария Фадеева

Белый «Рено» затормозил у деревянного дома. Стены выкрашены в кричаще-розовый цвет, на окнах резные наличники. Перед калиткой копошились куры всех мастей. На коньке крыши, подчиняясь невидимому ветру, крутился и поскрипывал флюгер.

— Приехали, — сказала мама бодрым тоном.

Лера буркнула в ответ, нехотя вылезая из прохладного салона в духоту, огляделась. Дом стоял особняком на окраине деревни у самой кромки леса. Справа, переливаясь всей палитрой зеленого, раскинулся луг. Слева тянулся сосняк, полностью отрезая дом от внешнего мира.

— Чудное будет лето, — проворчала Лера, отмахиваясь от назойливой мошкары. Вскинула к небу руку с телефоном в попытке поймать сигнал. — Тут даже интернет не ловит!

— Не ерничай. Улыбнись и будь хорошей внучкой.

Мама заперла машину и шагнула за калитку.

Когда она заявила, что никакого моря не будет, Лера сначала не поверила. Ведь она же выполнила условия сделки — окончила школу с золотой медалью. Лера возмутилась, попыталась устроить истерику, но ее уловки не подействовали. Прекрасно. Три месяца в лесной глуши с полоумной бабой Леной и ее сказками про духов. Заметив у двери в

кладовку блюдце с блинами, Лера обреченно вздохнула.

Мама не стала заходить в дом, торопилась на работу. Поцеловав Леру в лоб (*Сделай лицо попроще!*) и взяв обещание *быть умницей*, села в машину и уехала. Белый «Рено», подпрыгивая на кочках в облаке ржавой пыли, скрылся за стеной леса. Лера чувствовала себя как подброшенный на крыльцо котенок.

Вот пропасть.

— Голодная? Как раз к завтраку успели.

В кухне упоительно пахло жареными блинами и свежим сеном. Бабушка возилась у печки, ловко орудуя сковородкой и деревянной лопаткой. В дедушкиной матроске и красной бандане она напоминала пирата. Лере есть не хотелось (и так тошно), но отказываться было невежливо. Бабушка поставила на стол пузатый чайник и вазочку с малиновым вареньем, достала из серванта фарфоровые чашки.

— Бабуль, а третья зачем? — спросила Лера. И тут же одернула себя.

— Это для Коркамурта. Он всегда со мной чаевничает.

Ну вот, началось.

— Погоди, первый — хозяину дома. — Шлепнув Леру по руке, бабушка разложила по тарелкам лоснящиеся от масла блины, только что со сковородки. Один — себе, другой — Лере, а третий — на блюде перед пустым стулом.

Подавив стон, Лера отвернулась и снова подумала о море, недостижимом, как луна. Ветер пошуршал пучками трав, они свисали с потолка и стен. Гирлянды зверобоя, ромашки, дикой мяты и еще множество других растений, названий которых Лера не знала.

— Чевой-то ты такая кислая? — спросила бабушка.

Лера покачала головой. Больше всего на свете ей хотелось сейчас оказаться на пляже. Растянуться на горячем песке, слушать мягкое шуршание волн, вдыхать запах йода и вареной кукурузы. Да разве объяснишь это бабушке?

— Ну, не куксись, — бабушка похлопала Леру по руке, — есть тут у меня проверенное средство. Сразу повеселеешь, — и улыбнулась так, что морщинки на щеках разом разгладились.

— Не стану я это пить. — Лера поморщилась, отодвинула стакан с бледным, как разбавленный зеленый чай, отваром.

— Зря отказываешься, мне этот рецепт сам хозяин леса подсказал. — Бабушка тут же сделалась похожей на поникший одуванчик.

Лере стало стыдно. Вспомнился случай из детства, когда она забыла закрыть клетку, и все бабушкины кролики убежали в лес. Показалось, кто-то осуждающе вздохнул. Лера вздрогнула и огляделась — никого.

— Спасибо бабуль, мне уже лучше, — попыталась улыбнуться, но вышло как на фотографии в школьном альбоме.

— А станет еще лучше.

Бабушка протянула стакан. Чай пах цветущим лугом и баней, и Лера вспомнила каждое лето, проведенное в деревне. Она тут уже лет десять не была. На вкус как сено, но сладко, будто добавили мед.

Бабушка ожила, словно цветок после дождя, и подложила еще один блин в тарелку напротив пустого стула.

— Хорошо, что ты приехала. Пусть духи к тебе привыкают. Вот помру, и придется о них кому-то позаботиться, а то совсем зачахнут.

Лера покачала головой. Снова она за свое.

— Ну какие духи, бабуль. Не выдумывай.

В детстве, лет до семи, Лера проводила у бабушки каждое лето. Помогала собирать душистые травы, ухаживала за кроликами и курами и даже доила козу. По вечерам бабушка заваривала чай и рассказывала всякие истории (Лера их обожала). Про домовых, банников и луговиков, про войну хозяина леса и духа воды. Немыслимые существа рисовались в воображении яркими чернилами, так что становились почти реальными. Лере иногда даже казалось, что она их видит. Но потом все изменилось. На лето Леру стали отправлять не к бабушке в деревню, а в детский лагерь. Первый медляк на дискотеке, первая победа в конкурсе талантов, первые в жизни *лучшие друзья* — новые воспоминания вытеснили из головы бабушкины истории. Они поблекли в памяти, будто кто-то слишком сильно разбавил водой краски. И вскоре реальность накрыла Леру непрозрачной крышкой.

После завтрака бабушка вышла в огород, посеять какую-то алтайскую траву, избавляющую от всех болезней и обещающую долголетие. От помощи Леры она категорически отказалась, у нее *рука тяжелая*, что посадишь — не растет. Только семена пропадут, а они, между прочим, редкие. Если Лера хочет помочь, пусть лучше в доме приберет, домовой любит, когда чисто. Лера

спорить не стала, радуясь, что не нужно торчать под раскаленным солнцем.

В доме было прохладно. Ажурный тюль на окнах чуть трепыхался, не давая наглым мухам и осам пробраться внутрь. Лера растянулась на диване, думая, чем бы заняться. Интернет по-прежнему не ловил, даже ленту не поскроллишь. Книг бабушка почти не читала, только «Сборники лекарственных растений» и колонку с рецептами «Секреты домашних настоек» в газете для огородников. Пузатый телевизор, накрытый кружевной салфеткой, показывал только два канала — первый и второй. Компьютера у бабушки, конечно, не было. «Техника ваша излучает, и только ауру портит», — заявляла она всякий раз, когда родители Леры предлагали ей обустроиться со всеми удобствами. «Ваш “Умный дом” мне не нужен, я и сама еще соображаю».

Наконец, жара сморила Леру, и она задремала.

И тут произошло странное.

Лера задыхалась во сне. Она почувствовала, как чьи-то руки сомкнулись холодным кольцом на шее, и будто Леру тащили в болото. Запах тины и гниющих трав, густой и приторно-сладкий, забивался в нос. Легкие горели, а тело будто стало чужим, она не могла ни вздохнуть, ни пошевелиться. *Это просто сон. Просто сон. Просытайся, ну же!* Не было ничего, ни звуков, ни ощущений, только тяжелый запах болота и плотная тьма.

И вдруг все закончилось. Лера даже не сразу это поняла. Дернулась, упала с дивана и задышала глубоко, как будто только что вынырнула со дна океана. В доме было тихо, Лера слышала дикий галоп своего сердца — тыгыдыщ-тыдыщ. Голова кружилась, и мир перед глазами чуть приплясывал. Лера огляделась — никого. Выглянула в окно: на лужайке копошились несušки, на заборе повисла румяными кольцами связка баранок — для духа луга.

Так вот, значит, что такое сонный паралич, подумала Лера. На деле оказалось

еще ужаснее, чем она себе представляла. Отличный выдался денек, ничего не скажешь.

Потирая ушибленное запястье, Лера мысленно подсчитывала все неприятности этого утра, как вдруг в углу мелькнула чья-то фигура. Старичок, ростом не выше пятилетки, в рубашке мухоморной окраски и черной шляпе. Он зыркнул на Леру и улыбнулся так, что по спине у нее забегали холодные мурашки.

Закричать Лера не успела, старичок хлопнул в ладоши и исчез.

Лера рванула в огород.

— Ба, там такое... — запинаясь, затараторила она. Бабушка выслушала, но вопреки ожиданиям Леры, нисколько не удивилась. Не всплеснула руками, не заохала, а так и продолжала подвязывать помидоры.

— Это Коркамурт. Не любит он, когда хозяйева спят днем. Так и задушить может, — ответила она будничным тоном.

Как будто Леру вовсе не пытался убить какой-то странный дед. Ну как можно! Бабушка улыбнулась и похлопала Леру по руке.

— Давно ты у меня не гостила, вот духи тебя и позабыли, — *упрекает?* — Ничего, они еще привыкнут. Впереди — целое лето.

От бодрого тона бабушки Лере захотелось плакать.

— Забери меня домой, я же тут помру. — Лера скрестила пальцы, заклиная телефон.

— Ну какие духи, не выдумывай. Может, на солнце перегрелась? — забеспокоилась мама. — Не выходи на улицу без кепки. Ты там еще и дня не пробыла, скоро привыкнешь, —

уже чуть мягче. — Люблю тебя, передай бабушке привет.

Гудки в трубке. Тишина. Не получилось.

Лера сидела на крыльце (возвращаться в дом было страшно) и думала, как ей дожить до вечера. У ног стояло блюдо с блином — за завтраком Лера не доела, а выбрасывать жалко (и стыдно), пусть хоть кошки съедят или Гондыр, бабушка даже обрадуется. Надо убираться отсюда поскорее, пока какой-нибудь противный дух не столкнул ее с лестницы или еще чего. От деревни до города ходят автобусы, раза три за день, но может, она как раз успеет на дневной рейс. И пусть мама отчитывает Леру сколько угодно, хоть посадит под домашний арест на все лето. Но к бабе Лене Лера больше ни за что не вернется. На миг внутри зашевелилось чувство вины, и Лере вдруг снова послышался чей-то осуждающий вздох. Она вздрогнула, но тут же замотала головой, будто отгоняя назойливых мух.

До остановки минут сорок пешком, идти придется через лес. Проскочив через двор, Лера выскользнула за калитку и зашагала вглубь сосняка. Свет распадался на ленты, опутывая стволы, пахло хвойными иголками и травянистой свежестью. Бабушке она ничего не сказала, не хотела расстраивать, да и та не отпустила бы Леру одну. В огороде дел полно, до обеда бабушка точно будет на грядках, а когда обнаружит, что Лера сбежала, та будет уже дома, в своей комнате, поедать мороженое и болтать по скайпу с подругой.

Лера блуждала по лесу уже больше часа. Желто-зеленые сумерки стали гуще, будто сосны тут плотнее жались друг к другу.

— Да уж, выдался денек.

Лера безуспешно пыталась загрузить на телефоне карту местности, но интернета в лесу, естественно, не было. Толстые шершавые стволы, похожие на ноги великанов, окружили Леру со всех сторон. Впереди возвышалась

огромная ель, каких Лера никогда в жизни не видела. Она постояла под зеленым шатром, слушая, как щебечут птицы, было в этом что-то завораживающее. Вдруг послышался треск, из-за ели вышел старик. Лера аж подпрыгнула. Высокий, в белой рубашке и с бородой, а кожа такая темная, будто он каждый день жарился на солнце. У Леры все тело покрылось пупырьками, а в голове услужливо всплыли бабушкины истории о хозяине леса — *тот и прибить может*.

Похож на одного из местных. Может, лесоруб? Или просто гуляет. Лера постаралась успокоить себя и уверенно шагнула вперед.

— Извините, я заблудилась. Вы не знаете, как выйти к дороге?

Молчание. Старик смотрел на Леру не моргая, и от этого ей стало не по себе.

— Зря ты сюда пришла. Это ель — моя. Теперь лес тебя не отпустит. — Голос низкий и гулкий, будто доносится из-под самой земли.

У Леры волосы на шее встали дыбом. Тут старик развернулся и растворился в бытылочном сумраке, точно картинка-перевертыш — только что был тут, а уже нет.

Лера рванула вперед, не разбирая дороги. Кричать она не могла, даже дышать было тяжело. Тропинка давно пропала, будто запуталась сама в себе, и просто исчезла. Несколько раз Лера падала на колючую сосновую подстилку, но тут же вскакивала. Лес стал еще гуще, высоченные сосны и ели теснили друг друга, под ногами вздыбились корни. Споткнувшись о поваленное дерево, Лера упала, выругалась. Кажется, она набрела на бурелом. *Тропа лешего* — снова мелькнули в голове бабушкины присказки. Но прежде чем Лера успела сообразить, что это значит, сбоку что-то затрещало и протяжно заревело. Лера хотела пошевелиться, но не смогла. Тело ее не слушалось, будто одеревенело. Сквозь бурелом к ней продирался черный медведь.

— Аааа, помогите!

Лера попыталась подняться. Руки и ноги нелепо задержались, словно Леру подселили в чужое тело. Медведь остановился и проревел ей в ответ. А потом вдруг посмотрел на Леру так, что ей отчего-то стало стыдно, как если бы она расшумелась в библиотеке. Его глаза казались почти человеческими, разумными. Лера вдохнула, но забыла выдохнуть.

Медведь снова взревел, повернул обратно и мотнул головой, призывая Леру следовать за ним. Может, просто показалось? Но сейчас Лера могла поверить во что угодно. Она поднялась (тело наконец оттаяло, по рукам и ногам забегали колючки), стряхнула с коленей еловые иголки и пошла за медведем. Ветки хрустели под его мощными лапами, пахло смолой, можжевельником и еще чем-то знакомым, почти домашним. Лера вспомнила, как в детстве вместе с бабой Леной ходила в лес за земляникой. Лера жутко боялась заблудиться, но бабушка всегда говорила: *Если случится беда, духи почувствуют. Тогда Гондыр обернется медведем и придет за нами.*

Наконец, лес начал редеть, сосны расступились, давая место свету. Под ноги снова нырнула тропинка, впереди розовым пятном замаячил дом. Пахло дымом и скошенным сеном. Лера облегченно вздохнула. Бабушка, наверное, уже заволновалась, может, и маме успела позвонить. О том, как будет выпутываться, Лере думать пока не хотелось.

— Спасибо, — обратилась она к медведю. Черный мех блестел на солнце, и Лере захотелось запустить в него пальцы. Она протянула руку и погладила медведя по холке. Тот заурчал от удовольствия, развернулся и растаял в прореженном соснами свете.

— Ну слава богу, вернулась, — сказала бабушка, не отходя от печки. На чугунной сковородке шкворчали котлеты, пахло вареной картошкой и луком. Лера стояла в дверях кухни, изучая бабушкино лицо и пытаясь определить, злится она или нет, по голосу непонятно. Вроде улыбается.

— Бабуль, тут такое... — Лера начала свою исповедь, но бабушка махнула толкушкой и продолжила мять картошку.

— Знаю, не беспокойся. Маме я звонить не стала.

Лера почти застонала от облегчения.

— Сразу отправила помощника. — Бабушка многозначительно улыбнулась.

— Спасибо.

Японский ветерок у окна тихонько зазвенел, и Лере послышался чей-то смех, совсем рядом. Может, баба Лена и не сумасшедшая, а может, это Лера сбрендила от избытка свежего воздуха. Думать об этом не хотелось.

— Помоги-ка на стол накрыть.

Лера кивнула, достала из шкафа три тарелки. Помедлила и достала еще одну. Стащила из миски румяную котлету (бабушка не возражала), вышла на крыльцо, оставила тарелку у кладовки и вернулась в дом. За дверью кто-то зашебуршал.

Мингаль и можжевельник

Дарья Блинова

Тележка хромала на одно колесо. Пару месяцев назад его подбил не вписавшийся в поворот пятиклассник. С тех пор изогнутые спицы усложняют передвижение усыпальницы пломбира, фруктового льда и сорбета. Агата продает мороженое или, как говорит она сама, «вынуждена продавать из-за обстоятельств непреодолимой силы».

Кусок бордюра отвалился, сигнализирував о парковке тележки. Агата посмотрела на покосившееся колесо и брезгливо дернула ногой. Она ещё не успела снять с верхнего стекла крышку, как сбоку послышалось:

— Здравствуйте, можно рожок, пожалуйста?
Агата взглянула на туго затянутую косу девочки и мысленно прикинула, сколько невидимок понадобится для того, чтобы закрепить такие густые волосы в пучок. В упаковке десять штук — будет маловато. Но если сверху крабиком зацепить, то ничего, выдержит. Агата наклонилась, чтобы вытащить из морозильной камеры вафельный стаканчик с шоколадной шапочкой. Протянув его покупательнице, она поправила причёску. Помнится, после своих выступлений Агата могла вытаскивать заколки со следами крови, так сильно их заставляли вгонять в кожу головы.

В молодости она выступала на сцене. На разных сценах! Но её любимые были те, что возвышались над зрительным залом. На сценах с амфитеатром она чувствовала себя не так блистательно. Но это было всяко лучше её нынешнего положения уличной буфетчицы. Вспоминают тех, ради кого покупали билеты, а не ту, что продала бутерброды в антракте. Теперь Агата довольствуется ролью зрителя.

Все начинается со свиста желтопузого батута. Детский дворец спешно сдувается, оставляя после себя запах нагретой за день резины. Фонтан стряхивает с себя изможденных жарой граждан. По всей набережной зажигаются гирлянды. Но главное происходит на деревянной площадке возле центральной лестницы. К восьми вечера туда устремляются замшевые лоферы и кроссовки из дерматина, босоножки с перепонками и балетки с острыми носами. Мужчина с поседевшими кудрями протягивает провод вдоль кромки газона так, чтобы случайные прохожие за него не зацепились. Тщательно, словно заправляя простынь под матрас. Взгляд Агаты жадно следит за траекторией шнура. Уже скоро. Она пододвигает тележку, настраивает удобный угол наблюдения. Городские динамики затихают, уступая место стареньким колонкам. Шорох, шипение, и наконец-то по набережной раскатывается танго.

Зрителей пока нет, но она знает, что уже на первом круге люди будут останавливаться, чтобы понаблюдать. Кто-то с восхищением, кто-то с завистью. Она опустила взгляд на свои опухшие лодыжки и поджала губы. Мысленно Агата рисовала на ногах свои некогда любимые туфли. Пятка должна быть устойчивая. Носок закрытый, чтобы пальцы не вываливались. Каблук не ниже шести сантиметров. Всё остальное несерьезно. Любительщина. Она презирала стоптанные мокасины, хлюпающие шлёпанцы, сплюсненные подошвы кед.

Вдоль лестницы уже собралась стайка наблюдателей. На площадке невесомый фатин схлестнулся с драпированным сатином. Чьи-то подъюбки кокетливо взлетели, обнажив возрастные колени. В голове Агаты

фейерверком вспыхнуло: «Ну как» — раздалось первым зарядом. «ТАК» — оглушительный хлопок. «Можно!» — раскраснелось и рассыпалось по её щекам. Агата отвернулась от сцены. Требований к выбору платья у неё было ещё больше, чем к обуви.

— Добрый вечер. Нам два сливочных. Вот эти, с шоколадной крошкой. — Палец отпружинил от стекла тележки.

— Молодой человек, не тыкайте. Я и так знаю, какое подать. Агата действительно знала. Знала, какие вкусы разбирают быстрее всего, а какое мороженое всегда остается невыбранным. Вон оно, в углу. Можжевеловое, с привкусом пихты, словно шишку грызешь. Дымное, колющее. А растаявшее и вовсе пряная смола — капает на язык и горько жжется. На одном из гастрольных выездов труппа Агаты после выступления отправилась отдыхать на побережье. Купались до вечера, а потом через костёр прыгали. Там она надышалась дымом так, что горло потом драло сутки. Вот и после можжевелового корябает, как наждачкой. Оно так давно лежит в холодильной камере, что уже намертво примерзло к стенке. Казалось, что оно стало частью тележки. Частью тележки себя чувствовала и Агата. Впаянная в морозильную бонету, как стальной штифт в её голень. В такт скрипке заныло колено. Она снова посмотрела на танцплощадку.

Пары скользили по линиям, чертили круги и петляли зигзагами. Шаг с каблука в сильную долю. Назад через носок. В сторону через внутреннее ребро стопы. Хорошо-хорошо идёт! Агата приподнялась на цыпочки. Она специально брала воскресные смены вместо субботних, чтобы не пропустить ни одной городской милонги. Об этом она договорилась с напарником Мишей. Не так давно он променял строительную спецовку на нежно-голубой фартук и застиранную кепку. Руки его, привыкшие к тяжелым весам, поначалу не справлялись с габаритами мороженого. Пальцы нещадно сдавливали рожки и стаканчики, оставляя вмятины и трещины. Со временем Миша научился рассчитывать силу и не чертыхаться при детях. Агата наблюдала за его великановым размахом и отмечала, что смена работы даже пошла Мише на пользу. Не сказать, что он

приобрёл утонченность, но неповоротливости в этом громоздком человеке всё же поубавилось. Зачем ей именно воскресенье, Агата умалчивала. Свою заинтересованность она не выдавала ни перед кем: ни перед Мишей, ни перед танцующими. Даже смотрела на них всегда исподтишка. Агата бы и подошла ближе, но работа же. Но бывало, они сами, разгоряченные после танцев, спускались к ней. Обыденно ругались в поисках мелочи, смазывали помаду подтаявшим пломбиром и обмахивали упаковкой от мороженого вспотевшие лица. Толстые и тощие, с морщинами и варикозом, облысевшие и с непрокрашенными корнями, подумать только, наслаждались! Не стеснялись смазанных фигур (своих и танцевальных), переступая через неудачные эпизоды, как через упавшее из рук эскимо. Большинство из них оставляло грацию вместе с окончанием музыки. До следующего воскресенья. Было, правда, и исключение.

Девушка с браслетом из ракушек на щиколотке. Подъем стопы образцовый. Сухая икра с линией упругой мышцы. Шаг у неё точеный, а вместе с тем легкий. Ещё секунду назад резкая в движениях нога с браслетом словно теряет в весе и идёт мягко, бархатисто. После завершения милонги люди словно растянутые струны на гитаре — расхлябанно болтаются из стороны в сторону. Она же не опускает плеч, не горбится, не заваливается.

Агата едва заметно переступает на месте. Раз, два, три, четыре. Опорная нога прямо, а свободной завести за колено, перекрест. «Обстоятельства непреодолимой силы» резкой болью отдались в левой голени. Агата зашипела. Глаза защипало. Она запрокинула голову, делая вид, что поправляет спицы навеса.

— А это какое? Сиротка на окраине. — Девушка с браслетом из ракушек сочувственно смотрела туда, где обычно не задерживался ни один взгляд.

Мороженщица опустила руки и вязко произнесла:

— Да выкинуть пора его.

— Это ягодное?

Агата покосилась на изгоя.

— Считается, что да.

— Люблю ягоды! Клубника? Земляника?
Погодите... брусника?

— Можжевельник.

— Ой! Были у меня духи такие.

— Выкинули? — осторожно
поинтересовалась Агата.

— Да разве ж можно! Ну, давайте, я это
буду.

Агата посмотрела на вмерзшее в стенку
можжевеловое мороженое. Быстро перевела
взгляд на тонкую щиколотку с браслетом.
Неохотно взяла лопатку, чтобы отбить
пленника от стенки холодильника. Она
ритмично дробила ледяные объятия.

— Спасибо, — прозвенела девушка. — Вам,
наверное, тяжело так стоять весь день.
Приходите к нам в следующий раз, ноги
разомнёте! — Она улыбнулась и, хрустнув
упаковкой, убежала в сторону такси.

Музыка стихла. Агата аккуратно
потрогала затылок. Не отнимая руки, она
обернулась по сторонам и, удостоверившись,
что никто не видит, надавила на зажим для
волос. Заколка в форме тубельки выпустила
пряди на свободу. Ноги и правда требуют
разминки. Агата посмотрела на выемку, в
которой мгновение назад лежало
можжевеловое мороженое, и подумала про
пыльную обувную коробку в глубине шкафа.

***

Дома она всегда ходила босиком. Так, ей
казалось, сцепление с поверхностью лучше.
Носки скользили, а бьющие по пятке тапки она
считала унижительными. Даже смотреть в их
сторону не могла. В зеркало ниже пояса она
тоже старалась не смотреть, но тут надо — не
видно, где крайняя петелька на ремешке. Туго.
Кожаный кончик выскальзывает из пальцев.
Ну и пусть! Новые куплю. Раскрасневшаяся
Агата подошла к стене и, оперевшись на неё,
представила свой воскресный дебют.

Встать той стороной, где по ноге идёт
разрез. Принять танец глазами. Протянуть
руку навстречу или подождать, пока подойдет
поближе? Подождать. Вот она с точностью
циркуля очерчивает вокруг себя дугу. Хлесткое
па, и стопа останавливается в миллиметре от
стопы партнера. Поворот. Ещё поворот.

Засыпая, Агата всё ещё считала
восьмерки. В углу валялись порванные туфли.

***

Стеклянные полки подсвечивались
яркими люминесцентными лампами.
Казалось, ещё чуть-чуть, и они прожгут весь
ряд обуви. Вытянутое лицо Агаты отражалось в
лаковом мыске туфли. Лаковые не подойдут. У
этих нос обрублен. Остальное совсем
вульгарщина. Агата выскользнула из одного
бутика и нырнула в другой.

— Вам помочь? — равнодушно спросила
женщина в фирменной футболке.

— Нет, спасибо.

Агата обогнула ряд в надежде скрыться от
консультанта.

— У нас скидки на летнюю коллекцию.
Маленькие размеры расхватили уже, но,
может, и вам что-то подберем.

Агата застыла возле лыжных ботинок с облезлым мехом.

— Работу себе подбери другую!

«Клоповник! Ни копейки не оставлю», — ревело у неё в голове. Агата, не глядя по сторонам, неслась прочь, но замедлила шаг возле угловой витрины. Вот они. Миндального цвета, с золотым замочком. Пятка защищена, носок закрыт. До выхода оставалась пара метров. Цвет такой удлинняет ногу. И пачкается! Но как же красиво вытягивает лодыжку. Главное, чтобы не замша. Агата смерчем ворвалась в магазин.

— Натуральная кожа?

— Такого мы не пишем, — пожала плечами обладательница бейджика с названием магазина.

— Буквы, что ли, платные? Написали бы!

Словно одержимая, Агата вцепилась в молочный каблук. Цифры на бирке совпадали с её размером. Она выдохнула и без примерки понесла на кассу. Быстрее, чем кто-либо из продавцов успел бы возразить.

Она вытащила туфли из фасовочного чехла, но не надела — поставила в угол комнаты взамен порванных. Агата отошла на пару шагов, посмотрела на обновку снова. Сходила на кухню за стулом, чтобы водрузить обувь на постамент. Она ещё раз потёрла материал между пальцев. С качеством не обманули. Сядут без проблем. «Сегодня всё равно уже поздно мерить», — подумала она и отправилась спать.

***

Миша здорово удивился просьбе поменяться выходными.

— Ты ради чего торгуешься? — Агата нервно поправляла ажурный чепчик.

— Так мы же торгаши с тобой, че б и не поторговаться.

Лоб Агаты пересекла морщина-траншея.

— Да ладно, не кривись. Махнёмся.

Где-то в пыльной обувной коробке запертой молью трепыхалась мысль, что он не уступит. Тогда можно было бы вздохнуть, спрятать купленные туфли и вместо танцев идти на работу. «Рано спросила, конечно. В пятницу Миша выпивает, шансов на отказ было бы больше», — ворочалось в голове Агаты.

В дни до воскресенья она пристальнее обычного наблюдала за танцплощадкой. В понедельник возле неё начали ремонтировать бордюр. Агата гадала: «Опечатают ли территорию?» Не потанцуешь тогда. Но к среде рабочие переместились в другую сторону. В пятницу прошел дождь, разбросав по площадке миндальные лепестки. Внутри себя Агата возмущалась лужам и набухшему деревянному настилу. Но летнее солнце быстро высушило окрестности, не оставив ей шанса на пропуск воскресного танго.

В назначенный день Агата появилась на набережной раньше всех. Но, как обычно, она не спешила подходить близко. Первым пришел мужчина с поседевшими кудрями. Круглый фонарь зажегся, спугнув чайку. Распорядитель танцев вытащил удлинитель провода метров в семь и отправился нащупывать городской кабель. Для надежности он цеплял их скотчем к свежему бордюру. Танцевальное сообщество выделяло на изоленту отдельную статью расходов, поэтому обмотки мужчина не жалел. Вскоре по периметру площадки зашуршали юбки из вискозы и льняные брюки. Некоторые приходили парочками, кто-то уверенно шагал в одиночестве. За дружественными объятиями и въедливыми взглядами, за сухими кивками и пожатием рук Агата всё ещё наблюдала со стороны. Тележка с мороженым осталась вдалеке, но вес её будто влили ей прямо в

туфли. Пятку сдавливало домкратом и бешено жгло по бокам стопы.

— Вы пришли! — Рядом с Агатой остановилась девушка с браслетом из ракушек. — Знаете, я такие же туфли мерила, но мне размер не подошёл. Маленький. Вместе они спустились по центральной лестнице. С каждой ступенькой Агата сжимала челюсть всё сильнее.

Как там было? Повернуться боком, где разрез. Ну что за окорок, надо было другое платье надевать! Развернулась другой стороной. «Идет? Не ко мне. Взгляд держать, приосаниться. Ещё можно уйти незаметно. Можно же? Руку тянет. Хорошо, что не ко мне. Последний шанс выпустить живот и втянуть заново. Ой».

Агата шагнула навстречу партнеру. Рука его держалась строго, как полагается, не ниже её лопатки. Приличный попался. Шагать в такт не без боли, но получалось. Музыка ускорялась, и Агата уже перестала замечать даже зуд разодранной кожи. Шаг. Шаг. Разворот. Крест. «Почему же раньше не сподобилась!» — почти вслух вскрикнула она. Штифт в ноге напомнил почему.

Траспи — так называют последовательность шагов с частой сменой позиций. Движение для зрителя может показаться хаотичным перебором ног, при котором можно запнуться. Особенно на каблуках. Особенно на дощатой площадке.

Падать было не страшно. Страшнее — подняться после. Увидеть искривленные губы и нахмуренные брови. Отряхивать платье под перешептывание и смешки. Содранные колени теперь будут напоминать о случившемся позоре ещё пару недель. Лицо Агаты обдало жаром. Хромая на одну ногу, она покинула место происшествия.

Как только танцплощадка осталась за поворотом, каблук Агаты зацепился за что-то упругое. Не плитка, не трава... провод! Она впёрлась взглядом в сплетение шнуров, перевязанных синей изолентой. Секунда — и

Агата навалилась на розетку, дернув шнур на себя. Партия контрабаса оборвалась на полуноте. В висках застучало. Женщина попятилась в тень. Танцплощадка загудела разочарованием. Агата засемила прочь.

Сначала на горизонте появился зонтик, возвышающийся над тележкой, а затем уже Миша. Отойдя от рабочего места на пару шагов, он густо курил. При виде напарницы с ссадинами на руках и ногах он поперхнулся дымом.

— Да тебя словно мясорубка поцеловала, — цокнул Миша вместе с дымом.

— Достань льда.

Она пересиливала желание засунуть ноги в саму тележку. Миша сгреб ледышки, оставив в морозильнике маленькую лунку возле стенки.

— Ты откуда такая облупленная?

Агата сторбилась и стала тереть колючие куски льда о кожу до тех пор, пока те не начинали таять. На шпильках её качало из стороны в стороны.

— Ну, чё ты так, как мочалкой! Положь!

Миша бросил окурочек и не спрашивая, подхватил Агату за талию. Пахло от него горькой смолой и хвойной настойкой. Дымной пихтой.

— Давай, скидавай! — Миша кивнул на её туфли.

С усилием Агата стащила с себя каблуки и встала на теплый асфальт босыми ногами.

— Танцевала я, — почти шёпотом произнесла Агата. — Дотанцевалась.

— Я, когда на стройке работал, мы там тоже музыку включали. Не эту ваше ча-ча-ча, но тоже веселую.

Напарник поднял руку с талии на лопатку, выпрямил спину и начал неуклюже переступать на месте. Впервые за неделю Агата рассмеялась. Она опустила плечи, расслабила живот и тоже закачалась мимо такта отдаленной музыки.

Мулу-баббар

Светлана Ачкасова

«Отец Макарий, это я! Отец Макарий, это я!» — Студент первого курса семинарии Паша Горбунов на правах племянника барабанил в дверь инспектора МДАиС¹. Дверь открылась, на пороге появилась статная фигура обладателя слегка поседевшей длинной бороды. «Отец Макарий — это я!» — заявила фигура зычным басом, ткнув себя в грудь. Молодой человек не обратил внимания на шутку и быстро передал из уст в уши конфиденциальную информацию. Нужно было известить иконописцев, что к ним в мастерские хочет нагрязнуть Владыка Ректор. Забота в этом случае была больше о Ректоре, чем о студентах — нельзя было шокировать его лицемерием рабочего беспорядка. Инспектор со вздохом позволил Паше: «Ну, предупреди...», и тот полетел.

Поступив учиться, первые пару месяцев Паша постоянно пребывал в приподнятом настроении. Ему действительно казалось, что ноги почти не касаются земли. На первом курсе он был не единственный «летун», поэтому старшие студенты посмеивались: «Если видишь брата твоего, возносящегося на небо — дерни его за ногу». Правда, это не всегда помогало.

Паша приехал из такого далека, о котором однокурсники имели весьма смутное представление. В своем родном поселке Коммунар республики Хакасия не было у нашего героя возможности любоваться на благолепие архитектурных форм, общаться с профессорами. Там вообще почти не с кем было общаться, поэтому с таким удовольствием погрузился Паша в кипучую действительность Московских Духовных школ. Благодаря прирожденной коммуникабельности, уже в октябре он был вхож в секретариат и канцелярию, помогал

поварам и кастелянше, был желанным гостем у регентш, художниц и в пошивочной. Ему нравилось узнавать новое, и не только по программе учебного курса. Быть носителем свежей информации казалось Паше доказательством собственной полезности и активной деятельности. Поэтому за сентябрь-октябрь отец Макарий успел подустать от многочисленных сведений, которые доставлял ему племянник. Но инспектор хорошо знал, что к первому снегу новобранцы обычно сдуваются. Так и произошло. После Покрова уже не вставали первокурсники каждый день на братский молебен с таким шумом, будто весь мир должен знать об их подвигах. Некто таинственный распылил в воздухе аэрозоль «Предчувствие первой сессии», и теперь каждый разрабатывал свою методику, как вместить в голову необъятное за максимально короткий срок.

В начале 90-х семинаристы не только учились, но и жили в стенах Лавры. Вечером, после закрытия ворот, по дорожкам между храмов прогуливались лишь монахи да студенты. Кто парами, тихо беседуя. Кто поодиночке, наблюдая себя. Паше нравилось бродить в теплых бликах подсвеченной колокольни, к ноябрю его утомило избыточное общение. Стало навещать неведомое раньше подавленное настроение. Отец Макарий говорил: «Если унываешь — помолись и съешь что-нибудь вкусенькое». Как раз к дяде и приходил Паша за вкусеньким и за атмосферой далекого дома. Двадцать лет назад, примерно в то время, когда у сестры родился сын, о. Макарий стал постриженником Академии и жил в ее стенах, однако остался простым в общении носителем домашнего духа. Инспектор и монах со стажем, у которого всегда под рукой острое словечко или уместная шутка. Конечно, никому в голову не приходило, что у него иногда от тоски давит за

грудиной. В чертах лица Паши, в его мимике отец Макарий видел попеременно то маму, то сестру, становилось тепло и спокойно. Племянник любил развлекать инспектора историями из студенческой жизни.

Например, заметил семинарист девушку из иконописной школы и начал знакомство с анонсирования своих намерений: «Матушка, я хочу с вами познакомиться, чтобы после пожениться!» Услышал встречное предложение: «Лучше давайте сначала поженемся, а потом познакомимся!» Заподозрил сарказм и обиделся.

Другой направлялся в баню с синим тазиком и увидел неподалеку предмет своих мечтаний. Боясь упустить единственный, как ему казалось, шанс, с тем и подошел:

— Мне духовник благословил с вами подружиться!

— А мне нет! — испуганно шарахнулась девушка.

С той поры появился студенческий хит — переделали песню про черного ворона:

Сини-ий тазик, что ты-ы вьешься

Над мое-ею головой?

Ты добычи не дожدهшься,

Синий тазик, я не твой...

Отец Макарий не только хохотал, но и выводы делал. Пригласил в МДАиС психолога, который вел курс молодого бойца, учить знакомиться без тазиков, не называть девушек матушками и еще много чему. Решили возобновить Сретенские балы, чтобы ребята с девчонками могли красиво и непринужденно общаться.

Ближе к Рождеству, когда всю уже учили колядки, два Пашиных товарища постарше курсом задержались в Москве и вернулись после отбоя. На территорию Лавры они попали по студенческим билетам, там никому до них не было дела, а вот через проходную Академии идти побоялись. Перелезли через забор и потом — в окно общежития. Вечером за чаем Паша ничтоже сумняшеся поведал об этом происшествии дяде. Отец Макарий дружелюбно посмеялся и, казалось, забыл. Через недельку к нему обратилась пожилая женщина, сотрудница библиотеки. Она умоляла дать пару студентов — помочь с ремонтом в квартире. Инспектор открыл свои тайные списки, и его взгляд заскользил по фамилиям нарушителей общественного порядка. «Вот этот! Ха-ха! И вот этот! Ха-ха-ха!» — Отец Макарий как ребенок радовался своему выбору. Паша оказался случайным свидетелем происходящего, как раз занес бумаги в кабинет. На этот раз ему не передалась радость дяди — выбор пал на участников недавнего происшествия, его приятелей, и выбор этот был не случаен.

В последующие дни наш студент пропал из поля зрения. Он безрадостно бродил по тропкам уже заснеженной Лавры, стараясь избегать общения с инспектором. «Наверное, обиделся», — предположил отец Макарий и в учебное время через дежурного помощника вызвал Пашу к себе в кабинет.

— Ты куда, братец, запропал? И что это за метаморфоза? — изумили дядю бледность и унылый вид племянника.

Тот сделал вид, что внимательно изучает висящую на стене фотографию выпускников 63-го года.

— Что? Твои родные и знакомые? А вот, кстати, Алексей Ильич Осипов. — Отец Макарий указал на изображение совсем молодого человека, в котором с трудом узнавался нынешний известный профессор.

Еще минуту разглядывали пожелтевшие медальоны и лица в них. Знакомых больше не нашлось. Паша попробовал увести тему:

— Да все в порядке, учить много надо, не успеваю.

— Ты, наверное, обижаешься, что я ребят отправил на исправительные работы? Ну извини, больше не буду пользоваться в служебных целях полученной от тебя информацией. — Инспектор дружески потрепал по плечу молодого человека, а тот невнятно пробурчал:

— Неприятно было, конечно, но я сам виноват, много болтаю. Вы же должны за дисциплиной следить.

У отца Макария других предположений о причинах плохого Пашкиного настроения не было. Но потихоньку, раскручивая, как рулет, он все же смог парня разговорить.

— Да меня свидетелем на венчание позвали... После Святков...

— Так хорошо!

— А Ксюшу из иконописной — свидетельницей...

— Ну!

— А она мне нравится...

— И прекрасно, что ж плохого-то?

— Так свидетелям потом нельзя между собой пожениться...

— Ты откуда это взял?

— В книжке прочитал.

— Ну и выбрось эту книжку!

— Так она в библиотеке.

Когда отец Макарий все понял, он еле удержался от смеха.

— Дорогой мой, послушай своего дядю, доктора богословия. Поручители на венчании вполне могут потом вступить в брак. Если бы вы одного ребенка крестили, тогда было бы сложнее. Понял меня?

Еще с недоверием, но уже заметно повеселев, молодой человек утвердительно закивал. Отец Макарий недоумевал, почему нельзя было сразу у него все разузнать. В ответ услышал довод, что не должно раньше времени обнаруживать чувства, в которых ты не уверен на сто процентов. Ну как тут поспоришь?

Наступили Святки. Студенты с утра до ночи колядовали, заходили в какие-то дома, где радостные люди кормили, поили чаем или просто давали гостинцы. Дано было высочайшее дозволение Владыки Ректора возвращаться после отбоя, и в ночи, обычно в мастерских у иконописцев, шел подсчет улова. Бесчисленное множество сладких подарков, мандарины, шоколадки, попадались даже колбаса и деньги. Делили или складывали в общую кубышку. И очень хорошо, что Ректор не видел того беспорядка, что творился у художников теперь. Паша пребывал в состоянии счастливого недосыпа, все казалось ему волшебным — заснеженный город и фонари с нимбами, пение колядок плечом к плечу с Ксюшей, позвякивание колокольчиков на сделанной из старой ключки Рождественской звезде.

На другой день после Крещения толпа Христославов снова возвращалась в половине двенадцатого ночи. Слишком много было желающих их принять, ко многим еще не успели. Отец Макарий, как блюститель порядка, поджидал у академической проходной. Пытаясь спрятать улыбку в бороде, он напомнил как можно строже: «Святки уже закончились!» От группы отделился Паша, у него хвалило дерзновения выдвинуть контраргумент: «А мы-то остались!»

— Давайте тихо, а то мне из-за вас попадет. — Инспектор уже не скрывал улыбку. Вместе шли по блестящему снежку. Ксюша указала варежкой в небо, на особо крупное светило: «Рождественская!» Многие знали, что это Юпитер, но сейчас это было неважно. Отец Макарий мысленно объединил выпуски Академии за все годы, представил себе, сколько разных ребят из невиданных и неслыханных далей объединяет это место, и

порадовался, что студенты во все времена одинаковы — они по-прежнему видят в планете Рождественскую звезду, считают ее путеводной и рисуют свою судьбу, сообразуясь с ее загадочной траекторией.

1. МДАиС — Московская Духовная Академия и Семинария — или Московские духовные школы — название современной МДА в период с 1946 г. по 2003 г., до государственной аккредитации[↑]

На сковороде

Зоя Маслоva

1

— Давайте-ка я лучше расскажу вам одну историю из моей жизни.

Мне было семнадцать лет. Совсем недавно от тяжелой болезни скончалась моя мать, мы с бабушкой похоронили ее пару недель назад. Бабушка моя — женщина бойкая, выглядит гораздо моложе своего возраста, по образованию врач-стоматолог, служила в армии, где солдатикам вырывала зубы без наркоза и через некоторое время — без сострадания. И сейчас она старалась держаться бодро и часто говорила о том, что жизнь продолжается.

Мы с ней часто ходили на ближайший рынок за овощами, мясом и рыбой. Если честно, рынок этот мне никогда не нравился, в первую очередь из-за запаха. Поскольку площадь была крытая, все возможные ароматы, не всегда первой свежести, смешивались воедино, и настолько сильно они впечатывались в мои рецепторы, что я продолжала их чувствовать даже далеко за пределами рынка. А бабушка, будто не замечая этого зловония, напротив, обожала это место, причем в первую очередь за морепродукты.

Рыбу я тоже никогда не любила, но была обязана ее употреблять, поскольку она «полезна для растущего организма и содержит все самые нужные микроэлементы на свете». Продавец, который уже узнавал бабушку, сообщил нам о том, что сегодня им завезли свежих угрей. Свежих, в смысле живых. И кто из нас не знает о полезных свойствах мяса угря, в том числе целительных. Стоит, конечно,

дороговато, но можно иногда побаловать себя деликатесом, ведь жизнь так коротка. Бабушка и купила несколько штук. Свежих. Живых.

Вы видели когда-нибудь угря? Не тонкую коричневую кожицу, обмотанную вокруг рола, а живого, да еще и извивающегося. Они были похожи на настоящих змей, только не высовывали язык, не шипели и голова все же рыба.

Продавец отточенными движениями достал из воды несколько штук и положил в черный пакет с ручками, который сразу же стал неистово изворачиваться во все стороны. По приходе домой, пока угри не растеряли своей свежести, бабушка принялась за готовку.

Сначала из пакета она их вытрясла в раковину. Словно в полудреме, они начали лениво расплзаться, но после того, как бабушка включила кран с водой, угри стали гораздо активнее. Один из них даже почти успел вылезти, но бабушка вовремя заметила наполовину свисающий хвост и закинула его обратно. Угри были очень склизкие, изворотливые, они сплелись в один клубок, и на миг мне показалось, будто это одно тело и несколько голов и хвостов — такой обреченный на смерть Змей Горыныч.

Бабушка все-таки умудрилась их переместить в тазик, затем достала старинную чугунную сковороду, доставшуюся ей по наследству от деда, щедро смазала ее сливочным маслом, и когда оно начало шкворчать, быстро перевернула тазик над раскаленной поверхностью.

Я не знала, что угри умеют летать или так высоко прыгать, но мне показалось, что эти ребята долетели аж до потолка. Полет их длился, наверное, секунду или даже меньше. Затем они шмякнулись обратно на сковороду, брызнув при этом раскаленным маслом во все стороны. Как только они приземлились, бабушка стремительно прикрыла их крышкой и держала ее ровно столько, сколько потребовалась, чтобы та перестала колыхаться.

Потомив угрей еще какое-то время, бабушка их достала, разрешила и разложила по банкам, на ужин была открыта одна из них.

Я не сомневаюсь, что они были ровно настолько вкусными, насколько их хвалила бабушка и ее подруги за ужином, но у меня перед глазами стоял их полет над горячей бездной и крышка, которая не дала им взлететь вновь.

Представляете, я до сих пор не то что угрей, я даже те роллы, обмотанные коричневой кожей, есть не могу.

2

В комнате мигала лампа. За столом друга напротив друга сидели мужчина и женщина.

— Вы мне сейчас напоминаете вот такого угря, который подлетел над сковородкой в последней надежде, но очень скоро полет закончится, и крышка вас накроет. Понимаете? А я хочу вам помочь, я хочу отпустить вас в море или на крайний случай в аквариум на рынок, где вас хотя бы быстренько прибьют перед продажей, а не отправят сначала задыхаться в пакете, а затем жариться на чугуне. Так что скажете?

Мужчина молча слушал этот рассказ, но поскольку как писатель обладал богатым воображением, очень живо себе все представил, а в конце сглотнул слюну то ли от

неприятия услышанного, то ли от голода. Ведь он сам любил жаренных на сливочном масле угрей.

— Я не знаю, что еще вам сказать, я не убивал. Я в жизни мухи не тронул.

— Да, но на ноже, который вы так быстро выбросили из окна, были ваши отпечатки, под ногтями жертвы обнаружили ваш материал, судя по этой царапине на вашем лице, можно догадаться, откуда он.

— Я любил свою жену, я бы никогда...

— Ваши соседи подтвердили ежедневные скандалы, крики, на вашу жену было оформлено все имущество. — Придвинувшись чуть ближе к мужчине и слегка понизив голос, следователь добавила: — Я знаю, что она вас била, а вы терпели. Терпели много лет. Наверное, это было непросто, у каждого есть свой предел.

Голос следателя был добрым и очень сочувствующим, мужчине он напомнил голос матери, которая была уверена в его невиновности.

— Сергей, я хочу помочь. Хочу разобраться, помогите же и вы мне.

На глазах Сергея проступили слезы, он хотел было что-то сказать, но вместо слов стал тихонько подвывать, закрыв лицо руками и завалившись верхней частью туловища на стол. В конце концов, он начал рыдать, его тело колыхалось то вверх, то вниз, а рыдания превратились в слабый писк.

— Давайте просто подпишем.

Практически не глядя, Сергей стал выводить красивую подпись на белом листе бумаги. Он специально много лет тренировался, чтобы раздавать автографы.

Александра забрала листок и сложила его пополам.

— Знаете, я уже во взрослом возрасте узнала, что перед тем, как отправить на сковороду, угрям сначала все-таки отрубают головы. Только представляете, даже и без голов они продолжают вертеться на сковороде, будто живые. Наверное, поговорка должна

быть все-таки про угрей, а не ужей, как думаете?

Мужчина поднял голову, на его лице образовалась масса из слез, соплей и слюней, зрачки расширились.

— Я не убивал!

Настольное преступление

Полина Щербак

Глава 1. Усамый незнакомец

— Она разве должна так мигать? — спросила Розовая Ручка и покачала пучком из сиреневых и серебристых перьев. — Может, Сосиска ей провод перегрызла?

Такса по имени Сосиска, шустрая и вездесущая, действительно грызла всё, что оказывалось на полу, отчего в квартире у Солнцевых всегда был идеальный порядок.

— Высота Сосиски — двадцать пять сантиметров, она до провода не достаёт, — ответила, не глядя на неё, Линейка. — А вот ты мне мешаешь работать, сделай-ка пару отрезков в сторону. — И, подвинув Ручку, продолжила замерять фигуры на изрисованном папой тетрадном листе.

— Кто эту молодёжь поймёт, — несколько раз пожал плечами старый потрёпанный томик историй про Малыша и Карлсона. При каждом движении скотч, которым был несколько раз подклеен его корешок, тихо шуршал. — Вот помню, когда у мамы Лизы впервые появился компьютер...

— Да уже сто раз слышали, — оборвал его Красный Фломастер. — Что с колонкой-то? Она, похоже, того.

В подтверждение его слов умная колонка снова вспыхнула и тут же погасла.

— Вывод один — не такая уж она и умная, — усмехнулся Учебник по литературному чтению за второй класс, который до появления на Лизином столе колонки считался здесь самым умным.

— Завидуй молча, — кинул Красный Фломастер.

— Это я, учебник, рекомендованный Министерством образования и Науки Российской Федерации! Завидую какой-то колонке? — прогремел Учебник.

— Давайте лучше успокоимся, — протянул Зелёный Фломастер, но Учебник уже двинулся в сторону обидчика.

Розовая Ручка взвизгнула и затрясла перьями, томик «Малыша и Карлсона» отступил назад. В этот момент колонка снова вспыхнула и произнесла:

— Ошиб... ошибка... неизвестная... ошиб...

На рабочем столе воцарилась тишина. Даже Линейка отвлеклась от своей работы.

— Зигзаги-конусы! — нахмурилась она. — Это ещё что значит?

— Всё очень просто, топ ами, — раздалось вдруг из-за настольной лампы. — Мы с вами имеем дело со злым умыслом, и преступник не избежит наказания.

Все повернулись на голос и уставились на незнакомца. Небольшого размера синий том подкрутил свои тонкие чёрные усики и с улыбкой посмотрел на жителей рабочего стола поверх очков с маленькими круглыми стёклами.

— А вы, простите, кто будете? — нарушил молчание Учебник по литературному чтению.

— Моё имя — детектив Маркюль Вуаро, гроза преступного мира, главный...

— Да, поняли-поняли уже, — перебил Красный Фломастер. — Мама Лизы вчера купила его в книжном и оставила на столе.

— Вы что-то говорили про преступника, — робко произнёс старый томик.

Детектив несколькими быстрыми шагами пересёк стол и указал на кнопку включения колонки.

— Видите это?

Жители стола переглянулись.

— Под кнопкой застрял инородный предмет. Я полагаю, — детектив многозначительно накрутил на палец свою закладку-ленточку, — что кто-то умышленно засунул его туда, чтобы вывести колонку из строя.

— Ну и что с того, — подал голос старый томик. — Что нам до куска пластика?

— Порча имущества — тоже преступление, — возмутился Маркюль Вуаро. — И преступник не избежит правосудия!

— Итак, что мы имеем? — начал детектив.
— Орудие преступления — тонкий светлый предмет, похожий на...

Тут Маркюль Вуаро задумался.

— На бумагу, — сказал Красный Фломастер.

— Совершенно точно, на бумагу! — обрадовался детектив. — Просто в моей истории был пистолет, я не сталкивался с другими орудиями преступлений. Так вот. Бумага. А это значит...

Он снова замолчал.

— Что преступником может быть кто угодно, — закончил за него Учебник по литературному чтению. — Потому что Лиза с завидным постоянством оставляет на столе обрезки бумаги и черновики. Вот, полюбуйтесь.

Он указал на разноцветную горку рядом с принтером.

— Что ж... Тогда будем искать, у кого имелся мотив! — вспомнил Маркюль.

— Кто? — скривился Красный Фломастер.

— Не кто, а что, — закатил глаза Учебник по литературе. — Это значит, кому колонка могла помешать.

Розовая Ручка, поблёскивая стразами на тонких боках, сделала шаг вперёд.

— Никто не желал ей зла, — захлопала она своими длинными ресницами. — Мы здесь живём очень дружно.

— Снимите розовые очки, — усмехнулся Учебник. — Колонку все терпеть не могут!

Глава 2. В которой у всех есть мотив

— Какие очки? — почесал колпачок Красный Фломастер, а Учебник продолжил:

— Вот ты, Ручка. Завидуешь, что колонка умеет менять цвета, а ты пишешь только розовым.

Ручка покраснела и опустила голову.

— Или фломастеры. Лиза за последнюю неделю ни разу не села рисовать.

— Ты на что намекаешь? — вскинулся Красный Фломастер, а Зелёный тут же возразил:

— Не надо ссориться, не нужно настраиваться на негатив...

— А что, фломастеры, — вспомнил Красный. — Почему все забыли про Линейку? Колонка ей работать мешала.

Жители стола как один уставились на Линейку, которая, не обращая внимания на споры, продолжала делать замеры, лишь изредка останавливаясь и подсчитывая что-то в уме.

— Мадемуазель Линейка, — обратился к ней детектив. — У нас есть основания полагать, что вы — преступница!

Линейка подняла на него взгляд и вздохнула:

— А мне, знаете ли, параллельно. У меня на всякие там колонки нет ни сантиметра времени. Мы с Простым Карандашом уже неделю работаем от зари до зари, от периметра до окружности — делаем для папы Лизы чертежи. А сегодня утром, стоило мне прилечь, Карандаш исчез, и теперь я не успею всё сделать вовремя!

В этот момент голос снова подала колонка:

— Кар... кар... кар...

— Всё сходится! — закричал Красный Фломастер. — Карандаш испортил колонку и скрылся!

Учебник и Ручка зашумелись, Зелёный Фломастер принялся заниматься йогой, чтобы сбросить накопившееся напряжение. Маркюль Вуаро несколько раз накрутил на палец закладку-ленточку, отчего она стала похожа на макаронину-спиральку.

— Сомнений нет, — заключил он. — Карандаш — наш преступник.

— Но куда он делся? — спросил старый томик.

— А давайте дойдём до Ручки, — изрёк Зелёный Фломастер, сидя в позе Лотоса.

— Действительно, — поддержали на столе. — Она наверняка знает.

Глава 3. Загадочный свидетель

Шпионскую ручку Лизе подарил на день рождения дедушка, и с тех пор её больше никто не видел. Сначала Лиза постоянно носила её собой в школу, но после того как учительница несколько раз пожаловалась на исчезающие чернила (вместе с которыми исчезли две Лизины проверочные работы и три замечания в дневнике), ручку переселили на стол. Но и здесь она скрывалась так умело, что лишь по редким шорохам и передвижениям в ночи можно было предположить, что ручка обитает за карандашницей.

Жители стола во главе с Маркюлем Вуаро приблизились к дальней части столешницы.

— Мадемуазель Шпионская Ручка, — подал голос детектив. — Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Никто не откликнулся.

— Её, может, там вообще нет, — сказал томик «Карлсона». — Вот помню, когда Лизина бабушка была маленькая, ей тоже подарили...

— Давайте поторопимся, — прервала его Линейка. — У меня ещё работа, а мы ни на сантиметр не продвинулись.

— Мадемуазель, — повторил детектив, но в этот момент кто-то ответил прямо у него за спиной:

— Говорите быстро, за мной могут следить.

Маркюль Вуаро повернулся на голос, но его обладательница резко дёрнулась в сторону, сделала тройной кувырок и запрыгнула на принтер.

— Скажите, что вы делали сегодня...

— ... в семь пятнадцать утра, когда вывели из строя колонку? — закончила за него Шпионская Ручка, резко пригнулась и скатилась за карандашницу.

— Откуда вы знаете? — изумился детектив.

— Я за всеми тут слежу, — раздался голос Ручки у Маркюля за спиной, так что он подпрыгнул от неожиданности. — Было темно, и я заметила на столе какое-то движение, хотя обычно все в это время спят.

Шпионская Ручка надела тёмные очки и оглядела комнату.

— Всё чисто, — кивнула она.

— Что чисто? — не понял Красный Фломастер.

Ручка продолжила:

— Я включила камеру и стала снимать.

Она нажала на кнопку у себя на колпачке, и на белой поверхности стола появилось изображение. Все затаили дыхание. В темноте было заметно движение рядом с колонкой, затем та странно вспыхнула, и рядом с ней что-то блеснуло. В следующий момент отворилась дверь в детскую, раздался лай, и запись закончилась.

— И всё? — поднял брови Красный Фломастер.

— Потом зашла мама Лизы с Сосиской. Она сделала семь шагов по диагонали и положила на стол книгу.

— Всё верно, — подтвердил детектив. — Это был я.

— Затем забрала чертежи Лизиного папы и сделала шесть шагов обратно. Мама была одета, чтобы отправиться с Лизой на прогулку. Собака тоже была одета, она дважды тявкнула и один раз прыгнула, — закончила Шпионская Ручка.

— А Простой Карандаш вы, случайно, не имели возможности лицезреть? — спросил Учебник по литературному чтению.

Шпионская Ручка сдвинула брови и задумалась.

— Нет, — наконец сказала она. — Каким-то образом он ускользнул от меня.

Ручка резко обернулась в сторону прихожей:

— Мне пора, они вернулись.

Она сделала сальто назад и скрылась за принтером. А через секунду послышался звук ключа, а за дверью раздался лай Сосиски.

Глава 4. Появление Изольды

Маркюль Вуаро схватился за голову и стал ходить взад-вперёд по столу.

— У меня осталось совсем мало времени, чтобы решить это дело, — бормотал он. — Скоро мама заберёт меня со стола. Что же я упускаю? Куда мог деться злодей Карандаш?

— Может, вам немного расслабиться? — предложил Зелёный Фломастер. — Отвлечься.

— Точно! — воскликнул детектив. — Нужно отвлечься от Карандаша! Итак, Шпионская Ручка сказала, что рядом с колонкой что-то блеснуло... Что это могло быть?

Он внимательно обошёл колонку по кругу.

— Ага! А это что?

Под колонкой виднелась еле заметная розовая линия.

Все обернулись на Розовую Ручку, которая округлила глаза и затрясла перьями.

— Это не то... я не...

— Буду прямолинейна, — сказала Линейка. — Только Розовая Ручка у нас блестящая.

И она выразительно посмотрела на её стразы.

— Я только хотела посмотреть, как она светится... А она — раз и вспыхнула! И я так испугалась!

Потом она вдруг сложила руки на груди и обратилась к томику историй про Малыша и Карлсона:

— Скажите, что я её не трогала! Вы ведь всё видели!

— Ну да, — неуверенно закивал он. — Не трогала.

— Секундочку, мсье, — нахмурился детектив. — А вы что там делали?

— Так я это, — сказал томик. — Мне не спалось.

— То есть вы были там, а значит, видели, куда скрылся преступник, — стал наступать на него детектив. — И теперь его покрываете!

На каждом шагу его усы подпрыгивали.

— Было темно... — стал оправдываться старый томик и попятился к краю стола.

Вдруг его правая нога соскользнула со столешницы, и он с грохотом полетел на пол.

— Гав-гав! — твякнула Сосиска, услышав звук.

— Спасите его! — вскрикнула Розовая Ручка.

Но Сосиска уже ворвалась в комнату. С радостным визгом она бросилась на томик «Мальша и Карлсона» и впиалась в переплёт зубами.

— Ай-ай-ай! — закричал томик.

Тёмный силуэт промелькнул между испуганными жителями стола, и вот Шпионская Ручка, сделав тройное сальто, уже прыгнула таксе на спину. Сосиска от неожиданности взвизгнула и выпустила добычу из пасти. Она стала крутиться на месте и брыкаться, и на третьем повороте всё-таки скинула Шпионскую Ручку на пол.

Собака бросилась к ней, но та ловко уворачивалась от лап и зубов. Наконец, Сосиске надоело гоняться за Шпионской Ручкой, и она снова развернулась к томику «Мальша и Карлсона».

— Рррр, — зарычала такса.

— Нет! — закричали на столе.

И в этот момент раздался странный звук. Сначала он походил на треск, а затем вдруг на всю комнату сработала полицейская сирена.

Сосиска в ужасе подпрыгнула на месте и ринулась к выходу. Она убежала так быстро, что на повороте в спальню несколько раз забуксовала лапами и чуть не врезалась мордой в угол.

А сирена всё продолжала выть, и обитатели стола в изумлении уставились на колонку, которая издавала этот звук.

Вбежала мама. Она зажмурилась и стала жать на кнопку выключения, пока не заметила торчащий оттуда обрывок бумаги. Своими длинными ногтями она ловко подцепила край и, раз — колонка наконец замолчала.

— Придёт из школы, заставлю убратся, — покачала головой мама, глядя на гору обрезков, валяющиеся на полу книгу и Шпионскую Ручку.

Она быстро положила их на стол и вышла из комнаты.

Томик «Мальша и Карлсона» осторожно приподнялся и ощупал переплёт — на нём остались следы от Сосискиных зубов.

— Как вы это сделали? — спросил он, кивнув на колонку.

— Да, в общем, никак, — развёл руками Учебник по литературному чтению. — Мы тут ни при чём.

Все снова уставились на колонку, и в этот момент на её сером боку высветились два глаза.

— Вы в порядке? — заговорила она.

Старый томик настолько удивился, что не сразу сообразил, что колонка обращается к нему.

— Вы что, живая? — наконец выдавил он вместо ответа.

Колонка робко моргнула.

— Мы ведь не знали... — пролепетала Розовая Ручка. — Вы так красиво светитесь, правда!

Колонка совсем смутилась и покраснела.

— Нужно было сразу сказать... Но я с самого начала всем мешала и решила, что вы не захотите со мной общаться...

Жители стола как один уставились на столешницу. Наконец молчание нарушил старый томик. Он сделал тяжёлый вздох и сказал:

— Я ведь уже шестьдесят шесть лет читаю истории про Карлсона в этой семье. И Лизиной бабушке читал, и маме, и сестре её, и племянникам... А тут появились вы... Вы простите меня когда-нибудь?

Он нервно перебирал пальцами свои страницы.

— Я бы никогда не причинил вам вреда, если бы знал, что вы живая!

— Ничего не понял, — сказал Красный Фломастер.

— Так это были вы? — воскликнул детектив Маркюль Вуаро.

Вместо ответа томик поднял со стола обрывок бумаги, который мама Лизы вытащила из-под кнопки, и открыл свою девятую страницу. Там не хватало как раз такой формы уголка.

— Святые угольники! — воскликнула Линейка. — Так колонка пыталась сказать КАРлсон, а не КАРандаш!

Томик историй совсем сник.

— И несмотря на это вы, дорогая колонка, меня спасли...

— Вообще-то, — сказала она, и под глазами высветилась робкая улыбка. — Меня зовут Изольда.

Вечером мама проверила у Лизы домашнее задание и заставила её навести на столе порядок. Всё это время Сосиска ходила туда-сюда и изредка вставала на задние лапы в надежде, что ей всё-таки перепадёт добыча. Затем мама разложила на столе папины чертежи — вдруг из них на пол выкатился простой карандаш.

— Вот он где, — сказала мама, в последний момент выхватив карандаш прямо у Сосиски из-под носа. — А папа его искал.

Она положила карандаш к линейке и стала расплетать Лизе косы.

— Мам, включи сказку про Карлсона.

— Почитай «Мальша и Карлсона», — скомандовала мама колонке, но ответа не последовало.

— Почитай «Мальша и Карлсона»! — повторила мама громче, а затем подошла и стала проверять зарядку и кнопки. — Странно, только что ведь работала.

Она поставила колонку на место.

— Папа завтра посмотрит в инструкции.

— Почитай тогда ты, — попросила Лиза.

Лиза устроилась на кровати и закрыла глаза, а мама достала с полки книгу. Она аккуратно провела ладонью по потрёпанной обложке и с улыбкой вспомнила, как в детстве мама также читала ей, сидя в кресле у кровати.

— На какой главе мы остановились?

Когда дочь заснула, мама положила томик на стол. Краем глаза она заметила, что колонка моргнула. Она повернулась, но нет, всё было по-прежнему. И всё-таки мама готова была

поклониться, что видела, как колонка
подмигнула старой книге.

— Показалось, — подумала она вслух. —
Надо ещё раз прочесть инструкцию.

Она в предвкушении потянулась за своим
детективом — наконец дочитает. Уселась на
стул, пододвинула настольную лампу.

Вытащила из-под принтера шпионскую ручку
— Лиза постоянно кладёт её в разные места на
столе.

Итак. Страница тридцать пять.

— Тогда будем искать, у кого имелся
мотив! — объявил детектив.

Не грейфь, геолог!

Анна Ханен

В начале июня мы с Люськой уныло слонялись по пыльным магаданским улицам, пока наконец Люськина мама не предложила отправить нас в пионерский лагерь.

— Анастасия Михайловна, — сказала она моей маме, — они так от скуки совсем отупеют. За поселком Хасын есть отличный лагерь, «Геолог» называется.

«Хасын», — повторила я про себя. Мне нравились эти эвено-чукотские названия — Марчекан, Омсукчан, Карамкен... И переводились они забавно: «стадо диких оленей», «маленькое торфяное болотце», «стоянка оленных тунгусов».

— «Геолог» — это для детей геологов, что ли? — подозрительно уточнила Люська.

— Все мы здесь немножко геологи, Люсенька, — со вздохом ответила ей мама и согласилась, что отправить нас в лагерь идея хорошая.

Так судьба моя на ближайший месяц оказалась определена, и путевка на вторую смену через несколько дней уже лежала в ящике серванта. Оставалось немного времени, чтобы меня собрать. Для начала мама достала из чулана швейную машинку и коробку с тканями. Два отреза я выбрала не задумываясь: один — нежно-голубой, в мелкий рубчик, другой — чудесно-бледный, поросячье-розовый, изумительной красоты. Мигом превратив нашу кухню в мини-ателье, из первого отреза мама сшила мне брюки-бананы с резинками вокруг щиколоток, а из второго — кофту с рукавами «летучая мышь».

И то и другое мы подглядели на странице журнала мод и страшно гордились результатом. Не хватало только куртки с широкими плечами. Тогда мама взяла свой синий плащ, ловко укоротила его до куртки, подшила рукава и вместо большого откидного воротника приделала модную стоечку. Абсолютное счастье этих дней омрачила только одна неприятная деталь: у меня под мышками начали расти волосы. Я обнаружила их, разглядывая себя в зеркале над раковиной в ванной. Само тело почти не поменялось, разве что грудь из полностью плоской превратилась в два еле заметных бугорка, но подмышки! Отвратительные черные волоски торчали из тонкой кожи и, казалось, были толще меня самой. Хуже того, они неприятно пахли, даже несмотря на мои попытки потереть их сухим хозяйственным мылом. Надо было сказать об этом маме, но отчего-то мешал густой и скользкий, как кисель, стыд. В конце концов, желание избавиться от подмышечного позора пересилило, и я отправилась просить о помощи. Мама, к моему удивлению, не испытал шок и ужас, коротко состригла волоски маленькими маникюрными ножницами. На этом сборы закончились.

Оказалось, что в лагерь с нами едет Маринка, другая Люськина подруга. Я, конечно, приуныла — с Маринкой мы вечно ругались и делили Люську, — но ненадолго: как можно унывать, когда у тебя есть голубые брюки-бананы и розовая кофта с рукавами «летучая мышь»?

Через неделю колонна из оранжевых автобусов-пазиков с табличками «П/л», что сокращенно означало «Пионерлагерь», уже выруливала на проспект Ленина, с него на Колымское шоссе и мчалась дальше по трассе в сторону Хасына.

— Скажем, что мы сестры, — деловито прошептала Люська, наклоняясь к моему уху. Я важно кивнула. — Двоюродные, — добавила она, — а то спросят, почему непохожи.

«Геолог» совсем не напоминал тот пионерский лагерь во Фрунзе, куда я ездила прошлым летом. Тот был огромный, с аллеями высаженных роз и кустов шиповника, беседками и тенистыми рощами в окружении тянь-шаньских гор, а этот — всего несколько бараков, которые здесь называли «домиками», мост через ручей, плац, столовая, баня и бассейн. Только сопки вокруг, почти как тянь-шаньские горы.

Нас разбили на отряды — я, Люська и Маринка попали в пятый, — и поселили каждый в своем домике. Забора вокруг «Геолога» не было. Да и зачем? Куда отсюда сбежишь? В лесотундру к медведям, разве что?

Люська бросила свой рюкзак на одну из кроватей и показала на соседнюю, придвинутую вплотную:

— Это будут наши.

Я послушно опустила свои вещи. Маринка заняла кровать напротив моей, с ней мы делили тумбочку. Неприятности начались с девочки по имени Инга.

— Ты что, в этом будешь ходить? — Она презрительно уставилась на мои обновки.

У меня никак не получалось придумать, что бы ей ответить. Она стояла передо мной в широких спортивных штанах и байковой клетчатой рубашке навыпуск. Прямые волосы до плеч с аккуратно подстриженной челкой чуть загибались кончиками наружу. Так и не дождавшись ответа, Инга процедила, обращаясь ко всем, кто был в палате, и кивая головой в мою сторону:

— Это кто вообще?

— Женька, сестра моя двоюродная, — ответила ей Люська таким голосом, словно хотела добавить: «В семье не без урода».

Я посмотрела на Маринку, но она исчезла с головой в тумбочке, старательно перекладывая там с места на место зубную щетку и мыльницу.

— Так! — В палату заглянула вожатая. — Все расселились? Переодевайтесь, мойте руки — умывальник на улице — и марш на сбор отряда!

И все переоделись. В спортивные штаны и байковые рубашки навыпуск. Дрожащими руками и со слезами на глазах я перерывала свои вещи в надежде найти там хотя бы что-то похожее, но тщетно. В сумке лежали куртка с широкими плечами, перешитая из мамино плаща, хлопчатобумажное платье в цветочек, пара футболок, трусов и пионерская форма — синяя юбка, белая рубашка и галстук. Больше там ничего не было.

Вокруг Инги быстро сколотилась компания девочек — свита. В свите Люська заняла привилегированное место. Они решали, кто с кем будет дружить, а с кем дружить не стоит вовсе.

В целом, жизнь наша протекала так: каждое утро в семь часов ноль минут из динамиков в комнате вожатых раздавалось оглушительное «О-о-о, you're in the army now». Мы вскакивали под «stand up and fight», по секундомеру одевались, заправляли кровати и выбегали на улицу, где вдоль леса стояли длинные ряды жестяных умывальников. От ледяной воды сводило зубы и ломило пальцы. Хуже были только туалеты — зловонные сарайчики с тремя дырками в полу. После завтрака нужно было кричать пионерские речевки на плацу, а дальше наступало более-менее спокойное время, когда никто не обращал на нас никакого внимания. Обычно мы уходили подальше от лагеря собирать голубику — целые голубичные поля росли вдоль притоков реки Хасын.

Моя отверженность началась с отсутствия спортивных штанов и на этом не закончилась. Второй проблемой оказалась неспособность ходить в туалет при людях. Инга и свита обычно удалялись в сарайчик с дырками в полу всей компанией и там дружно журчали, не прерывая своего щебета. На меня же присутствие кого-то рядом действовало так, что не получалось выдавать из себя ни капли. «Расхотелось», — как можно небрежнее старалась я бросить реплику в никуда, но от этого картина делалась только еще более жалкой.

Третьим изъяном было то, что ночью мне отчаянно хотелось спать. Никакие договоренности мазать мальчиков пастой не могли заставить меня встать в три часа ночи. Как-то раз после «запуска в космос» — так называлось резкое переворачивание матраса под спящим, в результате чего он оказывался на голой панцирной сетке, — я просто продолжила спать под грудой матраса, одеяла и подушки.

Было еще что-то неконкретное, необъяснимое, что заставляло их нападать на меня, а меня — отбиваться и нападать в ответ. Только однажды Инга взглянула на меня с меньшим презрением, чем обычно. В лагере объявили концерт.

— Кто умеет петь? — спросили вожатые у отряда после завтрака.

Несколько девочек подняли руки.

— Кто играет на пианино?

На пианино играли Люська и Маринка.

— А ты что умеешь? — повернулась ко мне одна из вожатых, Юля.

— Писать стихи, — вдруг бухнула я.

— Сойдет, — подумав, сказала Юля. — Прочтешь стих.

Стих мой возымел относительный успех, но как раз тогда Инга неожиданно после концерта спросила:

— Сама сочинила?

— Ага, — ответила я.

— Ничо так. — Она почти примирительно кивнула, но на этом ее благодушие закончилось. — Врешь небось?

— Не вру.

— А то, что Люська твоя сестра, врешь?

— Двоюродная!

— А как ты тогда ее маму называешь?

— Ирину Николаевну? Я ее называю...

— Вот и врешь! Если она твоя тетя, то почему «Ирина Николаевна»?

— Потому что... — Я в отчаянии пыталась выкрутиться. — Она... она жена моего дяди.

— Врешь. Ты раньше говорила, что ваши мамы сестры.

Моим единственным утешением после пережитого фиаско оставалась вечерняя дискотека. «Я хочу быть с тобой», — как обычно, надрывалась колонка, установленная на импровизированной сцене на плацу. Там же, где по утрам горланили речевки, теперь, разбившись на парочки, мы медленно переступали и наклонялись из стороны в сторону. Уже несколько вечеров подряд я танцевала с Денисом, который отличался только тем, что не был примечателен вообще ничем. Я приглашала его танцевать, потому что другие мальчики были заняты девочками из свиты. Ну что ж, пусть будет Денис. Чем он

плох? Танцует со мной, молчит, краснеет, к концу танца чуть сгибает руки, чтобы мы оказались немного ближе друг к другу — танцевать полагалось на безопасном расстоянии вытянутых рук.

На следующий день после завтрака я и не заметила, как все разбрелись кто куда. Не найдя ни Люську, ни Маринку, я взяла банку и отправилась за голубикой. Мы набирали ягоды в литровые банки и заливали их сверху сгущенкой. Чего-чего, а сгущенки у нас было предостаточно. Чтобы открыть ее, нужно было всего лишь проделать острым камушком две дырки в крышке. Ягоды мы ели, вытряхивая их прямо из литровой банки в рот, а потом набирали заново. Спустившись к ручью, я пошла вверх по галечнику в сторону нашей любимой голубичной «плантации». Северное солнце палило макушку, ручей бежал через валуны, торопясь поскорее впасть в реку Хасын. Галечник бодро шуршал под моими кедами, в стланике пищал клест. Вдруг за поворотом ручья на противоположной стороне показалась вся наша компания.

— Эй, — закричала я и начала перепрыгивать с одного торчащего из воды валуна на другой, чтобы поскорее перебраться к ним. — Вот вы где! А я вас ищу!

Допрыгав до середины, я подняла голову. Все смотрели на меня и молчали. И Люська, и Маринка — все.

— Привет! То-то в отряде никого нет, а вы здесь!

Мне снова никто не ответил. Наконец Инга отчетливо и звонко произнесла:

— Катись отсюда.

Клест в стланике закричал почти оглушительно.

Вернувшись в лагерь уже вечером, исцарапанная, искусанная комарами, в синих пятнах голубики, я, конечно, не ждала ничего

хорошего. Вожатая Юля, поджидая меня, выразительно скручивала жгутом полотенце, но, разглядев мой жалкий вид, бросила полотенце в угол и только сказала:

— Иди в палату, у...ще.

До отбоя было еще далеко. Я не раздеваясь легла на кровать и уставилась прямо перед собой. Прямо передо мной оказались Маринкины ноги — она подошла достать что-то из тумбочки. Слезы нависли на ресницах, готовясь рухнуть потоком. Пришлось зарыть лицо в подушку. Маринка порылась в тумбочке, потом вздохнула и села на нее сверху, поджав ноги, как кузнечик.

— Жень, ты тоже неправа.

Я оторвала лицо от подушки и удивленно захлопала на Маринку мокрыми глазами.

— Что я сделала?

— Ты... ты со всеми враждуешь.

— Маринка! — До этого мы никогда раньше не говорили с ней по душам, да и вообще мало говорили, но тут меня прорвало. — Маринка, а у меня, представляешь, папа тоже пьет, как и у тебя.

— Твой папа? Да ладно... Он же профессор.

— Я его пьяным видела.

— А этого, что ли, не видела?

— Не, первый раз.

Я ревела уже не стесняясь. Маринка задумалась.

— Если он напился и лег спать, это еще ничего. Хуже, если руки распускает. Мой в прошлый раз чуть Феде руку не сломал. — Федей звали Маринкиного младшего брата. — А меня пряжкой...

Ужас, должно быть, отразился в моих мгновенно высохших глазах: в школе на физкультуре, когда мы строились по росту, Маринка стояла почти в самом конце. Как же можно с ней так?

— Ты понимаешь? — продолжала она. — Пряжкой это очень больно.

— Очень больно, — повторила я эхом. Признаться ей, что родители меня ни разу пальцем не тронули, значило бы предать это на секунду возникшее между нами доверие.

Маринка слезла с тумбочки.

— Пойдем, еще на дискотеку успеем.

Мы выскользнули из домика — я, стараясь не отвечивать в сторону комнаты вожатых, — и дошли до плаца, откуда уже несло «я пытался уйти от любви». Денис кивнул в ответ на мой вопросительный кивок, и «Наутилус» смысл всю горечь этого дурацкого дня.

А утром объявили Зарницу.

— Пионеры, — прокричал в рупор директор лагеря, — сегодня состоится военно-патриотическая игра! Вы познакомитесь с элементами армейской службы!

Мы только плечами пожали: у нас и так ни дня не проходило без элементов армейской службы, и дело не только в подъемах под «Статус Кво». «Теперь ты в армии» негласным девизом рассеялось по всем палатам нашего домика, осело невидимой пылью на каждом одеяле и подушке. Однако, как только в небе появились белые купола парашютов, от нашего скепсиса не осталось и следа: мы замерли, задрав головы и открыв рты. К нам

летели десантники. Настоящие. Они спускались с неба в форме цвета хаки — штанах и курточке, из-под которой на груди выглядывала тельняшка. Форму я потом уже разглядела, конечно.

Десантников поделили между отрядами, и нам, по твердому нашему убеждению, достался лучший. Что именно его отличало от остальных, объяснить мы бы, пожалуй, вряд ли смогли, но он был... наш собственный. Мы тут же облепили его, как мошкара облепляет голую коленку дождливым вечером. А дальше целый день весь наш отряд то бежал вверх и вниз по реке Хасын, то переходил ее вброд, то перепрыгивал с валуна на валун в районе галечниковой поймы. Десантник был доволен: почти никто не свалился в реку, не ободрался на камнях, не разбил нос, не потерялся во время марш-бросков, а если и разбил, или свалился, или потерялся, то не ныл и не жаловался. В качестве особого вознаграждения за наши заслуги решено было показать нам, как работает взрывпакет. Мы спустились обратно к пойме, туда, где река распадалась на несколько рукавов, и сгрудились вокруг нашего кумира. Как же я хотела оказаться к нему ближе всех, ближе Люськи, Маринки, Инги — так близко, чтобы он заметил меня. Мы толкались плечами с Люськой, она шипела и пиналась, Маринка закатывала глаза, но тут десантник достал из вещмешка небольшую продолговатую трубочку. Все затихли. Из одного конца трубочки торчала черная веревка. Он поджег ее — веревка зашипела, задымила, — и широко размахнулся. Я все-таки оттеснила Люську и оказалась первой. Десантник стоял прямо передо мной, с закинутой перед броском рукой. Но тут неожиданно там, куда должен был полететь взрывпакет, оказался пионер из другого отряда. «Уходи!» — закричал десантник. Но пионер его не слышал. Черная веревка шипела и дымила. «Уходи!» Я не сводила глаз с руки, сжимающей маленький цилиндр прямо у меня под носом. «Уходи!!!»

Взрыв ударил в уши, кто-то из девочек завизжал, матом завопил кумир, а я сидела на земле оглушенная, прижав руки к лицу и боясь убрать их.

— Врача! — кричал кто-то.

— Женька, не дрейфь, сейчас врач придет.
— Люська старалась говорить небрежно, но получалось у нее слишком уж как-то подозрительно небрежно. Кто-то положил мне руку на плечо, ладонь была не Люськина.

— Не дрейфь... — Я узнала голос Инги.

Вокруг началась страшная неразбериха, какие-то люди бежали к нам, меня вели куда-то, наверно, в медпункт, потому что запахло лекарством. Чьи-то руки взяли мои ладони и мягко, но решительно оторвали их от лица. Глаза я продолжала зажмуривать. «Открой», — так же мягко, но строго сказал взрослый голос, и я послушно попыталась разжать веки.

Взорвавшийся в руке десантника взрывпакет большого вреда не причинил, но сосуды у меня на лице полопались здорово. Белки налились кровью, а щеки, лоб и подбородок покрыла мелкая сетка багровых точек. Десантнику слегка контузило руку.

Вернувшись в отряд в окружении девочек, я попыталась завесить лицо волосами. Кто-то из мальчиков посмотрел на меня и присвистнул.

— Ты чего свистишь? — накинулась на него Инга. — Вот я тебя сейчас стукну утюгом по морде и буду свистеть, тебе понравится?

Отныне никто, смотря на меня, не мог даже поморщиться — Инга тут же оказывалась между нами.

Приближался родительский день. Накануне нас неожиданно повели в бассейн, наверно, с целью продезинфицировать хлоркой. Мы самозабвенно плескались в

лягушатнике, как вдруг Маринка совершенно случайно заехала мне локтем в глаз.

К родителям я вышла во всей красе. Правда, сосуды понемногу заживали, зато свежепоставленный фингал сиял, переливаясь желтым и сиреневым. Брюки-бананы и кофта «летучая мышь» почти сравнялись в цвете, превратившись в оттенки серого. Мама схватилась за сердце, папа — за голову, и даже Павлик посмотрел на меня с уважением. Я забрала кулек с конфетами, вцепилась в бутерброд, и тут ко мне подошел Денис.

— Пока, — сказал он, рассматривая свои кеды.

— Как пока?

— Меня родители забирают.

— Как забирают? — Я никак не могла понять, что он говорит. До конца смены еще неделя, с кем я буду танцевать под «твое имя давно стало другим»? — Останься, пожалуйста... Ну, пожалуйста... Не уезжай!

— Ну все, давай, меня зовут. Пока!

— Не уезжай...

— Я, это, может, напишу тебе. Когда-нибудь.

А через неделю мы все уже снова мчались в оранжевых пазиках по колымской трассе. Прощайте, река Хасын и бескрайние поля голубики. Да и пора уже было домой — под мышками снова отросли черные кустики волос.

Omnyck

Алена Алькова

Я лежу на заднем сиденье, положив голову на колени Гаи. Потоки воздуха приносят в салон машины едкий запах проезжающих мимо фур, сладковатый — сохнущего на полях сена. В черном пластике солнцезащитных очков Гаи отражается синяя гладь августовского неба, мелькает белая табличка «Новосибирск».

Над моим лицом носится сквозняк, подбрасывает и ловит пряди ее волос. Волосы Гаи — первое, что я заметила, когда увидела ее на собрании студенческой газеты.

С начала собрания прошло всего пять минут, но все уже начали скучать, как вдруг — Тук! Тук! Тук! — его прервал настойчивый стук в дверь. В следующий момент в кабинет просунулась голова в пушистом капюшоне кудрей с покрасневшим крючковатым носом и по-совиному круглыми карими глазами.

— Здрасьте, можно? — обращаясь к кураторше, сказала голова низким хрипловатым голосом.

— Да, Гаечка, проходи. Это Гаяне, она с факультета социологии и будет теперь работать с нами в редакции, — объявила кураторша из своего уголка.

Гая быстро прошла к своему месту, ритмично шурша болоневыми штанами. Вжик-вжик! Вжик-вжик! Как танец с саблями. Она заняла свое место прямо напротив меня, и собрание продолжилось.

— ...на вторую полосу пойдет репортаж со дня здоровья, который прошел на выходных, — негромко продолжала редакторка Оля. — Фотки есть, в принципе неплохие, нужен текст с комментариями разных факультетов, в целом тысячи на две знаков...

— А, собственно, зачем? — прервала ее Гая. Оля не сразу нашлась что ответить, только выразительно глянула на новенькую.

— Гаяне, — обратилась из уголка кураторша. — У нас принято поднимать руку, если хочешь что-то спросить.

Гая немедленно подняла руку. Кураторша с усталым видом кивнула в знак, что можно говорить.

— А зачем? — повторила Гая. — Вторая полоса — это самое жирное место, для главных новостей месяца... Неужели после сессии не о чем поговорить, кроме дня здоровья? Там же было абсолютно тухло, собрались только те, кто остался в общежитии на каникулы...

Я смотрела на нее, сдерживая улыбку, и думала, что мы обязательно подружимся. Так и вышло.

Когда мы с одноклассниками окончательно заскучали в студенческой газете и начали выпускать журнал о культуре, я позвала Гаю с собой. Мы толком не понимали, зачем нам журнал. Просто казалось, что мы должны и можем сделать что-то круче, чем все, что уже есть в городе. Несколько лет спустя, читая «Прошу, убей меня», я нашла

нашу причину. Основатели нью-йоркского журнала Punk!, которые первыми начали писать про Ramones, Stooges и Лу Рида, говорили про себя как-то так: «На самом деле мы создали журнал, потому что хотели тусоваться с рок-звездами». И мы тусовались. С пост-рок-звездами, пост-панками, с театралами и современными художниками. Мы были везде, где было привлекательно, весело, загадочно, странно, писали об этом эссе и письма, делали коллажи. Нам казалось, что мы сами немного художники. Как и положено художникам, мы не заработали на этом ни копейки.

Мы влетаем в Новосибирск, не схваченные духотой пробок на въезде. Водитель блаблакара высаживает нас на вопящей цветными вывесками, загроможденной советскими глыбами площади Калинина. Справа и слева стоянки такси, напротив — метро, но мы идем пешком. По дороге в Первомайский сквер закупаемся кофе, пончиками, колой и коньяком. Расстелив джинсовки под деревом, валяемся, болтаем, тихо поем, читаем друг другу вслух Керуака.

— Мне позвонила Вера из бухгалтерии сегодня. Я не открывала контач три дня, я же в отпуске. А они, оказывается, меня потеряли и ждали дежурить на новостях сегодня, прикинь?! — между делом рассказываю я.

— У этой Веры дыра в башке...

— Позвала меня в офис в понедельник, поговорить. Жопой чую, что меня уволят.

— Ну и пусть увольняют! Быстрее переедешь в Томск...

— ...Точняк, об этом я даже не думала... можно просто собраться и уехать, хоть прямо в понедельник...

Бросить шмотки, старую мебель, которая тащится за мной с самой первой квартиры в Кемерове.

Бросить диван из угловой гостиной в общежитии, которое называли «Пентагон». Из дома, вернуться в который вечером было настоящим приключением. Сначала я заглядывала в окно подъезда, проверяя, не бухает ли кто-то у лифта. Если все чисто — повезло. Если нет — отправляюсь гулять по парку напротив на полчаса, чтобы не прерывать чужой праздник. Из дома, где в два часа ночи мне долбили в дверь и спрашивали «Где Юра?!». Где сосед непонятно в какой квартире бил свою жену, а приехавший на вызов участковый пригрозил мне штрафом за проживание не по прописке и ушел.

Бросить письменный стол из квартиры в тихом дворе, где мы верстали журнал по ночам, где я начала работать в новостях, влюбилась в писателя и перестала писать. Бросить огромный платяной шкаф из комнаты в квартире, где мы в последний раз справили Новый год всей редакцией с песнями под гитару и танцами на столе, где мы с Гаей планировали съемки клипов и поступление в магистратуру. Ни то ни другое не стало реальностью.

Сжечь все универские конспекты и сесть в блаблакар с одним рюкзаком. Позвоночник приятно щекочет от волнения.

Концерт начнется уже скоро. Мы подбираем рюкзаки и заходим в ближайший двор. Покачиваясь на качелях детской площадки, выпиваем по половине из маленьких бутылок колы и доливаем в них вонючего коньяка. На улице становится прохладно, а внутри — тепло. Мы отправляемся на поиски клуба «Отпуск», название которого вызывает недоверие. Покружив по нужной улице, мы наконец нашли вход, просто последовав за компанией людей с цветными волосами и татуировками. «Они точно идут туда же, куда и мы», — подумала я.

Дверь в клуб мы находим между кинотеатром и крыльцом ФСКН. У клуба — пестрота знакомых лиц, со всеми обмениваемся возгласами, обнимаемся, глотаем алкоголь друг друга из горла, стреляем сигареты, становимся веселее.

Мы попадаем внутрь, в просторное помещение, залитое фиолетовым светом. Внутри плещется алкогольное тепло и любопытство, плечи, руки и ноги просят движения. Это момент, когда заканчивается обыденность и начинается событие. Я узнаю это ощущение каждый раз с той вечеринки в Ночь музеев.

На нее мы с Гаей пошли вдвоем. Я — чтобы фотографировать, Галя — чтобы писать. В итоге никто ничего не написал и не сфотографировал. Всю ночь мы проболтали на топливе танцев и протанцевали на топливе разговоров. В сизых предрассветных сумерках мы возвращались домой, кружась под музыку из телефона посреди пустой проезжей части. Днем пытались собрать фотографии по соцсетям и хоть что-то изобразить о Ночи Музеев. «Какая-то гонзо-херня вышла», — написала мне Галя. Я посмеялась и опубликовала.

С тех пор мы с Гаей проводили уйму времени вместе, больше, чем стоило бы. Вечером мы шли на концерт или в театр, потом — ко мне домой спать, с утра прогуливали пары, смотрели «Небо над Берлином» и «Мечтателей», курили и болтали на кухне.

— Фотография — это же не искусство, — как-то заявила Галя во время посиделок на кухне. В ответ на это я разразилась целой тирадой с перечислением персоналий и слайдшоу. Через неделю Галя достала свою заначку и купила зеркальный фотоаппарат. Пока я тратила повышенную стипендию, покупая себе дорогие духи и устраивая коктейльные вечеринки для редакции, Галя сэкономила на всем. С тех пор она везде была с фотоаппаратом: на тусовках, на улице, в гостях.

На той же кухне как-то раз мы с Гаей чуть не подрались. Наутро обе не могли вспомнить, о чем был спор, о чем-то философском. Мы были очень пьяными. Свидетели не хотели ничего рассказывать, только дулись и отмалчивались. Вечеринку мы явно испортили.

В клубе «Отпуск» повсюду люди: толпятся и качаются у сцены, стоят в очереди у бара и туалета, у стенки и за столиками тут и там кто-то целуется. Частит драм-машина, ноют гитары, раскачивает бас, перед глазами мельтешат цветные огоньки. Руки взмывают, становятся невесомыми, а ноги живут своей жизнью под музыку.

Перед глазами проносится темный силуэт. Музыка останавливается. Руки наливаются тяжестью и падают вдоль тела. Передо мной появляется фигура в массивном черном бронежилете, черном шлеме и балаклаве, которая оставляет открытыми только глаза. Я оглядываюсь: они повсюду. Сжимают пространство клуба, становится нечем дышать. Я растерянно хватаю рукой воздух позади себя в поисках Гаи, оборачиваюсь и натываюсь на ее тревожный взгляд. Ее заслоняет фигура в черном. Нашивка на спине — «Спецназ ФСКН».

Сцена опустела, из зала никого не выпускают. Мы с Гаей рывками продвигаемся друг другу навстречу сквозь стиснутую черными кольцами взволнованную толпу. Сцепляемся намертво. Что дальше?

Из зала всех по очереди ведут по лестнице на второй этаж. Нас с Гаей не разделяют, ведут вверх вдвоем. Там, на кожаных диванах, мужик в штатском с абсолютно незапоминающимся лицом смотрит наши паспорта, спрашивает, где мы работаем, и фоткает на телефон. Мы отвечаем честно, но тоненькими голосками, включаем феминность, придуриваемся, делаем вид, что все это очень смешно, и мы ничего не понимаем. Но мы понимаем: он все записал, теперь он знает, он запомнит. Что дальше?

Нас выводят из комнаты с диванами в темноту. В ней слабо светятся белые прорезы балаклав, а затем проваливаются в колодцы глазниц. Нас быстро спускают по лестнице. В темноте не нащупать следующую ступеньку, мы просто летим вниз под грохот металла под ногами, до боли сжимая потные ладони друг друга.

Надсадный железный скрип, мягкий предзакатный свет, поток воздуха. Нас выталкивают через запасной выход на улицу, дверь захлопывается. На улице сразу подгибаются и начинают трястись колени. Придерживаясь за стену, я оглядываюсь. Мы стоим у разбитого заросшего травой крыльца ФСКН. Вдалеке, включив музыку на телефоне, танцуют и орут песни наши знакомые. Вход в клуб охраняют неподвижные фигуры с автоматами. Мы с Гаей останавливаемся на середине пути к своим, обнимаемся и плачем.

Через час спецназ разъезжается, и нас запускают обратно в клуб. Людей меньше, а пространство как будто больше. Без толпы оно кажется каким-то неуместно глянцевым для уныло гудящего про новостройки сибирского пост-панка. Мы с Гаей сначала садимся, а потом ложимся на пол недалеко от сцены. Проходящая мимо официантка строго говорит, что здесь лежать нельзя. Похолодевшие от пота тела приходится поднять с пола.

— Всех закроют при твоём содействии, демократия в действии, — тревожно гудит на сцене вокалист. Мы стоим неподвижно.

Наутро мы просыпаемся раньше всех на вписке, тихо собираемся и выскальзываем за дверь. Хотим успеть на пляж до отъезда. По дороге перехватываем кофе, но от одного его запаха меня сильно тошнит. Несколько раз мы останавливаемся, чтобы я могла поплевать. Гая стоит в стороне и щурится: не то от солнца, не то от головной боли. Перед пляжем мы заходим в аптеку. Я падаю на табуретку у входа, а Гая подходит к кассе.

— Можно что-нибудь от тошноты? — говорит Гая аптекарше.

— А что именно от тошноты? От отравления?

— Ну... да. Девушка выпила, ее тошнит.

Аптекарша выглядывает из-за плеча Гаи, окидывает меня взглядом и дает нам активированный уголь. Я запиваю таблетки

тошнотным кофе, и мы молча плетемся дальше. Один пешеходник, второй пешеходник, мост через железную дорогу, тропинка через хвойный лес и бесконечная лестница вниз, от которой кружится голова. Я спускаюсь по шагу в секунду, придерживаясь за перила.

На пляже много людей: переодеваются в деревянных кабинках, пьют теплое пиво, едят арбузы, загорают до красной корки, купаются до синих губ, плавают на надувных матрасах, ныряют со скользкого бревна. В поисках места мы проходим по горячему песку, который полирует наши босые пятки до болезненного румянца, на цыпочках — по полосе камней и щепок, которые норовят оставить между пальцев занозу. Стелим джинсовки почти у самой воды. Мимо, поднимая брызги и разбрасывая зеленую тину, бегают дети и собаки.

Я достаю телефон и ищу новости о вчерашнем. Кто-то должен был дежурить на новостях в Новосибирске в этот день.

— Как думаешь, это последний их фестиваль? — говорю я. — Пишут, что люди просили вернуть билеты. Думаю, они влетят на бабки...

— Такая жизнь мне не подходит, — внезапно выдает Гая. — Я больше не могу работать в журнале.

Между ребер стало холодно и щекотно, как будто призрак схватил меня за грудь. Я откладываю телефон и поднимаюсь к Гае, пытаюсь заглянуть ей в лицо.

— Почему? — спрашиваю осторожно.

— Я не знаю, какой в этом всем вообще смысл... Что мы делаем? Что я делаю? Хэээ...

Гая поднимается и идет к морю. Я смотрю, как она бредет вдоль берега, пиная воду. Я не иду за ней, мне нечего ответить.

Откуда-то рванул холодный ветер, по плечам побежали мурашки.

В понедельник меня, к большому облегчению, сократили по собственному

желанию. Я начала собирать чемоданы в Томск. За огромным платяным шкафом приехали мои родители, диван вынесли на помойку, а письменный стол я подарила соседке, которая забрала его с собой уже не в съемную, а в свою собственную квартиру.

Пассажир

Яна Соловьёва

Идею пойти к психологу мне подкинула жена. Моя *сегодняшняя* жена, если вы понимаете, о чём я.

— Грустинку поймал, пупсик? Поговори со шринком — ну правда же, это совершенно обычное дело. — Она игриво погрозила пальцем. — Ментальная гигиена — залог позитивных вибраций.

Она сбежала на йогу, блямкнув сообщением. Я спустил ноги с кровати на шершавую теплоту пола из выбеленных и искусно состаренных дубовых досок (пара столетий под солнцем) и уставился в панорамное окно. От дома и мотающих патлами пальм тянулись по пляжу до самой кромки пенящихся волн длинные холодные тени. Вставало невидимое с этой стороны солнце, и тёмно-синий, вспученный до горизонта океан мерцал вдали слепяще-оранжевыми бликами. Кажется, с местопребыванием сегодня мне повезло, но в голове шумело, а за воспалёнными глазами яблоками, казалось, хрустел наметённый с пляжа песок. К тому же подташнивало.

В наклонном зеркале в углу спальни отражались плавные изгибы скользких шёлковых простыней и я. Тело совершенно неосознанно приняло эффектную позу, подчёркивающую фактурные мышцы и плоский треугольник живота пониже пупка.

Прикрыв веки, я порылся в памяти — мой носитель накануне не пил, да что там — он не пил вообще, отличался редким здоровьем спортсмена, и психолог ещё вчера ему не был нужен. А это значило, что состояние моё подозрительно напоминало ранние симптомы

отстойки сознания. Идея пойти к психологу звучала здраво, тем более, как упомянула жена, — это совершенно обычное дело. «Почему бы и нет? Хуже не будет». — Не откладывая, я прошерстил психологический сайт из её сообщения, выбрал некую Сандру за самое милое лицо, договорился, представился Алексом и для надёжности оплатил десяток сессий вперёд.

— Итак. — Женщина с ямочками на щеках улыбнулась по ту сторону экрана. — Какой цели вы хотели бы достичь нашими встречами?

— Мне нужно научиться жить без вовлечения. Чувствовать всеми органами — да, наблюдать — да, но ни в коем случае не вмешиваться. Мне всё сложнее остановиться.

Изогнутые, как бумеранги, брови Сандры участливо взлетели.

— Что заставляет вас вмешиваться?

Я колебался с ответом, вспомнив круглые от изумления и гордости глаза вчерашнего сына, когда после моего звонка полиция арестовала это животное, моего мужа, который избивал нас десяток лет. Снова затошнило, но одновременно с этим за грудиной растеклось тепло, а губы непроизвольно растянулись в самодовольной улыбке. Прав был тот умник Маслоу, когда нарисовал свою пирамиду. Для таких, как я, все нижние этажи потребностей так или иначе закрывают носители, тогда как верхний — запретный пентхаус самоактуализации — недостижим.

— Что именно вы чувствуете, когда не останавливаетесь? Не объясняйте, — мягко настаивала она. — Назовите свои чувства.

— Бессилие, — наконец, смог ответить я. — Представьте, что вы пассажир. Вам может достаться лучшая каюта или купе, а иногда вы будете трястись на жёсткой лавке в кузове грузовика. Вы можете смотреть в окно, пробовать шампанское, если повезёт, или жевать холодную варёную картошку. Можете наслаждаться видами и путешествием или даже подержаться за руль. Но вы не можете изменить маршрут.

— Вас это тяготит?

— Я должен проживать самый обычный для тела день, без права совершить ничего ему несвойственного: помочь тому, кто мне нравится или наказать обидчика. Не могу сделать ничего экстраординарного, дать миру новое... Я не могу быть собой.

— Почему же вы себе это запрещаете? — Сандра, кажется, заинтересовалась и, склонившись, отчего на глаза упала волнистая прядь, сделала пометку в блокноте.

Я открыл рот. Потом закрыл. Не скажешь же ей, что пассажира, который хватается за руль и съезжает с проторенной колеи, выбрасывают на обочину, причём навсегда? Человеческие сознание и тело идеально подходят друг другу, и я должен быть весьма осмотрительным и не совершать ничего, что носитель не сделал бы никогда, чтобы не произошло отторжение — терминальная стадия отслойки... Передёрнул плечами и вырубил кондиционер, осознав, что, несмотря на яркое солнце, поджаривающее песок по ту сторону аквариумных окон, в комнате настоящий холодильник.

Сандра выжидающе смотрела на меня, а я вспомнил день, проведённый системным администратором, спрятанный, как дракон, в опутанной проводами жужжащей и мигающей лампочками серверной. Там тоже было чертовски холодно, и я прокрастинировал работу (что было вполне обычным для

носителя) и бродил по его избранным вкладкам браузера. На одной странице я провёл чуть ли не час, наблюдая распускающуюся бесконечность анимированных фракталов, а потом, когда меня порядком укачало, прочитал от скуки и прилегающее эссе о Великой Фрактальной Теории. Так вот, тот парень, написавший эссе, хоть и потерялся в шизомистических дебрях, но в одном был прав: Сознание (именно так, с большой буквы) — это *prima materia*. Сознание было первым, что существовало, раньше времени и пространства, и если меня вышвырнет из носителя — то, что мы называем отслойкой, последствия будут катастрофическими, вплоть до полного растворения меня в Сознании. Что чувствует сознание без тела? Ничего, у него нет, чем чувствовать. Люди назвали бы это смертью.

— Понимаете... — Я понизил голос. — Каждый день я просыпаюсь в новом человеке.

Психологиня сочувственно вздохнула.

— Каждый день, Алекс, — умиротворяюще, как мелкая галька, перекатывающаяся под волнами прибоя, зашуршала она, — мы просыпаемся новым человеком. Это нормально. В каждом из нас есть прошлый, будущий и настоящий я. Будьте благодарны вчерашнему я за то хорошее, что он сделал. Сделайте хорошее завтрашнему я, как лучшему другу...

Я мрачно усмехнулся. Если бы только она знала, насколько близко подобралась к сути, и если бы только я мог знать, кто тот завтрашний я.

***

Сандра оказалась любопытной, да и я был вооружён обаятельной улыбкой спортсмена и оплаченными вперёд сессиями.

— Этический кодекс психолога не запрещает ведь работать с *разными* клиентами? — спросил я, чтобы окончательно развеять её сомнения.

— Конечно, нет!

Несомненно, Сандра лишь сделала вид, что поверила объяснениям, что в следующий раз буду я, но как бы другой я, на деле же хотела понаблюдать, не страдаю ли я множественным расстройством личности. Во всяком случае, она приняла игру и обещала не удивляться, что выглядеть я буду совершенно иначе. К тому же у неё оказалось доброе сердце — она не стала допытываться, увидев перед собой на второй сессии древнюю старуху.

Чтобы успеть на созвон и добраться до интернет-кафе, в которое лет двадцать назад меня сводил внук, я вышла в вязкий зной загадя. Брела по слепящей пыльной дороге, едва переставляя ноги и кутаясь в чёрную шаль. Знобило, и привычно болела каждая косточка, каждое сочленение, каждый сустав. Утренние таблетки от боли, после которых я только и могла, что лежать, закрыв глаза, я не приняла. Однако трудно оставаться собой, если ты — сама боль, и все мои усилия были направлены на то, чтобы ловить растворяющееся в белом шуме проносящегося мимо времени ватное внимание, вспоминая, кто я и куда иду.

— Абуэла, какими судьбами? Конечно-конечно! — Хозяин кафе, успевший с прошлого раза поседеть, под руки усадил за жужжащий вентилятор компьютер и набрал ссылку на психологический сайт, которую я продиктовала по памяти. — Эй, чёрного кофе и горячего молока бабуле!

Обычно в днях боли есть особое наслаждение, ведь завтра я буду далеко, в другом теле, — удивительным качеством свежести обладает эта сменяемость моментов страдания и облегчения. Умереть я не боялась, хотя старой женщине и осталось жить считанные дни. Пока я пассажир, ваше сознание спит. Я получаю доступ ко всему опыту, чувственным ощущениям: я помню, как в

вашем детстве горячим тысячелистником и ромашкой пах луг в излучине реки, как казалось, будто в руке должна появиться удочка из орешника, коленки стать разбиты, а метёлки мятлика доставать до пояса. Я чувствую всё — и именно ради этих чувств и живу. Если вы не помните какой-то свой день — возможно, за рулём вашего автопилота вместо вас его прожил именно я. Но что я гарантирую, так это то, что в день смерти рулить своим телом будете вы сами. Смерть была частью *вашего* контракта, когда вы согласились с идеей рождения. Что касается нас, то в тот момент, когда из Сознания обособляются сущности, получившие ценой забвения собственные сознание и организм (то есть, вы — люди), иногда происходят нестыковки, и некоторые обособившиеся самосознания тела не получают. *Просыпаются*. И не только мимо тел, но и ото сна.

Так рождаемся мы. Негнущимися пальцами с распухшими шишками суставов я пыталась набрать логин и пароль. Кто-то из нас нарекает себя Номадом, некоторые пафосно именуются Бесплотными Скитальцами, я же предпочитаю называть себя максимально близко к сути — Пассажир. Мы бессмертны в своём вечном путешествии, если, конечно, нас не настигнет отслойка сознания, но этого я допускать не собиралась. Пойти к психологу было хорошей идеей.

— А где Алекс? — улыбнулась Сандра на экране, но тут же её лицо стало излучать сострадание, и она осторожно продолжила: — О чём вы хотели бы побеседовать сегодня?

— Как мне найти себя? Как смириться с обычной жизнью? — Я говорила тихо, с сильным акцентом, старательно выговаривая слова на ранее незнакомом мне языке.

Надо отдать Сандре должное — с замешательством она справилась достойно и не спросила, не слишком ли поздно я спохватилась с такого рода вопросах.

— Возможно, иногда вам стоит разрешить себе быть собой, позволить чувствовать собственные чувства.

— Пробовала, нинья... — Я осеклась, обращение выскочило помимо воли, прокашлялась. — А потом прошлые я попадаю в психушку, разводятся и прыгают с моста, не говоря уже о рисках для меня. Только если я обычна, как буфетная моль — живу и не отвечиваю, то день пройдёт без последствий.

— Послушайте... Алекс. — Очевидно, Сандра не очень представляла, чем меня утешить, и поэтому заговорила гладко, как по учебнику: — Призывы быть особенным и непременно грести против течения давят на психику. Есть счастье в том, чтобы быть обычным, делать обычные вещи...

Она замолчала.

— И всё же, кто вы?

***

Следующий сеанс видеосвязи я запустила за десять минут до начала и нетерпеливо и раздражённо постукивала фиолетовыми ногтями, каждый из которых был длиной с палец, по пластиковой столешнице. Сандра всё-таки пришла, и, казалось, даже обрадовалась мне, и я не сдержалась (сегодня вообще мне было трудно сдерживаться, эмоции так и бурлили в теле), и слёзы брызнули из глаз.

— Как не привязываться к людям? Я хочу говорить об этом! — Сегодняшний мой голос был хриплым и срывался на визг в хвостиках фраз.

— Привязанность свойственна человеческой натуре, — начала Сандра, и я досадливо поморщилась. — Это нормальное и здоровое чувство, которое помогает людям строить долгосрочные отношения и обеспечивает чувство безопасности и уверенности в себе.

— Для меня оно крайне опасно!

— Однако, как и любое другое чувство, привязанность может быть слишком сильной или нездоровой, связанной с неудовлетворёнными собственными потребностями. Если мы не живём свою жизнь, подавляем собственные чувства, то мы пытаемся жить жизнью других...

Раз за разом она сворачивала на одну и ту же неприятную дорожку, но речь её текла умиротворяющим, целительным ручейком, и я думала о том, что Сандра — это первый человек в моей долгой жизни, с которым я встречался несколько раз.

— ...нужно учиться отпускать.

— Вам легко говорить, вы же психолог!

Она мягко рассмеялась.

— Психологи такие же люди, как и все, и в моей жизни тоже был тяжёлый момент, когда пришлось... отпустить. Да, получилось не сразу, потребовалось много работы, но теперь с уверенностью я могу сказать — этот момент позади.

Сессия вывела меня из равновесия. С одной стороны, желание вмешиваться в жизнь моих мимолётных носителей пропало напрочь, с другой — кочуя из тела в тело, обретая утром семью и друзей и навсегда расставаясь с ними перед сном, занимаясь любовью, подглядывая за соседями в окнах напротив, расправляя на коленях салфетку в изысканном ресторане, — мне чудилось лицо Сандры, она улыбалась, и на щеках появлялись ямочки.

***

Глаза мои открыты. Вниз от террасы из обожжённого на солнце кирпича уходит долина, вся в складках гор, и бежит каменистая тропа, стиснутая склонами. Небо не давит, а утягивает ввысь вместе с горными пиками в бесконечную невесомую синь. Хлопают полотнища на ветру: желтый — земля, зелёный — вода, красный — огонь, белый — облака, голубой — небо, и из храма долетает перезвон колокольчиков и тихое гудение молитвы. На мне бордовая накидка кашая, поток мыслей остановлен, и, как между разошедшимися тучами, сквозь этот поток открывается провал, за которым обнажилось чистое, свободное от любых мерцающих цепляний осознание. В теле я был не один — мой носитель не спал и вместе со мной наблюдал эту обнажённую простоту, которая лучилась теплом невообразимого сочувствия.

Брат уложил на пол высокую кожаную подушку, я попытался было встать, но подошедший лама остановил жестом и опустил напротив. Долго изучал меня сквозь чёрные очки — лето здесь настолько же жаркое, насколько холодна зима.

— Не отвлекайся, я говорю не с тобой. — Кажется, он обращался не ко мне, а к соседу по телу.

Кирпично-коричневая кожа на лице ламы выдублена ветрами и солнцем, он очень стар.

— Убежать невозможно, даже если бегать очень долго. Здесь, в жизни, у тебя есть наиважнейшая миссия, и у неё есть начало, середина и конец.

Он поднимается и уходит. Я предоставляю соседу осмысливать слова ламы — очевидно, ко мне они не имели ни малейшего отношения. Закрываю глаза, возвращаясь к медитации. Сегодня — хороший день.

***

Сессия началась с крика.

— Как ты посмел показаться, сукин ты сын?! — орала на меня Сандра. — Слез со своей крали?!

Я нервно сглотнул и ослабил галстук. Когда попадаешь в костюмчика, это всегда нервно.

— Это же я — Алекс, — начал я, но она не слышала.

— Ты придумал дурацкий карнавал с толпой клиентов, чтобы поиздеваться надо мной!

Она добавила бы много чего ещё, но подбородок её задрожал, и она разрыдалась. Кажется, «тяжёлый момент» Сандры так и не остался позади.

Отпираться не имело смысла, она ни за что бы не поверила, и я знал, что должен был сделать, что сделал бы сам костюмчик — я должен был выключить видеосвязь, уйти и не появляться в её жизни больше никогда. Я смотрел, как подпрыгивали её плечи, чувствуя, что знаю её — ладонями помню тело, мягкую шелковистость кожи, родинку между лопаток — и больше всего на свете хотел, чтобы она снова улыбнулась. Мне, не ему.

Курсор завис над красной кнопкой «Закончить звонок», я вздохнул. И сделал то, что обычно делают изменяющие жёнам мужья: покался, уверил, поклялся.

Потом мы с Сандрой гуляли по мокрому летнему городу с прилипшими к асфальту первыми жёлтыми листьями и пили вино на веранде нашего обычного ресторанчика. Телефон разрывался весь вечер, и я отправил в чёрный список надоедливую блондинку. Даже психологам нужен обычный ужин и обычная любовь, не говоря уже про меня.

***

Назавтра я была встрёпана и красноглаза и, орудуя зубной щёткой, ошарашенно рассматривала себя в зеркале. На периферии зрения вспыхивали глитчи, как на сломанном мониторе. Терминальная стадия отслойки.

— Позволить себе чувствовать, —
процедила я отражению, постепенно свирепея,
— дать хорошее завтрашнему я, научиться
отпускать!

Вернулась в спальню и сделала селфи с ещё спящим в моей кровати голым мужиком. Отослала фото в мессенджере на заученный вчера назойливый номер блондинки, а потом сделала то, чего не делала никогда — устроила отвратительный, громкий и пошлый скандал, выгнав мужика за дверь и швырнув вслед костюм.

Времени у меня оставалось до вечера, и в мой последний день я больше не буду убегать. Сегодня я, наконец, стану собой. Проходя мимо зеркала в прихожей, я улыбнулась, и у отражения на щеках расцвели ямочки.

Плач Ярославны. Анамнез. Анализ.

Виктория Кукушкина

Привезли глубокой ночью. Неровные углы города сменяют друг друга в стесненной панораме окна машины скорой помощи — без Фроси. Вид помогает Фросе настолько, чтобы без сомнений закрыть глаза. Неяркие вспышки отпечатанного фонарного слепка на собственной сетчатке спасают немногим больше, но воспринимаются легче. Она поджимает губы. Фрося уже знает, что перед тем как она прибудет на место, последние лепестки света разложатся до пустой темноты закрытых глаз. Тошнить уже нечем.

Юля довольно спускается с верхней полки, внизу никого. Удастся быстро, зато без стеснения доест вчерашний салат из контейнера. Поезд громко шипит, шумит, шикает. Пу-у-уф — выдыхают тормозные колодки. Чугунные внутренности трутся о сыпь московского гравия. Тусклый вокзальный перрон. Размытый шик нечеткой многолюдной жизнедеятельности. Юля не решается взять такси, даже не подозревала, что стоять может так дорого. Темнеет, делать нечего. Привезли глубокой ночью.

Анамнез. Рвота. Головокружение.
Нарушение зрения.

В палате четыре койки, и все пустые. Ни Фрося, ни Юля не могут вспомнить, кого положили первой. Время чуть-чуть съелось, зажевалось в металлических зубцах, так бывает, когда перекрывают доступ к кислороду, придавив горло холодным стетоскопом. Одна кровать была расправлена, будто кто-то сбежал. Фросе хочется снова провалиться в размытый тугой сон, Юлю все еще немного укачивает после поезда.

Кто-то из них проснулся. Было лето, в открытых окнах ужинающие семейства давно помыли тарелки и столовые приборы. Дневная жара уступает место ночной прохладе. Мессы лета способна служить только ночь. Кто-то вышел в коридор и остановился у приоткрытой двери.

Так в щёлочку — одним глазом — подсматривают в ящик Пандоры.

За дверью не было тихо, нет, даже не так. За дверью было очень громко. Выскользнувшая из проема медсестра вздрогнула, наткнувшись на стоявшую слишком близко девушку. Грубый, выделяющийся голос принадлежал высокому мужчине, который тонул в тени цвета венозной крови. Он ругался с тремя сотрудниками больницы, а на полу, на коленях, стояла девочка. Тонкие, словно лапки белого паука, ее пальцы сжимали и разжимали такую же бледную простынь. Ходившая туда-сюда тощая детская спина распрямлялась после немых криков, чтобы скорчиться при наступающем беззвучном вопле. Мокрые от слюны губы, с которых срывалось лишь хриплое сипение, мокрые от слез щеки. Летняя ночь отпевала лежащую на больничной кровати. Все вернулись на свои места.

Фрося проснулась первая.

Сестры впопыхах собрали ее вещи в чью-то сумку-мешок. Сорочка, два подрясника, зубная щетка, мыло, бельё, молитвослов. Нашла в складках маленькую иконку с Ефросинией Полоцкой, с которой она не расставалась после смерти матери. Фрося улыбнулась — не забыли, значит. На койке

напротив спала девушка, у тумбы стоял небольшой плотный сиреневый чемодан. На соседней – сидел мальчик в шортах и выцветшей футболке. Он не спал и что-то увлеченно разглядывал в окне, выгибая локти. Фрося провела руками по русой растрепавшейся косе, без апостольника было непривычно уязвимо. Повязала платок.

Фрося поставила иконку на тумбу, недоверчиво покосив взгляд на мальчика, и встала на колени.

Царю Небесному, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Пол пах хлоркой.

Юля проснулась, когда в палату вошел врач. Кто-то позвал не ее именем. На щеке остался длинный след от наволочки, Юля почувствовала, как сильно отекло лицо. Растирала щеки, слушала вполуха. На соседней койке сидела девушка и что-то читала, на тумбе стояла небольшая золоченая икона. Юля прищурилась, но очертания улавливались плохо. Симпатичная. Кажется, с крестом в руке.

Анализ. Общий мочи и кала. Анализ крови на гормоны.

Врач ушел, не обратив никакого внимания на мальчика. Юля не знала, как начать разговор. Фрося ненадолго вернулась к чтению.

— Меня Ефросиния зовут. Можно просто Фрося.

Есть в процессе знакомства что-то неизбежно неестественное.

— А меня Юля. — Она выдохнула и улыбнулась.

Нужно идти умываться. Начала подниматься с кровати, и вдруг все поплыло, она накренилась, похваталась за воздух, но вернула равновесие и удержалась. Подхватила косметичку и вышла.

Есть не хотелось ни за завтраком, ни за обедом.

— А как правильно называть то, чем ты занимаешься? — Юля сидела на своей кровати, сложив ноги по-турецки. Глаза плохо фокусировались на экране ноутбука. Нужно было ответить еще четырем клиенткам и придумать, куда перенести записи.

— Я послушница. Готовлюсь к монашескому постригу. — Фрося оторвала взгляд от книги.

— О, круто. Будешь монашкой?

Раздражение мгновением пробежало по телу, словно спичкой о коробок чиркнули.

— Да, монахиней.

Юля неуклюже улыбнулась.

— Извини.

Фрося, нахмурившись, вернулась к чтению. С каждой новой фразой глаза фокусировались на буквах всех хуже. В стационаре было тихо. После завтрака мальчик так и не появился, только незаправленная постель напоминала о его присутствии. Она потянулась за вервицей. Потерла большим пальцем черный узел.

— А ты чем занимаешься?

— Работаю косметологом в санатории у отца. Ну, знаешь, чистка лица, пилинг, мезотерапия, все такое, — довольно просияла Юля, собиралась продолжить, но во всем

Фросином облике заинтересованности не считала.

— Могу сделать скидку. — Юля предприняла последнюю попытку.

— Грешно это, да и никогда таких не понимала.

— Каких? Красивых? — неожиданно для самой себя съязвила Юля.

— Искусственных. — И через паузу добавила: — Вся слава дочери царя внутри. Псалтирь, глава сорок четыре, стих четырнадцатый.

— А что такого страшного в том, чтобы и снаружи, и внутри. — Юля опустила крышку ноутбука. — Быть красивой. Или это не слава? О какой славе речь вообще?

— Соблазнять чтобы?

— Да с чего соблазнять-то? Почему нужно обязательно для других, если хочется выглядеть хорошо чисто для себя. Ко мне девочки ходят и в возрасте, и молодые совсем, чтобы себе нравиться, а то, как мужики себя ведут — это уже их проблемы.

— Не знаю, как там твои девочки, — во Фросе все потемнело, — но им бы только в постель утащить, зачем еще. Глаза покрасят, юбки короткие наденут и ждут. Это прелюбодеяние, даже если в помыслах.

— Ну давай еще скажем, что насилуют женщин из-за того, как они выглядят и одеваются.

Фрося с трудом сглотнула. Вдруг онемевшей рукой схватилась за вервицу и принялась считать.

— Фрося?

Та отвернулась к окну. Дошла до креста, второй круг.

— Извини, если задела. Я не специально.

Юля совсем не так планировала свою поездку в Москву. Приходилось двигать записи. Извиняться. Отец ругался и все порывался приехать. Юля выпила уже две таблетки обезболивающего.

Фрося улеглась на кровать. В сердцах отругала себя за то, что вообще согласилась на скорую. Сильно хотелось обратно. Она бросила взгляд на освещенный синим сиянием ноутбука профиль Юли и утянула иконку с тумбы под подушку. Отвернулась к стене и уснула. Мальчик так и не появился. Четвертая кровать оставалась пустой.

Почему-то врач находил забавным то, что две пациентки прибыли в одну ночь с одинаковыми симптомами.

Анамнез. Головная боль. Системное головокружение. Двигательные нарушения.

Утренняя летучка. Пришли результаты анализов. У кого-то из них подозрение на опухоль. Стопроцентно покажет только МРТ.

Фрося выбежала из кабинета врача в слезах и заперлась в туалетной кабинке. Хочется вернуться, вернуться обратно. Зачем согласилась, обратно, обратно, очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. Таблетки? Глупость. Группы поддержки? Молиться, молиться. Сдернула с себя цепочку и отправила в воду. Тихий всплеск. Тихий всхлип. Разве такое дарят родители?

Тяжел крест, да надо несть.

Юля еще не знала, что между ней и Фросей было нечто общее. В таких ситуациях они обе про себя считали: только Фрося от десяти до нуля, а Юля от нуля до десяти. Иногда она позволяла себе досчитать до

пятнадцати, когда было совсем тяжело. Сейчас Юле было более чем тяжело, поэтому когда онемевшая пауза совсем затянулась, врач вытянул руку еще ближе, так что карта почти уткнулась ей в лицо, и Юля машинально взяла ее в руки. Вот бы и у Юли была своя вервица.

Было страшно. Они избегали друг друга, но пересеклись за ужином. Юле все еще не хотелось есть. Фрося села рядом.

— Ты не видела мальчика из нашей палаты?

— Неа, — даже не задумавшись ответила Юля, неуклюже разминая невнятную котлету. Индейка, что ли.

— Он был, когда ты ушла на процедуры, а потом опять исчез. Разве за ним не должен кто-то присматривать?

Юля устало потерла глаза. Воздух был сухой, весь день стояла жара, хотелось намазать лицо кремом, но он неприятно ложился на кожу. Кажется, состояние кожи — последнее о чем стоит переживать.

— Он наверняка с кем-то из родителей.

Фрося теребила отмытую серебряную цепочку.

— Ты кого-то видела?

— Ну, нет.

— В регистратуре сказали, что в нашей палате только мы сейчас. Откуда он вообще тогда взялся? Я тогда спросила, но он не сказал, как его зовут. — Фрося взволнованно посмотрела на Юлю, но во всем Юлином облике заинтересованности не считала.

— Может, поищем его? — Фрося предприняла последнюю попытку.

— Юля?

— Да чего он тебе дался?

Юля раздраженно поднялась и ушла в палату. Словно превращаясь в предмет, она перемещала себя по комнате, а глаза, как вычищенная пустая витрина, только возвещали о сознании. Не найдя чем себя занять, отвернулась к стене и уснула. Четвертая кровать оставалась пустой.

Анализ. Томография головного мозга.
Электроэнцефалография. М-эхо.

Снова наступила прохладная летняя ночь. У фонтанов кипит молодая жизнь, на скамейках — старая. Гуляющие под каплями дождя смеются, откусывая обнаженными зубами тишину.

Что-то заставляет Юлю проснуться, что-то будит, скребется в черепной коробке. Вокруг темно, в голове давит.

Темнота палаты ожила сиротливым, отчаянным возгласом. Юля открыла глаза и медленно поднялась с койки, движения таяли в тучном от криков пространстве и выходили какими-то заторможенными. Громко страдающий воздух был везде, и справа, и слева, был синим и черным, был холодом.

Отчаянно громкое, длинное и хриплое «а-а-а!» заходило ходуном спереди, в области шуршащей Фросиной кровати. Юля, в неясном расфокусе не глаз, но, кажется, самой способности воспринимать, споткнувшись обо что-то, все-таки дошла до чужой койки и уперлась руками в мятую простынь. На полу творился какой-то хаос.

— Фрось? — не то позвала, не то спросила Юля.

— Гх-н-н-т, — выпало болезненным комком звуков где-то совсем близко в ответ.

— Фрося, — повторила Юля уже сосредоточенной, щурясь и вытягивая руку, стараясь отличить тело от одеяла хотя бы на ощупь, пока перед глазами расплывались темно-синие тени. Зигзагообразные изменения в масштабе и пропорции тела танцевали свой танец.

Тонкая, льющаяся ткань постельного белья обдавала шарящую ладонь стальным холодом, пока рука не наткнулась на другой, шершаво-упругий холод.

— Гххх-а! — мгновенно разрежала воздух Фрося, судорожно поддаваясь вперед, неряшливо хватаясь за Юлин локоть и впечатываясь лбом последней в подбородок. Послышался болезненный щелчок одной челюсти о другую.

— Тц-ц!

— Не трогай, не трогай меня-я-а! — зачем-то верещала неудачно проснувшаяся девушка, которую уже никто не трогал.

Фрося, словно в бреду, повторяла одну и ту же фразу, суетливым животным металась по койке, путалась в одеяле, случайно задевая то лодыжкой, то локтем, то бедром Юлю, тут же отскакивая, желая отодвинуться подальше, и снова путалась.

— Не трогай!

— Да твою ж... — выдавила Юля. Фрося неуклюже прижалась к стене, бессознательно продолжая шевелить ногами, стараясь отползти еще дальше. — Да не трогает тебя никто, успокойся! — не выдержав, крикнула Юля.

Фрося замерла.

Чехарда беспорядочных движений исчезла, воздух тоже вдруг сам стал немым и пустым, будто резко вытянули сливную

пробку, и вся звуковая масса разом смылась в невидимый сток.

— Ты не папа, — сам себе констатировал тихий всхлип, — он везде, он в... куда мне... куда я... — тихое шуршание простыни.

Тень у стены медленно, словно гигантский корабль, сбросивший якорь, накренилась вбок. Широкие кости рук, чернеющие у стены, кажется, не принадлежали Фросе — были только её тенью или даже тенью тени. Все до неестественности вытянулось и искривилось.

— Я будто исчезаю. Он съедает меня, — всхлип и вздох, — а тошнит меня. От него никуда не сбежать, только бы не с ним... даже в приходе... вот бы вырезать его, как опухоль, прямо из мозга. Они сказали, что это называется... я не... юбилейный синдром. Я не хочу больше...

Юля вспомнила свой разговор с врачом. С опаской протянула руку вперед, не решаясь оторвать ее от поверхности одеяла и поднять перед собой. Осторожно нащупала чужую трясущуюся коленку. Замерзшая кожа покрылась мурашками, тело боязливо дрогнуло от чужого прикосновения и продолжило мелко дрожать.

— Ты нужна тут, — ответила Юля, — Не исчезай.

Она старалась прекратить ночной морок, медленно развеивая собственными пальцами, ладонями и кистями рук злые кошмары. От колена к тазовой кости, от таза к ребрам, от ребер к ключице. Едва касаясь чужого тела, смахивала последствия сомнамбулической истерики. Фрося вздрагивала от каждого спрятанного темнотой касания, но переставала дрожать, с возвращающимся спокойствием все больше и больше расслабляла скованные конечности.

Ощущение реальности вернулось к ним обеим: мерно раскачивающаяся из стороны в сторону тишина обрела свои неловкие очертания, потерявшая власть темнота

разбилась на множество маленьких кусочков, отступив внутрь отдельных предметов. Буря теней и стонов запечатлела себя в недавнем прошлом и тихо сменилась спокойным штилем.

Фрося опустила пустую голову к подушке, но та оказалась чуть дальше, чем нужно было. Сил сдвинуться с места не нашлось. Так она и лежала рядом с ней, прижав к себе колени. Рядом валялась иконка. Кончики русых волос едва задевали край наволочки.

— А тебе снится такое?

Юля шумно выдохнула. Фрося совсем истончилась и превратилась в маленькую белую девочку, беззвучно плакавшую у мертвого тела.

— Какое?

Она не ответила. Юле наконец удалось осмотреть еще недавно волновавший её пол. Она опустилась, чтоб подобрать разбросанные книги. Пахло хлоркой. Несколько страниц замялись, Юля напрягла зрение и разобрала узорчатое заглавие: книга Иова.

Неаккуратно сложенные книги с мятыми листами зашептали: мы здесь, чтоб ты нашла силы, чтобы нашла силы жить дальше.

— Ты слышала? — серьезно спросила Юля.

— Что? — спустя паузу непонимающе спросила Фрося.

Юля обернулась обратно к книгам. Те натюрмортом застыли в молчании. Юле совсем не хотелось сходить с ума.

Они обе замолчали, вторя немым, исцарапанным типографской краской страницам.

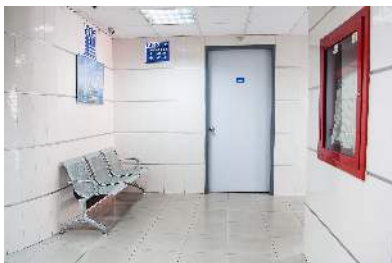
Когда спина окончательно задеревенела, а вслед за пальцами ног окоченели еще и ступни, Юля поднялась, стараясь не терять равновесие. Встав, задумалась сколько в итоге времени она тут провела, но не получалось посчитать даже приблизительно. Сколько времени ей осталось? Юля сделала первый шаг к своей койке.

— Уходишь? — вдруг раздалось в тишине.

Юля была уверена, что Фрося уже давно спит.

— Нет, — вырвалось. — Подвинься тогда.

Анамнез. Сексуализированное насилие.
Анализ. Аденома гипофиза.

Похождения Печенегина

Александра Костяева

Мне нравится ночь. С ней поступают новости, слухи и пациенты. А это на нашем предприятии единственное развлечение. Я лежу здесь пару вечностей в год: тромб не дает оперировать, а почки, как на праздники, водят внутри свои огненные хороводы. Каждый вечер после захода люминесцентных солнц волочу ноги в дальнюю коморку, где на боевом посту дежурят старые кресла-коляски. Сажусь в крайнюю правую, будто это хороший знак, и качусь до лифта, оставляя за спиной ровные ряды сонных палат. Два этажа вниз, по коридору до хвоста и в самую пасть приемного покоя.

Здесь сижу тихо. Не дышу, не двигаюсь. Рассматриваю каждое действие как в театре. Мимо провозят героев с разрисованными болью лицами. Я тоже таким бываю, когда почки зачинают свои ведьмины пляски. Потом приходит Зоя Петровна, заведующая нашим отделением, за ней молчаливые медсестры волокут целую столешницу препаратов. Зоя Петровна меня спасает. Укладывает мощными морщинистыми руками мою тяжелую голову, колет сразу два укола, гонит горькую воду по венам и укрывает колючим синим пледом. Движения рук, поворот головы — все в ней успокаивает, лечит. Смотрю на нее и засыпаю. Сплю беспробудно до самого утра и возрождаюсь, как феникс. Открываю глаза, а Павел Евгеньевич уже поджидает. Задирает свой главврачебный подбородок: «Опять на сквозняке сидели! Опять таблетки пропустили! Опять! Опять! Опять!».

И вот сижу ночью в первом ряду, провожая глазами кушетки, коляски и тех, кто может идти сам. Тенью встречаю гостей, как призрак отца Гамлета, пока кто из врачей не моргнет мне, мол, достаточно тебе тут, катись в палату. Недавно привезли старика, с

рецидивом вернулся мой товарищ Юрка, а потом приехала девушка.

Знакомая кушетка проскрипела мимо. Халаты и шапочки сбежались в круг, и за ними мелькнули пятнистые колготки прибывшей. Пока я выкручивал шею, пытаюсь рассмотреть хоть что-то, белые спины поставили заслон, спрятав за ним все происходящее. По привычке я развернулся к скамейкам. В этот раз на традиционно пустых сиденьях лежал белый пуховик. Всего в паре шагов от меня. Его караулила упитанная рыжая сумка. Она стояла на самом краю, разинув рот, и будто звала меня. Это был шанс узнать о новенькой. Найти что-то, потрогать!

Я поставил руки на колеса, но заволновался: вдруг увидят. Я ж не вор какой. А если там интересное что? А если там сигареты? Я подался вперед и тут же понял, что застрял. В стул на колесах я еле влез и теперь не мог пошевелиться. Схватился за потертую резину и со всей силы закрутил колеса. Трон мой разогнался и ударил без того хлипкую скамейку. Сумка потеряла равновесие и распласталась на полу, растеряв все свое содержимое. Свалилась так громко, что от страха я на миг перестал дышать. Но белые халаты все еще были заняты.

На протертом кафеле лежала зубастая расческа с деревянной ручкой, клубничная жвачка, блокнот с красными человечками и пачка «Мальборо». Я попытался подвинуться ближе. Я не знал, чего мне в тот момент хотелось больше: схватить сигареты или стянуть блокнот. Вдруг это девичий дневник с мыслями об ухажерах. Плохо это, но интересно. Курить мне все же хотелось больше. Даже внутри все сжималось, как зимой 1980-

го, когда я попробовал свою первую «Яву». Я потянулся к полу, но колеса давили по бокам. Зараза. Извиваясь, как пиявка, наконец вытащил тело из тисков. Мне нужна эта сигарета.

Прикусив губу, я согнулся в крючок и зажал «Мальборо» ладонями. Схватил, выпрямился и потащил ко рту, как бездомный — корку черного хлеба. Пачка пахла. Как же она пахла. Молодостью, радостью и грешностью. Большим пальцем я сдвинул верхушку и приготовился вонзить в сигарету зубы, но вместо сладкой затяжки вдохнул разочарование. В холл вошла Зоя Петровна. Увидев меня, она схватилась за седую макушку.

— Нехорошо, Печенегин, по чужим сумкам лазить, — сказала докторша, и ее взгляд влетел в меня, как камень.

— Да оно само брякнулась. Я поднять хотел, — нервно ответил я.

— Благородный мой, а вы что вообще в приемном покое делаете? — спросила заведующая и разом стребла распластавшиеся предметы обратно в сумку.

— Да... я вас искал, Зой Петровна. — Я ляпнул первое, что пришло в голову.

— Не надо меня искать, Печенегин. Я вас сама все время нахожу, то вы ночью по больнице бродите, то в сумках чужих лазите, то коляску опять взяли. Вы же ходите, Печенегин!

— Да я от боли взял, чтоб не мучиться... Проехал вот, не разгибался.

— А мы вам тут не проезжая часть! Проехал! У вас один маршрут — унитаз, укол! А вы в приемном покое крутитесь! — Она повысила голос и выхватила из моих горячих рук пропотевшую пачку.

— Да я ж не специально, вот заметил, тут все. И молодую такую привезли, бедную. Сколько ей?

— Девятнадцать, — бросила она и тут же будто очнулась: — Вот оно что! Вам вообще какое дело? Давайте о своем здоровье думать. До прогресса еле дотянули.

— Да куда мне думать, Зой Петровна, как скрутит, не шевельнешься. Но я курить бросил! Ради вас бросил! А она вот курит, бедная. Вы ей скажите то же, что мне сказали.

— Да что вы привязались к ней, это, может, не ее вещи, разглядели уж в сумке сигареты! Ну-ка, давайте, руки в ноги и назад. А вообще, слезайте с кресла, — резко оборвала она.

— Ой, не надо, Зой Петровна, ой больно сделаете! — Я завизжал, как бабкин теленок, и схватил ее руки большими ладонями.

— Печенегин. Возвращайтесь в палату. Завтра придет Павел Евгеньевич, и вас переведут. — Докторша отстранилась, и я вдруг заметил, что сумка как родная висит у нее на плече.

— Куда переведут? — разочарованно спросил я.

— Куда вам давно пора. — Она прижала сумку, схватила пуховик и пошла к двери, что вела к курилке.

По пути Зоя Петровна окликнула Аллочку. Тошная девица выскочила из кабинета и укатила меня обратно в отделение, навсегда захлопнув за нами тяжелые двери. Я так и не узнал ничего о девушке в пестрых колготках.

В 11 утра меня выписали.

Просто посидим

Елена Сагчукова

Когда началась война, они решили, что если объявят мобилизацию, он сразу уедет. Жена тогда сказала, что рожала двоих детей не для того, чтобы растить их сиротами. Он нужен им живой и вообще не отвертится, потому что она не собирается в одиночку воевать с сыном над домашкой по математике. Новости о мобилизации появились неожиданно, кажется, в среду, потому что была его очередь забирать дочку с танцев. С того дня время ускорило как минимум до второй космической. Обсудили план действий с женой, собрали вещи, он снял деньги в банкомате за углом, усадили и объяснили все ошарашенным детям, поругались с родственниками в ватсапе, он сел на такси и доехал до конца автомобильной очереди на границе с Казахстаном, отстоял пятьдесят часов в пробке без сна, уговаривал таксиста остаться, каждый раз скармливая ему по пять косарей. Прошел границу, сел на автобус, потом на поезд, потом на такси, потом на самолет. Пограничнику на вопрос «Цель поездки?» ответил унижительное и лживое «Туризм».

Он не мог остановиться и ходил по незнакомому городу часами, наткнулся на непривычные деревянные ставни ярко-голубого цвета, венки на дверях когда-то белоснежных домов, огромные раскидистые пальмы и развалины очередного древнего поселения, выхватывал куски вывесок на английском, кофе, фреш, сувлаки. Больше всего резала синь моря, она показывалась из каждого перекрестка, и у него сразу же слезились глаза. Жарко было настолько, что другие мысли и чувства задвигались на второй план, обезвоженный организм посылал сигнал бедствия, и в голове тупо стучало: «Как же жарко! Как же, блять, жарко!» Изредка он заходил в минимаркет по пути, доставал маленькую, с испариной, бутылку воды из

холодильника, немо протягивал ее кассиру, тот показывал стоимость на кассе и говорил заученные дежурные фразы, прекрасно зная, что его не слушают. Город кишел сувенирными лавками и туристами, солеными, румяными, неторопливыми. Он дичился этого, дичился их всех, старался переходить дорогу или заворачивать за угол, завидя соломенные шляпки с огромными, в пол-лица, солнечными очками. У него даже была отличная от них униформа: он ходил в плотных джинсах, спортивных кроссовках и черной футболке — что, учитывая особую кровожадность местного солнца, было сродни медленному самоубийству, но зато он не был туристом. На местного он, впрочем, тоже не походил. Когда он выбивался из сил или чуть не падал от солнечного удара, он возвращался в свое временное жилище, полупустую студию с разобранным диваном, и погружался в поток сообщений из всевозможных соцсетей и новостных каналов. Он не считал себя наивным, но каждый вечер жадно вбирал в себя многословные статьи, выступления политологов и экспертов, агрессивные и миролюбивые комментарии к новостям, лишь чтобы найти доказательство, что можно вернуться. Его не было.

В ...цатый день скитания он оказался беспомощен против жары и скрылся в тени арки градообразующего храма. Он сел на каменную скамейку и огляделся, людей практически не было. Старинный храм с высокой колокольней и многочисленными пристройками по всем туристическим параметрам проигрывал морю, которое кокетливо блестело, шептало и манило обещанием прохлады, легкости, забвения. Они собирались съездить на море каждое лето, но сначала надо было выплатить ипотеку, и отремонтировать дачу, и поставить брекеты сыну. Теперь же вина плескалась и искрилась в

нем, разливаясь его собственным бездонным морем каждый раз, когда взгляд выхватывал кусочек пляжа, усеянного лежаками, зонтиками и пестрыми полотенцами. Он огляделся в поисках таблички с названием, краем глаза выхватил St. Lazarus. Святого Лазаря, значит? Интересно, это тот самый, которого воскресил Иисус? Которому даровали новую жизнь? Лазаря, Лазаря — это имя заставило вспыхнуть полу-выетое временем воспоминание: жена сидит в постели, дочитывает книгу «кто-там Лазаря» и просит не выключать свет, осталось совсем чуть-чуть. Он тогда рывкнул на нее, сказал типовое «Мне завтра в шесть вставать на работу, можно хотя бы поспать спокойно?» Это была ошибка. Вспоминать — большая ошибка. Все это время он жил на быстрой перемотке, пытался не оглядываться, не анализировать и, главное, не вспоминать — иначе боль из одного маленького слова, из одного воспоминания разрастается в нем, пускает корни в сердце, голову, конечности, берет полный контроль над телом.

Он с тяжестью откинулся и уперся затылком в холодный камень храма. С закрытыми глазами легче видеть их: жена суетится на кухне и собирает пакет с едой в дорогу, сын пытается найти любимое видео на ютьюбе, чтобы показать ему, и смеется, дочка звонко выбила все карандаши из подставки, лишь чтобы достать один-единственный, нужный ей. Он сказал: «Такси будет через семь минут» — и поймал испуганный взгляд жены. Она мгновенно надела улыбку для детей и сказала: «Папа уезжает. Давайте посидим на дорожку». Дочка села к нему на колени и прошептала: «А ты мне привезешь что-нибудь?», сын не полез с объятиями, потому что «уже взрослый», но встал всего в десяти сантиметрах от него с такими большими удивленными глазами, явно не ожидал, что не успеет показать то ржачное видео папе. Жена села напротив, вся — тревога и страх, скрытые за обороной хрупкой улыбки, тянет к нему руку.

«Да, давайте. Просто посидим», — выдохнул он в жаркий хрустящий воздух.

Рождественская Звёздочка

Елена Антонова

Сколько я себя помнила, а на тот год мне уже исполнилось тринадцать лет, Звёздочка всегда жила у нас. Лошадка соловой масти цвета топленого молока, с белой жесткой гривой и хвостом. У неё были темно-янтарные глаза с лучистыми задорными искорками, которые не очень соответствовали её покладистому и смиренному нраву. На шелковистом бежевом лбу у неё было пятнышко в виде белой звёздочки. Поэтому в детстве я нисколько не сомневалась в том, что она — заколдованная принцесса. Без этой «принцессы» трудной была бы жизнь нашей большой семьи — у папы с мамой было трое детей. Я старшая, следом брат Николай и маленькая Настя.

Война началась в июне месяце, а в сентябре мы уже были под оккупацией, довольно близко от Ленинграда. Почти сразу начался голод. Люди собирали на колхозных полях брошенный урожай — капусту, картошку, турнепс. Папа с мамой тоже ходили. За это полагался расстрел. Многие, особенно семьи с детьми, старались уехать подальше от линии фронта, в немецкий тыл. Звали ехать и нас. Но судьба распорядилась по-другому. Немцы в начале октября забрали лошадь. Непонятно, навсегда или на время, дали за неё ведро картошки. Через полтора месяца, в конце ноября, перед самыми заморозками, Звездочка погибла — попала под артобстрел. Сосед видел — немцы прикопали её на поле, в воронке от снаряда. Вот мы и остались на месте, как Бог даст. Мало кто верил, что война будет затяжной — фашисты трубили о своей победе со дня на день.

До зимы как-то перебивались, но силы таяли с каждым часом. Все овощные запасы были съедены или обменены на хлеб.

— Папа, дай хоть один разок укусить хлеба. Я сразу уйду, не буду больше просить.

— Настенька, да нет у меня хлеба, ничего уже нет...

Голодная смерть очень страшная. Кому первому помирать — детям отдать последний кусок, так на кого они потом останутся. Совсем мы загоревали. Вот-вот и с постели не встанем, совсем обессилили. Как-то ночью слышу — встаёт папа, собирается куда-то. Инструмент вроде какой-то взял.

— Оля, — говорит, — читай молитву. Я пошел Звёздочку искать, она мне сейчас приснилась.

Я подумала, что он не может больше выносить этого — видеть, как мы угасаем. Думала — не в своём уме. Заплакала даже.

Сижу у окошка и смотрю, как папа идёт по полю. Очень далеко было видно всё вокруг — луна почти полная, звёзды светят. Комендантский час уже давно наступил. В любую секундочку могла раздаться очередь из автомата. Вспомнила тут, что папа наказал молиться, а молитв-то и не знаю никаких — я советская девочка, пионерка. Слышала только вроде присказки: «Господи, помилуй!». Ну вот и стала молиться так. Смотрю — папа остановился. Поняла, что рядом с воронкой, где Звёздочка закопана, там приметное место, камень большущий неподалеку на опушке. Тут я догадываться стала, зачем он пошел. Но молиться не перестаю — твержу и твержу. И тут случилось первое чудо — наступила тьма. Да! Совсем не видно ничего. Ни луны, ни

звезд. Ни папы. Всё тучей затянуло. И снег повалил. Как будто пуховый занавес всё закрыл!

Много времени прошло, или мне показалось, что много. Папа пришел совсем обессиленный. Николай к тому времени проснулся, а может быть, его молитва моя разбудила. Наверное, я громко Бога просила. Николай оделся молча и вместе с папой пошёл. Он всегда отцу во всём помогал, ещё задолго до войны папа руку покалечил. Носили понемногу — сил не было совсем. Много раз ходили. Пока всю Звездочку не принесли. А я всё твердила «Господи, помоги!».

Папа почти всё в бочку в снях положил. Только последний мешок у Коли под головой остался — он на нём уснул сразу, как только вернулись последний раз, прямо в тулупе уснул, не раздеваясь. А я не помню, как уснула. Только вот сквозь дрему видела, что мешок под головой у Николая светится, как будто там звездочки или светляки, а внутри довольно сильно сияет. И запах в доме такой!.. Как будто на кусок белого теплого хлеба мёду много намазали. Мне даже сладко стало внутри. Так и уснула. Сквозь сон слышу — папа тихонько говорит: «С Рождеством Христовым, детки!»

А утром полицаика Зинка Черткова забарабанила в дверь. Неподалёку от нас жила. Сама Зинка на смерть похожа — длинная костистая баба с маленькой головёнкой, словно облепленной паклей.

— Вы что всю улицу провоняли, смрад стоит — мимо не пройти! Что — помер кто? — с надеждой спросила она.

Мама у нас к тому времени давно не вставала, была совсем ослабевшая. Зинка её на дух не переносила. Потому что мама всегда улыбалась.

— Нет, Зинаида, у нас все живы, слава Богу!

— Пошёл ты! В бочке что?! — подняла крышку. — Х-ха... Понятно. Не зря зашла. — Бесцветные глаза Зинки потемнели, стали как оловянные ложки. — А знаешь, что за это полагается?

— Знаю. Расстрел полагается. Возьми, сколько надо.

Зинка решала, что ей больше нужно — нас под расстрел или мясо.

— Возьму, а то чё ж. Ещё зайду, посмотрим, что с вами делать.

Черткова забрала всё, что было в снях. И больше не пришла. Вот и второе чудо.

Папа вернулся в дом. Мешок, что под головой Николая вместо подушки был, остался цел. И всё, что было в нём — очень долго не заканчивалось. Мы окрепли, даже румянец появился. А еще — радость появилась и надежда. Мама не только улыбалась, но иногда я даже слышала её тихий смех. Прогнал Господь смерть от нашего дома. Вот сколько чудес.

Не хотела об этом рассказывать, да что уж там. Зинка Черткова померла. Говорили — отравилась мясом, вся почернела и распухла. Вроде такая жилистая баба была. Только злющая очень.

Вот такая история случилась с нами и нашей Рождественской Звёздочкой.

Свободное место

Анастасия Молчанова

Ладони предательски потели, ручка ерзала и никак не могла зацепиться за бумагу, на которой нужно было поставить жирную сизую подпись. Опытный графолог сразу бы узнал в этих скомканных, мелких, налитых чернилами буквах человека расчетливого, ушлого, осторожного. Именно сочетание «О», «П» и «А» на толстой проектной документации определяло дальнейшую судьбу Олега Петровича Анаанасова. Двести плотных, нагло сшитых красной лентой страниц подробно описывали торговый центр «Отрада». В середине сложно сплетенного текста спрятались нарушения, начальнику экспертного отдела было велено упустить их из виду, схалатничать, освободить место для застройки.

Неожиданное, словно птичья бомбардировка, которая, если верить народным приметам, к деньгам, задание упало на Анаанасова вместе с новым директором градостроительного комитета. «Надо расчистить!» — бодро прозвучало утром, отравив оставшийся день, а возможно, и жизнь начальника экспертного отдела.

Вырубке подлежала та самая роща, где Олег Петрович, тогда еще Олежка, гулял с Таней из параллельной группы. От счастья с длинной, скроенной на волейбольный манер однокурсницей отделяли десять сантиметров роста, и даже импортные ботинки на толстой подошве не спасли ситуацию. Олег посмотрел на массивные каблуки итальянских туфель, вспомнил Танину эмиграцию в середине пятого курса. От горечи и негодования анаанасовские сытые щетинистые щеки покраснелись, и невольно захотелось припудрить их детской присыпкой. Короткие крепкие пальцы отпустили юбилейную ручку,

швырнув ее к пирамидке проектной документации.

Он откинулся в мягком, обнимающем кресле, припоминая, как на студенческом субботнике в городской роще он увидел Танечку, бережно смазывающую стволы деревьев. В отличие от других, она не торопилась, а осторожно наносила белую известь на темную кору. Таня наклонялась, откидывала волосы, открывая маленькую родинку на шее, которая завораживала Олежку. Он почувствовал аромат побелки, смешанный со свежей краской бордюров и майским озоном. Весна. Сердце заегозило, ускорило ход, попыталось вырваться наружу, минуя атласную подкладку пиджака фирмы «Boss», и будто понеслось к молодым, зелёным широколиственным деревьям.

«Кажется, инфаркт... А нет, отдышка!» — подумал он, представив, как его мягкое, хлебное тело выносят из насиженного кабинета. Испекся, сторел на работе. Будут похороны, положат рядом с дедом, соберутся коллеги, родственники, однокурсники, возможно, из мэрии приедут, а Танечка так и не узнает о его трагической гибели.

Олег Петрович перекрестился, вздохнул, пощупал себя за холеные бока: «Нет, еще живой!» Отодвинул документацию, уставился в монитор, застучал по клавиатуре, ища в «Одноклассниках» Скворцову Татьяну. Ближе к вечеру была обнаружена Tatyana S. Страница закрыта, на маленьком фото женщина в шарфе, родинку не разглядеть, но, кажется, она. Бездушная социальная сеть предложила «добавить в друзья», ноздри Олежки воинственно раздулись от обиды на бесконечную дружбу.

Глотнув коньяка, подаренного застройщиками, он перешел в наступление, нервно набирая длинное сообщение. Вышло официально, будто должностная инструкция, обязывающая Танечку любить внезапно появившегося однокурсника. Он перечитал, поморщился, удалил, начал заново. Рабочий день подходил к концу, длинные коридоры загудели, коллеги рвались на свободу. Пробегающий мимо ананасовской двери директор заглянул, бегло выпалил: «Еще работаете? Успеете подписать до завтра?» — и растворился в стремительном потоке подчиненных.

Здание опустело, Олежа остался наедине с виртуальной Танечкой, которая, по его мнению, была одинока среди низкорослых итальянцев. Он нашел в шкафу вино из Тосканы, подаренное инвесторами, открыл бутылку, со знанием дела понюхал пробку, плеснул в кружку, выпил. Градус понизился, опьянение набрало обороты, клавиши застучали, эпистолярный жанр расцвел. Сообщение раздувалось на экране: «Татьяна, Таня, Танечка! Ты помнишь меня? Нашу рощу, деревья, побелку, экзамены, обшарпанные комнаты общежития, потерянную зачетку, сладкие болгарские ликеры, кричащие пунцовые гвоздики, провода...» Послание вышло длинным, несуразным, наполненным тосканским бредом и глубокой тоской. Олег Петрович нажал на кнопку «отправить», буквы сгруппировались, полетели по каналам шустрого интернета. Сообщение доставлено. Отправитель заснул в кабинете.

Ананасов проснулся от боли. Шея затекла в рабочем кресле, во рту пересохло, солнечный свет резал глаза, похмелье било по затылку. Он позвал секретаршу: тишина, семь часов утра.

Опомнился, снял помятый пиджак, включил потухший монитор. Тревожно зацокал по клавиатуре, открыл закладки. Приглашение в друзья принято, закрытая страница оголилась, показав свои прелести. Сотни фотографий, наклепленных по любому случаю, пестрели на экране.

Таня изменилась, но была узнаваема: широкая улыбка, густые волосы с проседью, изящная шея с той самой родинкой, которая теперь упиралась в длинную морщинку. Почти везде рядом с ней, дотягиваясь до плеча, стоял смуглый, коренастый Ромка Сеницын, когда-то учившийся на курс старше. Двое подростков на фотографиях были похожи на отца: такие же взбитые, как шарики сливочного масла. У сына на шее виднелось родимое пятно, которое выдавало родство с Танечкой. Семья красовалась на фоне холодных пейзажей Финляндии.

— Вот тебе Италия... — сморщившись, прошептал Ананасов, подвинул ближе пластиковую бутылочку «Аква Минерале», плеснул в лицо, умылся. Вода попала на грудь, залил рубашку, купленную в пригороде Милана.

Олегу Петровичу нездоровилось: по официальной версии, он проработал всю ночь и решил уйти домой до обеда. Коридоры были пусты, коллеги разбежались по кабинетам, уткнулись в мониторы, только начальник экспертного отдела после трудовых подвигов спешил домой. По пути он заскочил к директору, протянул проектную документацию, на последней странице виднелась жирная сине-черная подпись.

Спокойная ночь

Нина Симон

«Тем, кто ложится спать, спокойного сна...»

В. Цой

Вода в кастрюле постепенно окрашивалась в алый цвет. Анна закрыла кран и посмотрела на руки. Боли не было, да и кровь не испугала. Станным было другое. Она не помнила, как и когда порезалась. Вещи и события в последнее время часто играли с ней в прятки. Анна почувствовала себя усталой и расстроенной. Она знала, что друзья ушли расстроенные, и ощущала, как удушающее одиночество вновь чёрным пятном растекается внутри.

— Они взяли такси, — раздался эхом из глубины квартиры голос Максима. — Ты идёшь спать?

— Мне нужно ещё пять минут! — Анна постаралась, чтобы голос прозвучал нормально.

Кухонные шкафы, между тем, в притворстве Анны не нуждались. В поисках бинта она резко открывала и закрывала дверцы, вымещая на них накопившуюся за вечер злобу. С полок безучастно смотрели чашки из бабушкиного сервиза, доставшийся по акции миксер, просроченные смеси для приготовления печенья и баночки с приправами. В выдвигаемых ящиках лежали таблетки, пакеты, спички, перемешанные с зубочистками, шариковые ручки и даже золотые сережки, потерявшиеся около месяца назад.

Закончив исследовать последний шкаф, Анна нахмурилась. К досаде и гневу присоединилась обида. Макс как обычно пропустил её просьбу зайти в аптеку, поэтому лекарства от насморка для Сонечки тоже не было.

Маленькие красные капли проворно стекали по ладони. Анна вспомнила про косметичку в неразобранной дорожной сумке. Там оказался старый, ещё советский пластырь из маминого дома. Анна криво заклеила порезы, надела невзрачную, но любимую ночную сорочку, погасила свет и побрела в спальню.

Квартира растворилась в темноте, словно в вязком жирном бульоне. В детской громко сопела заложенным носом Сонечка. Максим был погружён в новостные телеграм-каналы. Его лицо, освещенное экраном телефона, казалось излишне бледным и каким-то ненастоящим.

— Не пойму я Асю, — нарушил тишину Максим. — Ладно Алик, всегда был сам по себе. Но Ася! Как можно вот так просто взять и разорвать отношения с родителями?

— Ага, — без интереса ответила Анна.

— Ты скажи Асе, что война — это временно, она закончится, а семья — она же навсегда!

Анне совсем не хотелось снова возвращаться к теме, нарушившей их вечер. Она держалась в стороне от новостной

повестки, и сейчас ей проще было думать о том, что приготовить завтра на обед или о покупке бинта и средства от простуды.

— Пойду проверю Сонечку, она так быстро уснула, — скороговоркой пробормотала Анна.

Максим насунился и замолчал, уткнувшись в телефон.

Сонечка крепко спала, обняв повидавшего жизнь кота Рика. Некоторые участки игрушки выцвели и превратились из серых в почти белые. Анна ласково погладила Сонечку и тихо вышла из детской.

В спальне Максим продолжал подпитываться злобой проплаченных комментаторов, но теперь делал это, отвернувшись от Анны. Она легла и безуспешно попыталась уснуть. Густой полумрак комнаты оголил чувство беспроглядного одиночества, которое Анна так старалась спрятать.

Скоро Максим отложил телефон. Спустя некоторое время его дыхание стало ровным и почти бесшумным.

Анна осталась наедине с собой и бессонницей. Мысли, бесформенные и тягучие, с одной стороны засасывали, с другой — лишали сна.

Иногда Анна играла в игру. Она подходила к окну в спальне и долго стояла, наблюдая за окнами соседей. Какие-то горели всю ночь. Какие-то гасли под утро. Анна представляла себе обычные человеческие жизни в квартирах, отделённых от неё и ночи стеклянными перегородками. Постепенно начинало клонить в сон. Тогда Анна возвращалась в кровать и спала уже до самого утра.

Она посмотрела на часы, которые тускло освещали комнату. 02:53. Пора начинать игру. Анна встала и подошла к окну.

Полная луна заливала молочным светом двор. Всё как всегда, но в то же время иначе. Исчезло привычное ощущение обыденности. Дом напротив смотрел на Анну чёрными глазницами окон, внушая необъяснимую тревогу. Нигде не было света. Анна решила постоять ещё немного, прежде чем предпринять новую попытку уснуть. Двор выглядел тихим и безмятежным, но в то же время пугающим.

«Просто все спят, и мне пора», — подумала она.

И в этот момент двор озарился ярким светом. Анна поймала взглядом всполохи, обрушившиеся на соседний дом, и инстинктивно закрыла лицо руками. В следующее мгновение окно в спальне разлетелось на сотни осколков.

Понимание происходящего настигло Анну. Это была ракета. Такие видео много раз показывал ей Максим. Надо бежать, спастись, следующая цель — их дом. Она не знала, откуда у неё эта чёткая ясность, но времени на размышления не было.

Анна подхватила Сонечку, всё ещё крепко обнимавшую Рика, крикнула что-то Максиму и босая выбежала на лестничную клетку.

Пыль и дым застилали глаза. Дом тряхнуло. Плач детей, беспомощные крики взрослых, отчаяние и паника. Анна прорвалась сквозь стонавшее на разные мотивы вавилонское столпотворение и свободной рукой нажала на кнопку лифта.

— Аня, ты с ума сошла, это двенадцатый этаж! — Появившийся рядом Максим схватил её за руку и потянул в сторону лестницы.

— По лестнице мы не успеем, — прокричала в ответ Анна. — Лифт уже здесь!

— Аня, нельзя, что ты делаешь?! — Максим не сдавался, но она выдернула руку из его мертвецки холодных пальцев и забежала в

лифт.
Металлические двери закрылись, оставив хаос где-то далеко. Анна зажмурилась и выдохнула. Безопасная тишина мягко окутала всё вокруг. Время замерло, а вместе с ним и любое другое движение.

Слишком тихо, слишком долго.

Анна открыла глаза и поняла, что лифт стоит на месте. Наверное, она забыла нажать на кнопку. Анна потянулась к панели, и в тот же момент её раздавил безысходный ужас.

Руки, только что обнимавшие Сонечку, были пусты.

Этого не может быть! Максим успел выхватить ребёнка? Или она сама отдала ему дочь?

До конца не понимая, что произошло, Анна посмотрела на свои ладони, изрезанные осколками стекла. Капли крови со звуком падали в воду, окрашивая её в алый цвет.

«Надо закрыть кран», — подумала Анна.

Сцена

Анна Лосева

Парк. Кое-где горят фонари, на лавочки медленно опускается пыльца — то ли снег в своем самом воздушном воплощении, то ли просто пыльца, что блестит и переливается, как только касается освещенного места. Где-то совсем рядом слышатся голоса. Поворота головы хватит, чтобы увидеть двоих. В полной ночной тишине слова отлетают от каждого голого дерева и непременно находят твои уши.

— Мы виделись с тобой последний раз лет десять назад, да? — Первым твоих ушей достигает веселый женский голос. Его хозяйка стоит у двери ресторана — точнее, как тебе кажется, совсем не ресторана, а картонной стенки, декорации ресторана, — скрестив руки так, чтобы ветер не раздувал черное пальто.

— Да, 20 ноября. Тогда неожиданно пошел снег, а ты была без шарфа и перчаток. Прямо как сегодня... — Вторым актер этой сценки — мужчина, он говорил чересчур медленно, задумчиво, как бы только вживаясь в свою роль. — История повторяет сама себя.

— Ты помнишь, во что я была одета? Мы все стареем, а ты все развиваешься. Вот везунчик! — Она улыбается своим же словам. Лицо ее, ушедшее из-под прямого света фонаря, на миг меняет молодость на морщины. Она совсем не обращает внимания на своего собеседника, который, словно статуя, неотрывно смотрит на нее.

— Не то чтобы развиваюсь, старею, как и вы все. Я памятью никогда хорошей не отличался, но есть вещи, которые запоминаются сами по себе.

— Сами по себе? Многое забывается само по себе, а чтобы запомнить, надо усилия приложить. Или придавать этому большое значение. — С неба продолжал валить снег в больших количествах, как будто ответственный за пыльцу человек поскользнулся и скинул на сцену лишнее ведро белого порошка, но ее он интересовал не больше, чем взгляд собеседника. Девушка опустила голову и прикрыла глаза. Задумалась.

— Я помню, что на тебе было в тот вечер. И погоду помню. И даже... — Закончить фразу ему не удалось. Девушка резко развернулась к нему и за один шаг сократила расстояние между ними. Ее лицо, что сначала было серьезным, расправилось, на губах появилась рассеянная улыбка. Добавился еще один прожектор, и пара застыла в кружке света.

— Том! Ну конечно, как я могла забыть, — смеется, радуется, что еще не попала под действие времени и не стареет, как ее друзья и подруги. В этот момент румянец на ее щеках делает из нее совсем молоденькую девочку, а волосы будто бы легкой волной украшают овал лица. Фигура рядом с ней оставалась на своем месте.

— Нет. Думаю, вы меня с кем-то путаете, — Его голос меняется. И все вокруг, как по щелчку, меняется вслед за ним: где-то вдали свистит ветер; снег, что казался искрящейся пыльцой, начинает больно колоть щеки; фонарь, у которого ты стоишь, теряет свое спокойствие и непрерывно мигает, будто кричит о помощи. Девушка тоже застывает. Она внимательно следит за тем, как человек, стоявший с ней, теряет последнее, что хранила ее память о нем — его лицо.

— Ах, да... значит, ошиблась, извините. Столько людей встречаешь за свою жизнь, со временем все стирается. — Она уже не ведет диалог, ее слова направлены на то, чтобы оправдать себя, объяснить себе, почему имя не совпало с лицом. — Тогда, может...

Девушка вспоминает, пытается вспомнить, она же на сцене, у нее есть текст, что был заучен много лет назад до

идеальности. Однако тебе очевидно — она ничего не сможет вспомнить. Даже название пьесы, и то забылось, а что уж говорить о таких мелочах, как имена. Человек напротив больше не имеет значения, он перестает существовать, как действующее лицо, а превращается в повисшее на вешалке старое пальто. Она остается на сцене совсем одна, спектакль окончен, а на земле у ее ног лежит стопка бумаги, исписанной мужскими именами.

Точка сборки

Елена Кулигина

Шесть километров у моря, где время давно отменили, дикое место Утриш. Аборигены знают: Вавилон, грохочущий город, это плохо пахнущий сон. Правда здесь: галька, волны, синяя тишина. Как настойчиво лепечет море. Оно наступает на пальцы. Гложет камни, перекатывает их гладкие леденцы. Много разноцветных блюд на подносе берега. Вот чайка устало машет крыльями. Днём они летать не смеют, кричат и дерутся в лагуне. Бело-черные цветы на пальцах голых камней, что торчат в море, уходя отражением в глубину неба. Скелеты деревьев становятся солью.

Гора укрыта от солнца, как мхом, темной шубой из колючих можжевелей. Индейцу с дальней стоянки хорошо видны две запятые на краю земли. Они шевелятся, встают вертикально и движутся к воде.

Вода — зелёная, шипящая, холодная. Пока она отступает, успеешь увидеть картины внутри: крабы, водоросли, древние клады, раковины, чернота. Шлепаясь, волна заглаживает все. Вспомнив что-то вдруг, море бросается к драным коленям — капая слюной, харкая пеной. Оно щекотно взбирается по бедру, из его пасти тянет сыростью. Люда улыбается, едва раздвигая челюсти. Как она устала!

Лагуна — голая десна берега, укусившая море. Всего лагун пять, эта последняя у поселка Малый Утриш. Еще долетают запахи цивилизации от мусорных баков, жареных мидий, пролитого на камни пива, костра, жженные покрышки и гарь от застрявших джипов. Но все закончилось миллионы лет назад, ладонь моря стирает любые следы.

Задача была проста: взять в поселке пять булок хлеба и назад в лагерь.

Кот и Люда опаздывают. На втором углу от бетонного склепа, рядом с пляжем, поворот резко налево в маленький двор. Блестящий плечами грек в тени древних фисташек и лохматых инжирных деревьев разливает вино. Ее смутила тайна превращения черного бархата виноградной грозди в рубиновый сок, что привлекает мух, лечит тоску и отменяет планы. Тугая влажная бутылка не входила в рюкзак.

Потом женщина в ларьке сказала, что кондиционер еле дышит, уже сорок три градуса. Даже ветер с моря не спасает.

Кот поправил истлевшую повязку на голове:

— Мелкая, дальше не пойдём! Перерыв, давай купаться.

Ухмыльнулся, сверкнул дырой бывшего зуба:

— В лесу первый закон: береги здоровье, спи после обеда и всегда иди к морю.

Бросился вниз, широко прыгая на горячей гальке, разбрасывая вокруг остатки рваного прикида. Белье на лагунах не принято. Но ей неинтересно, что глядеть на его мошонку. Как она пережила этот июнь? Сейчас — лишь бы дышать научиться, выйти из железного круга горя.

Достала зеркальце — простой женский жест. Удовольствия ноль. Понятно, вокруг глаз гусиные лапки — крем от солнца она не взяла. Кожа в рябых точках, складка у рта упрямо вздернута — мол, отойди! Личина красная, на солнце облезла — ну и пусть, так неудачнице и надо. Взгляд прямой, но какой-то растерянный, а глаза — серые, в крапинках и постоянно сочатся слезой. Здесь можно сказать, что песчинку ветром задуло... нет-нет, уберем это все подальше. И руки треснули, кожа у ногтя воспалилась и нарывает.

«Помру я скоро, туда и дорога», — даже весело думает Люда. Глянула на воду — если прищуриться, можно отыскать темную спину своего спутника. Однажды она видела: на таком же расстоянии, метрах в двадцати от берега резвились, ныряли дельфины — тоже черные, упругие, быстрые. Тогда весь их лагерь волонтерский — человек тридцать — замерли, даже ложки побросали, не доев завтрак.

— Как ты так плавать научился? —
немного позже спросила она.

— Мелкая, фу! Ничего такого, — буркнул Кот. — Просто я говорю с волной на ее языке.

— А еще какие языки ты знаешь? —
странно, разговорился.

— Ну, еще языков пять, разговариваю, — неохотно признался бродяга. — Я же ветер! В Париже два года жил, по Европе странствовал, два года в лагере для беженцев в Румынии. С животными могу, с растениями. Когда надоело бродить, в Москву вернулся. Выучил язык компьютеров, фирма была. Пять лет жил королем. Но как-то все рухнуло. Партнер ушел, долги остались. Суды, налоги, все счета арестовали. Жена не дает с детьми видеться.

Рассмеялся черным ртом:

— Кроссовки купить не могу, глянь!

Обувь Кота просила о милости. Одна подошва сломана пополам, хлюпает трещина с

палец. Вторая зависла на ниточках, резина сияет дырами. Из развалин жизнерадостно высовывается грязная ступня, покрытая запекшейся кровью. Люда поежилась, представила, как этот дурень шагал по раскаленной гальке.

— Тридцать километров от аэропорта прошел! — похвастался путник. — А билеты мне друг купил, я пустой.

Девушка сглотнула:

— Давай, тебе денег дам? Или хоть вот, резиновые сланцы в ларьке купим. Самое то камни топтать, или ты йог?

Пустой йог усмехнулся:

— Я люблю хорошую обувь. Прошлые тапки тысяч двадцать пять стоили, кажется. Чтобы дышали и ноги сами шли. Да не парься, шузы придут. Надо только настроиться на Инь.

— Это как?

— Надо уметь принимать. Совместить, как в прицеле, крестик своей души с сутью желания. Постараться понять, увидеть, заговорить на языке этого, отдать и взять одновременно. Женщинам проще, это их дар. Ты — девочка активного Ян, но сейчас сила и деньги не важны. Мир сам все приносит. Что ты хочешь, Мелкая?

Она прокричала свою историю, захлебнувшись болью. Умер муж, три недели назад, на руках, так бывает. Молодой, не пил он совсем. Почему-то гепатит, печень за год сгорела, конечно, лечили. Он предприниматель был, стресс, ну ты понимаешь. Квартира на родителей его, даже угла сейчас нет. А главное — ужас, пустота.

— Я повисла, как на ниточках в бездне, — почти улыбнулась Люда. — Понимаешь, не

могу сосредоточиться ни на чём! Себя виню,
его, родителей, жизнь!

Бродяга положил руку на лоб:

— Гляди на море. Просто чувствуй Инь,
твою настоящую энергию. Это точка сборки.

Вода танцевала и слепила. Блики
перетекали в странные картины, им помогали
облака. Звон в ушах превратился в далекий

красивый мотив. Голова упала, стала тяжелая и
пустая.

...Она спала на рюкзаке, укрытая курткой.
Проснулась под вечер, море уже темнело. Кота
не было, рюкзака с хлебом тоже. Люда бежала,
перепрыгивая камни. Какая незнакомая
легкость!

В лагере сказали, что молчаливый парень
ушел. Нашел кроссовки у берега, туристы
оставили. Как раз ему подошли.

Туга. Поближе

Ашот Оганесян

В аудитории факультета теоретической физики серо и стыло. Возле кафедры старый лектор: волосы его белые, лицо почти библейское. Борис Львович всегда спокоен, ибо «только в тишине души можно познать тайны природы, что есть первейшая задача всякой науки». Спокоен он и сейчас, когда за окном мелькают смутные надежды нового времени. Впрочем, кран на стройке через дорогу не шелохнулся все три года, что я здесь.

— Друзья мои, — глаза лектора обводят сонных студентов, — наша профессия в числе редких: ученый может создавать то, чего в мире прежде не было. Такое доступно разве что художнику.

«Ага, в числе редких. Нормальная зарплата тоже коллекционная ценность. На что жить? Мрачно жевать светлые идеи? Куда я пойду со своей атомной физикой?»

— Но самое главное — будьте себе верны. Иначе Он, — выглядящий апостолом ученый указывает пальцем вверх, — не допустит вас к своим тайнам.

Вдруг кран за окном приходит в движение. Странно: груз движется вниз, а стрелы не видно. Присматриваюсь. Туман воспоминаний медленно рассеивается. Из окна своего кабинета на двадцать первом этаже небоскреба Москва-Сити я вижу, как на площадку напротив садится вертолет бизнес-авиации. Прибывающего встречают трое и «майбах».

Стук в дверь: Ася принесла кофе и тихо вышла. Я встал, сделал пару шагов и

споткнулся о флипчарт. «Твою мать! — пнул его ногой. — Чего бесишься? Вице-президент огромной компании, деньги, секретарь... Нет, все тебе не так! По научному поиску тоскуешь, горизонта не чувствуешь? Душно?!»

Телефон.

— Через пятнадцать минут совещание. — Ася безупречный помощник.

— Да знаю я! — рявкнул в трубку.

— Извините.

В плазме на стене вижу свое отражение: «Крутой! А в глазах сплошное “пожалуйста”». Поднялся с самого низа — и тупик. Неужели единственный смысл всего — постоянный рост уровня жизни? Не веришь? Вали! Зачем впрягся в игры с новой оргструктурой?»

Экран вспыхнул: Ася подключает участников. «Логин» — возникло на месте моих глаз. «Логин, а не человек. Функция, а не личность. Не могу больше! Что я скажу своим? Что не хочу получать отличные деньги? Что мне тошно? Бред... Нееет, бред — это пройти мимо собственной жизни. Что я скажу Ему?»

***

Шестидесятый этаж, стол, табличка —
установленный уголком лист А4. С обеих

сторон крупным шрифтом мои имя и фамилия. Перед каждым членом комитета аналогичные. Одинаково почти все: стулья, ноутбуки, костюмы, даже лица имеют что-то неуловимо общее. Лишь собственные имя и фамилия на табличке дают шанс не забыть, кто ты. Сколько у меня таких комитетов... Многочлен! Лагранжа? Усмехаюсь.

— Коллеги, есть вопросы или единогласно? — спрашивает председатель.

В зале напряженно и тихо. Кто-то кивнул, кто-то сменил позу, но все молчат.

— Кирилл Евгеньевич, разрешите? — Я поднял руку.

— Ах-ха, как же без вас! Давайте-давайте.

Докладчик попытался ответить мне, но быстро «поплыл»: привычная готовность на его лице сменилась тревожной покорностью.

— А почему вы не спросили это раньше? — ядовито уточняет у меня председатель.

— Я спрашивал. Ответов не получил.

— Мне докладывали, что на ваши вопросы ответили. — Глаза другого члена комитета сулят мне жесткую «ответку».

— Мы не все успели внести, но готовы взять поручение, — залепетал докладчик, опередив меня. Как обычно, никаких «я», только безличное «мы».

— Не надо! Принимаем большинством голосов. — Председатель раздражен. — Своих людей я прошу готовиться лучше, а вас, — смотрит на мою табличку, — содействовать в решении общей задачи.

— Повестка исчерпана, — сообщает секретарь.

Вскоре остаюсь один. Беру табличку, приглаживаю линию сгиба, уголок, другой — движения из детства легко превращают лист в самолетик. Разворот в кресле, пуск! Мой истребитель взмывает, замирает в верхней точке — вся Москва перед тобой, лети! — и, резко пикируя, ударяется в панорамное окно. Самолетик со смятым носом мелко подрагивает крылом на решетке радиатора.

***

«Все подчиненные как люди, а этот... Предметом владеет, но что за манера: не докладывает, а мораль читает. Мол, цифры цифрами, но бизнес-модель “без горизонта”! Я и без него знаю! И все мои знают, но тихо делают свое дело». — Валентин Исаевич вздохнул и зажег сигарету.

Обычно рано утром начальник не вызывал. Я постучал и заглянул в кабинет:

— Здравствуйте. Искали?

Исаич курил, развалившись в кресле. Сигарета явно была не первой — книжный шкаф за его спиной с рядами нетронутой русской классики, подобранной по цвету корешков, затянуло легкой пеленой.

— Садись. Как жизнь? — Он выпустил колечко дыма.

— Не жалуюсь.

— А зря. Все жалуются, а ты нет, — усмехнулся Исаич. — Кирилл звонил. Ты один проголосовал «против» на комитете.

— Да, председатель был недоволен. Но докладчик не ответил ни на один вопрос.

— А их кто-то задавал, кроме тебя?

— Нет.

— Почему у других нет вопросов?

— Не знаю, это их дело. Я не поддерживаю решение, которое не понимаю.

— Мы все в одной лодке, причем подводной. Куда ты с нее денешься?

— Разве на ней так тесно, что нет места принципам?

Исаич сжал губы и неожиданно яростно затушил сигарету.

— Пойми, бизнес — это искусство договариваться. Ты все время поступаешь по-своему.

— Если я сегодня буду поступать по-Юрьевому, а завтра — по-Вадимову, то кто тогда я сам?

— Кто я сам... — медленно повторил Исаич, вперив взгляд в чашку. — Ладно. Иди.

***

«Вы уверены, что хотите завершить работу?» — вопрошает компьютер.

— Абсолютно уверен! — Резко бью Enter. Экран погас. «Иногда выход — это шаг в темноту», — мелькает мысль, пока я надеваю пальто. Убегу сегодня пораньше.

Телефон. Ася:

— Валентин Исаевич назначил срочную личную встречу через час.

Безразлично разматываю шарф, снимаю пальто. «Предложит расстаться? Хотя у меня хороший проект. Повысит? Тогда я погиб. Нельзя так. В большом бизнесе не место бунтарям, которые сами не знают, чего хотят. Но в попытке понять, что я хочу, я скоро перестану вообще чего-то хотеть. Иногда достаточно знать, чего ты точно не хочешь. Отдам проект и уволюсь».

Скоростной лифт несет к начальнику: быстро взлетаешь, быстро теряешь. Деньги, должности, принципы... «Самое главное — будьте себе верны. Иначе Он не допустит вас к своим тайнам». А я все-таки хочу поближе туда. Спасибо, Борис Львович.

Кабинет с книгами, стол, окно, набережная. Вертолетная площадка от Исаича не видна. Зато виден Дом правительства — как горизонт и как предел. Эффект маятника: чем выше ты на ниточке, тем меньше у тебя амплитуда движения. Я уже прилично дальше середины: то ли стремиться в вертолет, то ли возвращаться в метро.

— У нас непростой разговор... Я тебе благодарен, ты отличаешься от большинства. Но я хочу, чтобы твое место занял другой человек. Мы обеспечим... — Валентин Исаевич и смотрит и не смотрит на меня.

— Не продолжайте. Торговаться не буду. Здесь мой проект, он не зависит от личностей. — Я протягиваю папку.

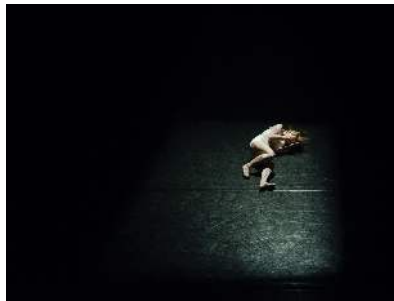
— Благодарю. Условия будут соблюдены с полным уважением. — Начальник крепче обычного жмет руку.

***

Двумя неделями позже стою на набережной. За спиной башни Москва-Сити. В портфеле копия обходного листа — не пригодилась. Достая. Машинально сгиб, уголок — готово! «Задолженности не имеет» —

девиз на левом крыле. «Пропуск сдан» —
вторит косая надпись на фюзеляже. Пуск!
Самолетик взлетает над рекой и,

подхваченный порывом ветра, взмывает
ввысь. Вскоре он уже неразличим на фоне
светло-серого московского неба.

Ты — куриатка!

Дарима Жапова

— Я помню, ты — куриатка!

Мистер У очень доволен собой. Он не поленился вычитать в книге о том, что этот малочисленный народ также проживает в Китае, в провинции Внутренняя Монголия.

— Бурятка! — улыбаюсь в ответ.

Все-таки не все идут дальше своего удивления и находят книги про бурят. Я привыкла, что в Китае меня часто принимают за свою, пусть и не звучу как диктор CCTV. Ведь много этнических китайцев проживают в других странах и говорят с акцентом на путунхуа. Это внешнее сходство намного облегчает жизнь: на рынке не суют под нос дешевые ролексы, чаще радуешься удачным покупкам, поставщики стоворчивее, да и гуляешь спокойно по ночному Гуанчжоу.

Но в Москве это сходство окрашено в другие краски. Лет двадцать назад, когда я только переехала из Улан-Удэ, бывало, мне бросали в спину презрительно: «Китайка». На что я велась и обязательно исправляла: «Китайка — это шелковая ткань, а еще сорт яблок». Но такой урок не прокатил бы со скинхедами.

Однажды после работы мой муж с другом зашли в вагон, а там скинхеды. Так что до следующей станции им пришлось отбиваться, точнее сказать, отпинываться, держась за поручни. «Эти три минуты длились вечно», — хохотали они позже, а я так перепугалась, что невольно стала сканировать вагон, перед тем как сесть в него.

«Таких» я чуяла за версту. Правил было несколько: поздно вечером не спускайся в метро, никогда не садись в электричку, помни день рождения Гитлера и, начиная с 2005 года, в День народного единства сиди дома, чтобы не наткнуться на марш русских. Кстати, только в 2022 году марша не случилось, теряюсь в догадках, что могло испортить эту «добрую» традицию?

К проявлениям враждебности мирного характера я со временем выработала философское отношение. Не сдали квартиру из-за «неславянской внешности»? Ладно, значит, не мой вариант. Соседка снова плевала с балкона и орала на всю Шарикоподшипниковскую «понаехали, кровавые ублюдки»? «Себя же и заплевала». — Я привычно хмыкала и продолжала громко рассказывать что-то забавное, лишь бы сквернословие не долетело до ушей моих племяшек-школьниц, которые впервые в столице на летних каникулах.

В каком-нибудь учреждении сотрудница недовольно заполняет документы? Пускаюсь в объяснения, что из-за детской смертности раньше нарочно давали сложные имена и даже откровенно непривлекательные. Неужели это этнографическое открытие может как-то повлиять на человека? Но я по природе упертая. И даже пытаюсь пошутить, мол, мне повезло, у отца двойное имя. Ведь считали, что длинное имя сулит долгую и счастливую судьбу. В то время давали такие имена как Нохой (Собака), Шоно (Волк), Улэмжэ (Пусть останется), чтобы отпугнуть злых духов и уберечь младенцев от смерти.

Но нечистая сила может подкараулить в любой момент. Один из самых шумевших

случаев произошел в феврале 2004 года с лучницами в Орле. Юные спортсменки приехали на всероссийские соревнования из Бурятии. Вечером, когда они возвращались в гостиницу, на них из-за угла напала группа бритоголовых с криками «Россия для русских!». Девушки бросились врассыпную. Пятерым удалось убежать в гостиницу, а трое попались. Их повалили на снег и стали бить железными прутьями и пинать тяжелыми ботинками с набойками. «Когда меня третий раз пнули, я подумала — все. Единственная мысль: как меня домой повезут, в гробу или как пепел», — рассказала потом семнадцатилетняя лучница, которая чудом осталась живой.

Начнешь вспоминать ксенофобские случаи, так соберется довольно внушительный список. Без психолога и не разобраться. Страх ведь незаметно расползается по всему телу и отравляет жизнь. Особенно когда теряешь подругу.

«Люда, ты где?» — отправляю очередное сообщение. Накануне мы договорились съездить в ИКЕА за настольными лампами. Я приехала заранее на место встречи. Звоню-звоню, а она не отвечает, хотя ее смена уже давно закончилась. «Может, телефон дома забыла?» Через час решаю сходить к ней домой, в то время она снимала квартиру на проспекте Вернадского.

Зимой в Москве дни короткие. В пять вечера темно, будто глубокой ночью. Люда никогда не опаздывала на встречи, и если бы планы поменялись, то обязательно предупредила бы меня. Иду и шепчу без остановки «Ом мани падме хум», лишь бы прогнать тревожные мысли. Вот и дом Люды. Снова звоню ей по телефону и вдруг слышу знакомую трель... рядом с мусорными баками. Сердце мое бешено колотится. Впереди темное пятно на снегу. Вдруг наступаю на что-то мягкое. Наклоняюсь — вязаная шапка подруги. Срываюсь с места. Люда!

Она лежит, словно мертвая. Дрожащей рукой касаюсь шеи — есть пульс! Затаив

дыхание, прислушиваюсь и улавливаю слабый стон. Кричу истошно: «ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ!»

Подбежал мужчина, вызвал скорую, потом мы вместе осторожно оттащили Люду от мусорных баков поближе к свету. Ее голубое пальто разодрано, испачкано грязным снегом вперемешку с кровью и окурками. Лицо изуродовано ссадинами и глубокими ранами. Багровая кровь липкой густой струей разливается по ее длинным черным волосам. Я шепчу: Люда, намай дуулана (слышишь меня?). Но ее глаза плотно закрыты. Я пытаюсь сдержать слезы, но они текут сами по себе.

Как будто вчера случилось это зверское убийство. Три дня Люда боролась за жизнь в реанимации. Несколько раз приходила в сознание и снова впадала в кому. Она смогла описать полицейским, кто на нее напал. Их было трое. Били обрезками труб, метили в голову. Но тех ублюдков так и не нашли.

Люде было двадцать пять. Она — единственная дочь. В летнем отпуске на родине, когда заезжаю к ее пожилым родителям в гости, Бато ахай и Дулма абгай всегда горько плачут. Они так не хотели отпускать ее в далекую Москву. Люда, как приехала, сразу устроилась официанткой в суши-бар, но мечтала работать по своей специальности. В этом году ей исполнилось бы сорок лет. Наверное, уже была бы замужем за своим Баиром и народила детей. «Хочу троих, а может, и больше, ведь одной расти так скучно», — говорила она. Каждое лето всей семьей ездили бы в родной край нютаг. Отдыхали у дедушки в санатории Угсахай в окружении зеленых сопков, так похожих на гигантские круглые шапки малахай. Набирали в ковш ледяной аршан из родника и пили бы целебную воду. А потом по дороге в родное село гуляли бы по бескрайней степи и дышали наивкуснейшим воздухом, напитанным ароматом полыни и чабреца ая-ганги. А потом Люда пела бы во все горло народные песни, которые она знала наизусть... песни о любви, о детях, о счастье...

Чуго

Софья Филатова

Голова болела. За окном только начинал брезжить рассвет. Ужасно хотелось пить. Евгений с трудом расклеил веки, аккуратно, чтоб не разбудить жену, вылез из-под одеяла и, пошатываясь, направился на кухню.

В гостиной яркими, разноцветными огнями переливалась елка, освещая все каким-то непривычным светом. Вдруг ему показалось, что кто-то стоит около дивана. Он протер глаза, фигура не исчезла. Он попробовал еще раз, не доверяя себе, а то мало ли что может привидиться после вчерашнего. Но все оставалось по-прежнему. Фигура сделала несколько аккуратных шагов в сторону елки, и Евгений, убедившись, наконец, что не бредит, шагнул в комнату.

— Ты че творишь?

Фигура вздрогнула, бросила что-то на пол, но тут же выпрямилась и повернулась к Евгению.

Это был высокий мужчина, одетый в массивную красную шубу, шапку такого же цвета и валенки без галош. Белая борода, как и положено, свисала почти до пояса, а в правой руке он крепко сжимал поражающих размеров мешок.

— Ты... че творишь? — повторил Евгений уже менее уверенно.

— Я?! Чего... чего это ты, внучек, не узнал, что ли? — спросил дед.

Евгений не ответил, только слегка попятился.

«Вот если бы я вчера не это самое... — думал он, — может быть, сейчас бы просто попил водички и спать пошел, а теперь вот тебе...»

Вдруг Мороз плюхнулся на диван и, закрыв лицо ладонями, весь затрясся.

— Ты чего? — заволновался Евгений. — Может, скорую?

— Тяжело мне, деду, жить стало! — запричитал гость.

— Да! А кому сейчас легко-то?

— Никто в тебя не верит, все в шею гонят! И даже те, кто раньше любил, и те забывать начали! Даже вот ты! Я тебе подарочки носил, когда ты вот такусенький был, а ты мне чем отплачиваешь?

Евгений и вправду как-то застыдился.

— Ну, прости! Не узнал! Столько лет прошло!

Но Мороз все не мог успокоиться или не хотел.

— Тяжелая нынче жизнь началась, внучек, ох...

— И не говори! — Евгений сел в кресло. — Мне вон на работе зарплату понижают! А гречка! Да ты видел, сколько гречка теперь стоит?

— А то! — Дед утер глаза рукавицей и тут же добавил: — То есть я за гречкой не очень слежу, но вот подарки! Игрушки детям!

— Да, с этим тоже все невесело... Да и у нас это самое... И вообще все как-то... Да ну и... В общем, катится все, катится... А кто виноват-то, а? Ты, кстати, как насчет политики?

— Ой, внучек, не начинай! — яро запротестовал дед. — Я, знаешь ли, не по этой части.

Наступила неловкая пауза.

— А моим ты, это... принес все-таки что-нибудь?

Мороз осмотрел комнату, и глаза его остановились на двух коробочках под елкой.

— Да! Письмо мне пришло, вот и принес, как просили!

Евгений тоже взглянул на коробки. Обертка показалась ему знакомой, жена что-то такое как раз в магазине смотрела. Может, купила...

— Письмо? Это кто же, интересно, тебе его написал?

По виску деда текла тонкая струйка пота, глаза нервно бегали.

«Жарко, наверное, в шубе-то», — подумал Евгений.

— Ну... Твой... или это... ну... твой... твоя... твое дитяtko, — выдохнул Мороз.

— Правда, что ли? — искренне удивился Евгений. — Вряд ли это старшая, а то ей уже шестнадцатый пошел. Ох! Сколько я с ней натерпелся! Запирается в комнате и не выходит. Вообще ни во что не верит! Это, значит, младшая написала... — рассудил он.

Дед Мороз перевел дух. Евгений хотел было предложить ему раздеться, но это вдруг показалось ему как-то неправильно.

— Не знаю, когда это она писать научилась, — продолжил он задумчиво, — способная, значит... Она, знаешь, книжки, ух, как любит. Прямо нарадоваться не можем.

— В отца пошла, — объяснил дед, с повышенным интересом разглядывая дверь в коридор. — Ты ведь тоже в детстве, ух, каким способным был.

Мороз уже встал, видимо, собираясь уходить, даже рот для прощания открыл, но Евгений вдруг остановил его.

— Дед, а дед, может... хлопнем по одной, а?

Тот нахмурил белые брови, но, вздохнув, весело объявил:

— Ну что ж, отчего бы и нет!

Евгений полез в холодильник за остатками чего-нибудь. Мороз сел, бережно закрутил верх мешка и поставил его между ног.

После первой рюмки, выпитой за веру в чудо, он как бы невзначай спросил:

— А дочки-то твои крепко спят?

— Крепко, крепко. Только у бабушки они, ночевать там остались, — объяснил повеселевший Евгений.

— А жenuшка?

— О! Точно! Пойду, разбужу, познакомлю вас!

— Нет! Нет! Нет! Внучек! — Дед так и подскочил. — Не надо будить никого! Секрет я!

Они выпили по второй. Затем по третьей. Евгений рассказывал, чуть не плача, какую-то историю про котенка, которого дед ему не принес, когда он был во втором классе.

Мороз посмотрел в окно. Уже почти совсем рассвело.

Он поднялся, строго пробасил:

— Заболтался я тут с тобой уж больно, внучек! Уж утро на дворе!

И быстрым шагом направился в прихожую. Евгений поспешил за ним.

— Эй, подожди!

Он тащил огромный дедовский мешок. Мороз вздрогнул, но затем радостно принял мешок и одновременно виновато и благодарно улыбнулся.

— Чуть подарки не забыл! — покачал головой Евгений.

Дед закивал.

— Ну, спасибо тебе, дорогой! Счастья тебе и радости в будущем году! — торжественно объявил Мороз, забывая, что на дворе уже первое января. — Меня не забывай!

— Да уж! Хорошей тебе дороги!

Дед вышел в холодную темень подъезда, последний раз махнул рукой гостеприимному хозяину, и дверь за ним с шумом закрылась.

Он чуть не сбежал вниз по лестнице, вывалился из подъезда под громкое пиликанье домофона и завернул за угол. После этого пришлось идти медленней и степенней. Так он прошел три двора и в четвертом, наконец, с сильно бьющимся сердцем распахнул дверь потрепанной лады цвета бордо, кинул мешок на пассажирское сиденье, уселся за руль, захлопнул дверь и закурил.

Немного успокоившись, он раскрыл мешок. Ноутбук, потертая норковая шуба, миксер, два кошелька и электрический чайник неопределенного цвета.

— Чайник теще... — пробормотал он, стер со лба пот, стянул на подбородок белую бороду, почесал щетинистую щеку и завел машину.

Электрификация

Ксения Ерофеева

Оксана не понимала, почему ей по-прежнему приходили счета за электроэнергию. Чтение днем. Вечером — только старая керосиновая лампа, доставшаяся по наследству от бабушки, убитого в деревне молнией во время смертельного ливня. Продукты должны быть свежими, ничего лишнего. Поэтому и холодильник не нужен. В квартире отсутствовал телевизор и даже телефон. Оксана предпочитала живое общение. Еда готовилась на газовой плите. Уютный уголок прошлого в современной Москве вполне ее устраивал.

Оксана сидела в приемной Управляющей компании «Жилищник» и ерзала на стуле, перекладывая одну пухленькую ножку на другую. Старший специалист Анжела Григорьевна вошла в кабинет и небрежно кинула на стол кипу бумаг. Затем долго их перебирала, хлопая объемными ресницами. Потом смотрела в экран компьютера и снова перебирала бумаги.

— Ну вот же, нагорело! Смотрите сами.

Оксана вздрогнула от этого слова и убрала за уши упрямое каре. В голове замерещился бабушка и яркие вспышки молнии.

— Мне что, в суд обращаться?

— А вы сейчас, вероятно, хотите получить от меня бесплатную юридическую консультацию? — безапелляционно ответила Анжела Григорьевна. — Но не-ет, это не ко мне.

— А к кому? — Оксана посмотрела так грозно, как хозяин смотрит на провинившуюся дворняжку. — Я всегда оплачиваю общие счета. Говорю же вам, в моей квартире электричеству нет места.

Анжела Григорьевна посмотрела на Оксану исподлобья.

— То есть, совсем не жжете? А уют?

— Я сюда не это пришла обсуждать. Да и вообще, лучше чугуна еще ничего не придумали. Я оплачиваю общие коммунальные платежи и знаю, сколько это стоит. Но последние два месяца платежи приходят на другую сумму. А вы говорите, что цена за киловатт не поднималась.

Анжела Григорьевна за свою недолгую практику повидала разное. И считала, что работникам управляющих компаний полагается, как и врачам, более длительный отпуск, и как и балеринам — ранний уход на пенсию. Также старший специалист полагала, что хуже пенсионерок населения и быть не может, но сегодня она пересмотрела свои взгляды.

— Даже не знаю, чем вам помочь. Вы одна живете?

— Это не имеет к делу никакого отношения. Все-таки в суд. — Оксана подпрыгнула со стула и вышла из кабинета с ровной гордой спиной.

По дороге домой Оксана шуршала октябрьскими листьями и крутила у себя в голове различные варианты. Кто мог быть у нее дома? Никого. Оксана не особо любила гостей. Этим гостям всегда было темно, они много удивлялись и задавали ненужные вопросы. Дочь? Та всегда была послушной девочкой. А-а, вдруг вспомнила Оксана. Печник приходил на прошлой неделе и лазил в камин и в дымоход со своим ярким фонарем. Молодой такой печник, явно неопытный. Он ей сразу не понравился. Где у вас свет? Но в то же время Оксана присутствовала при нем, да и что он мог сделать?

— Дочка, я вернулась!

Оксана скрипнула дверью, как следует хлопнула ей и прошла на кухню.

Пахло жареной картошкой. Диана стояла у сковородки в наушниках и пританцовывала. Увидев мать, она вздрогнула от неожиданности и выключила музыку.

— Ну зачем тебе это? Давай ходим в консерваторию, — вздохнула Оксана.

— Мам, — дочь вытащила наушники, — я и так у подруг телефон заряжаю, а эту песню мне нужно разучить к выпускному.

— Ну и учи в школе! Ты ж с огнем играешь! — сказала Оксана и подкинула дров в камин.

Диана покосилась на мать, покачала головой, выключила плиту и ушла в свою комнату.

Ох уж эти подростки.

— А картошка?

— Не хочу, — выкрикнула из комнаты Диана, — мы с папой поели.

— С папой? Поели? Приходил отец? Сюда?
— крикнула Оксана в закрытую дверь.

— Сюда, сюда, — послышался приглушенный ответ.

— А мне почему не сказала?

— Не спрашивала...

Что-то зачастил он в последнее время. Оксана пожала плечами, достала себе тарелку и громко стукнула кулаком по столу.

На следующий день она отправилась в квартиру к бывшему мужу. Поднявшись на шестнадцатый этаж новостройки, она сдула с лица взмокшее каре, посмотрела на дверной звонок и громко постучала в дверь. Послышались шаги, и глазок заблестел электрическим светом. Железная дверь открылась.

— Оксана, что с тобой, тебе плохо? — Сверху вниз на нее смотрел человек, когда-то носивший ее на руках. — Ах, совсем забыл, что ты не дружишь с лифтом, — сказал он, еле сдерживая улыбку.

Деловито отодвинув бывшего мужа в сторону и не разуваясь, Оксана прошуршала на кухню и села за стол, небрежно бросив платежки.

— Чаю? — предложил муж.

— Воды!

Осушив стакан и набравшись воздуха, Оксана наконец пришла в себя и мгновение любовалась пейзажем из окна, словно покорительница горных вершин. Затем повернулась к мужу, поздоровалась с ним наконец и приступила к делу.

— Ты в своем уме? — начала она спокойно.

Муж непонимающе на нее уставился.

Теперь монолог продолжился с постепенным усилением звука и интонации. Так, что в середине она уже разошлась, а в конце и вовсе перешла на крик.

— Оксаночка, но как? Я со всем уважением отношусь к твоим прихотям. Мне бы и в голову не пришло пользоваться в вашем доме электричеством, у меня свое есть, — попытался успокоить ее муж как можно мягче.

— Прихотям? — Оксана заскрипела зубами. — Ты же ходишь к ней в мое отсутствие, ты опять меня обманываешь!

— К кому это к ней? — Из комнаты выглянули черные волосы, а за ними и одевающаяся на ходу девушка — явно моложе Оксаны и ее бывшего.

Муж молча, ласково и твердо прикрыл дверь, едва не прихлопнув волосы своей спутницы.

— Оксаночка, честное слово, не я! Ну честное слово.

Оксана изогнула голову в надежде увидеть повторный выход молодых волос и совершенно забыв, зачем она пришла. Потом опомнилась и перевела взгляд на бывшего.

— Оксаночка, ну не я же, — умолял муж.

— И это я уже где-то слышала. Больше к дочери без спроса не приходи. Понял?

— Но а как спрашивать-то, когда телефона нет? — промямлил бывший.

— А никак, — уверенно сказала Оксана, подняла бумаги и пошла к выходу. Пробежалась вниз по лестнице и оказалась на улице.

На пути к остановке пошел дождь. Она заплакала. Не из-за молоденькой женщины своего бывшего мужа, и не из-за счетов, и даже не из-за того, что забыла зонт. Она ревела о своем одиночестве. Мир казался ей нелепым, странным, враждебным. Она подошла к подъезду своего дома и остановилась перед ним. Вот кто сейчас ее понимал. Оксана нежно погладила стену дома. Он единственный, кто помнил свою историю, знал все и гораздо больше этих несчастных жильцов. Бедный, как же ты мучился при установке лифта. Она обошла дом со всех сторон, заглядывая в окна, и обняла, прильнув грудью к фасадной части — кабанчику. Так и стояла, широко раскинув руки. Окно первого этажа приоткрылось, и послышался хриплый голос:

— Оксана, вы в порядке?

На нее смотрели лысые очки. Сосед Лампочкин из семнадцатой квартиры с интересом наблюдал, как Оксана при виде него сперва дернулась, затем кивнула и стала вытирать почерневшее от наружной плитки лицо. А потом пошла к подъезду.

Дома никого не было, Диана училась. Оксана взяла с полки дореволюционного серванта семейный фотоальбом, стряхнула пыль с тканевого переплета и, уютно устроившись в мягком кресле, стала листать. Вот фотография дедушки, которого прихлопнуло молнией. Вот бабушка, которая сошла с ума после смерти дедушки. Говорят, что, убитая горем, она думала, что он жив, и с кем-то разговаривала, но никто ей не верил. Сама преставилась через три года. Семилетнюю Оксану тогда забрала тетка, единственная живая из родственников. Родителей Оксана не знала, и на фотографиях их тоже не было. Девочку вырастили в суевериях и запретах на электричество. Тетка передала племяннице свой опыт и семейные традиции и со спокойной душой отпустила в город. В институте Оксана познакомилась с отцом Дианы. Вот их свадебная фотография. Оксана растрогалась, какая она молоденькая в этой нелепой фате стоит на каблуках и на ступеньках при выходе из ЗАГСа, и все равно ниже его на голову. С мужем не сложилось. Очень уж любил он носить всех на руках, не только ее. Зато оставил им с дочерью квартиру и сам переписал на них все имущество. И вот

они в стенах благородного дома, а с фотографии улыбается маленькая Диана.

Оксана перелистнула последнюю страницу своей жизни и убрала альбом на полку. В дверь постучали. На пороге стоял Лампочкин с коробкой магазинных эклеров и улыбался. Оксана удивилась, но предложила соседу зайти на чай. Они сидели в тишине.

— Сахар? — предложила Оксана.

— Лимон, — ответил сосед.

Эклеры остались нетронутыми. Сосед сделал последний глоток чая и заговорил:

— Вы обращайтесь, если что, я один живу.

От этих слов Оксана заревела, да так, что уткнулась Лампочкину в грудь, а он приобнял маленькую женщину и стал гладить ее волосы, потом спустился ниже, к бедрам, и стал активнее ее успокаивать ниже и ниже, пока не успокоил окончательно. Оксана опомнилась, застегнула блузку и под предлогом возвращения дочери проводила соседа.

Спускаясь по ступенькам, Лампочкин обернулся.

— Ну вы обращайтесь. Не стесняйтесь.

Оксана еле заметно улыбнулась. Дверь захлопнулась.

На следующий день Оксана оказалась в суде. Уверенная в себе и своей правоте, она составляла иск. Теперь она точно знала, кого винить в необоснованных счетах — Мосэнергосбыт, управляющую компанию и Анжелу Григорьевну вместе с ними, за халатность. Шариковая ручка легко и непринужденно писала заявление, а ее мысли так же спонтанно влетали в ее голову и вылетали из нее. Одну такую мысль Оксана поймала на крючок и удержала, чтобы

рассмотреть поближе. «Расслабься! Брось ты это всё! Наслаждайся! Тебе уже за сорок!» — диктовал ее внутренний голос. Оксана отпустила мысль восвояси и дописала заявление.

Помощник судьи указал ей на некоторые неточности и предложил нанять юриста для наиболее верного составления иска. В ответ Оксана кивнула, улыбнулась, сложила заявление пополам и вышла из помещения.

На улице, несмотря на поздний октябрь, было солнечно. Оксана решила прогуляться через парк и прикупила целый батон, чтобы скормить его голубям. Птиц не оказалось. Некоторое время она звала их и крошила хлеб, а потом съела батон сама.

Открывая ключом свою квартиру, Оксана услышала какой-то шум за дверью, будто ветер завывал с угрожающей силой. Перед дверью она замерла в испуге. Приплясывая и напевая что-то под нос, дочь пылесосила квартиру, не замечая прихода матери. Оксана приблизилась и резко, но с осторожностью вырвала провод из розетки. Девочка сделала шаг назад и хотела что-то сказать, но мать тут же подняла крик.

— Диана, ты в своем уме?

Диана снова попыталась дать объяснение, но Оксана ей не дала.

— Ты забыла, что случилось с бабушкой? А твоя активистка-прабабушка, которая внедряла план ГОЭЛРО? Ты помнишь, как умерла она?

— Мама, ну конечно я помню, ты рассказывала, но... — не успела договорить Диана.

— Прямо на задании! Во время демонстрации лампочки Ильича на глазах у несчастных крестьян, которые, кстати, совсем не хотели иметь электричество у себя дома!

— Да, мама, они прекрасно обходились и без него. Но я просто убираюсь в нашей квартире. И я не верю во всю эту ерунду.

Оксана набрала воздуха и продолжила:

— Все прекрасно жили без него. Именно что жили. И мы выжили благодаря тому, что в нашем доме его нет.

— Мама, но сколько можно верить этому семейному проклятию? Столько времени прошло. Я устала убирать квартиру тряпкой и веником. И делать уроки в темноте.

— При нормальном дневном свете! — уточнила Оксана.

— Ах да, точно.

— Признавайся, откуда ты взяла эту штуку?

— У соседа, у Лампочкина, — вздохнула девочка, — сейчас отнесу.

— У Лампочкина? — На секунду она замерла и поправила перед зеркалом прическу. — Нет, я сама. — Оксана вырвала из рук дочери пылесос и, толком не закрутив провод, ринулась к выходу. — И скажу, чтобы больше не смел давать тебе эту бесовщину! Может, ты еще и лифтом пользуешься?

Оксана ступила на лестницу, которая изгибалась морской раковиной и звала вниз. Сделала решительный шаг, но, запутавшись в проводе, полетела вдруг по спирали, которая воронкой закручивала ее ниже, глубже, быстрее. Пылесос грузовым вагоном погромел вдогонку, прицепившись своим проводом к орущему поезду. На последней ступеньке вагон скакнул прямо на голову несчастной и прибил на месте своей нечистой силой.

На шум выскочил сосед и тут же кинулся к Оксане. Увы, было уже поздно. Он вздрогнул, перекрестился и заплакал.

— Вот проклятье, — сказал он, повернувшись к Диане. — Все женщины, которых я люблю, почему-то умирают.

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023